

КАДУЦЕЙ

ДАВИД-АНАСТАС

18+

Давид-Анастас Максимов

Кадуцей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69845125

SelfPub; 2023

Аннотация

Давид – ничем не примечательный студент, который имеет некоторые проблемы с самооценкой и самоорганизацией, однако живет далеко не так плохо, как многие могли бы подумать. Жизнь парня была более-менее обычной, пока он не повстречался с девушкой по имени Апата, которая оказалась далеко не так проста, как ему казалось. Расследования, убийства, любовь, внутренний конфликт и неожиданные последствия далекого прошлого пришли в жизнь парня вслед за милой с виду девушки. Вопрос не в том, справится ли парень со всеми трудностями, а останется ли он собой после своего долгого приключения?

Содержание

Крыша	6
Сигарета	12
Свидание с ведьмой	16
Инквизиция	25
Быт	30
Явь	36
Грань человечности	49
Кухня	57
Исповедь	65
Правда	73
Приступ	86
Игра с сознанием	91
Кома	97
Похороны	109
Ядовитый джаз	114
Наказание	121
Кадуцей	128
Отчаяние и подготовка	133
Охота	142
Вдох	156
Маски	165
Бал-маскарад	181
Эпилог	191

Давид-Анастас Максимов

Кадуцей

"Рожденный ползать умеет плавать"

Совергон

Самому себе и всем, кто поддерживал

Крыша

Холодный весенний рассвет. Мы сидели на крыше одной из типичных для советской России многоэтажек. Радовало, что на прошлой неделе мы все-таки соорудили здесь некое подобие укрытия и что у нас было хотя бы несколько раскладных стульев. Приятное мартовское солнце, хоть и только восходящее, одаривало теплом.

– Видишь? Как и обещал, встречаем вместе рассвет, – сказал я и, взяв из ее холодных бледных рук сигарету, затянулся. Она ничего не ответила, лишь улыбнулась. Ее бесконечно красивая улыбка завораживала меня все больше и больше, морщинки и та пара родинок на правой щеке уже были настолько мне приятны, что я просто не мог отвести взгляд. Ветер трепал ее каштановые волосы, а в зеленых глазах наконец читалась радость.

Мне было приятно осознавать, что мы сейчас одни, буквально одни: никто в мире не знает о том, что мы сейчас так беззаботно сидим вместе на этой панельке и курим. Однако никакое счастье не может длиться дольше мгновения. Я заметил на предплечье девушки, с которого спал ее любимый синий свитер, новые ожоги поверх всех старых шрамов. Она начала смеяться, а мое лицо сразу изменилось – его поразила гримаса ужаса, в глазах на секунду потемнело. «Нет, нет, нет, только не сейчас, только не опять», – пронеслось в моей

голове. – «Пусть хотя бы раз это закончится по-другому». Ее смех сменился пронзительным звоном, и я с трудом открыл глаза.

Потолок. Старый и прогнивший. Я снова проснулся, и снова в своем общежитии. Моя рука упала на диван – это должен был быть удар, но у меня не было ни сил, ни желания портить мебель. Я скинул с себя плед и, медленно поднявшись, побрел на кухню.

По пути вновь невольно окинул взглядом свое место жительства. Раньше за такую комнату в общежитии студенты были готовы глотки вырывать: тут был и диван-раскладушка зеленого цвета, который уже давно, правда, стал серым, с кучей пятен и следами от сигарет, и относительно неплохие настенные часы, которые монотонно отстукивали каждую секунду, так еще и своя отдельная кухня. Но я, конечно же, не сразу тут оказался. На первом курсе, я, как и все, жил в стандартном общежитии для новоиспеченных студентов, однако за закрытие первого года на отлично и некую помощь кафедре был переселен подальше от своих сокурсников, что не могло не радовать.

Придя на кухню, я исполнил свой ежедневный унылый ритуал: чашка кофе, пара таблеток, надпись «противопоказано курящим», сигарета. Не сказать, что, глядя на все то, что творилось у меня в комнате я чувствовал себя комфортно, однако я никак не мог заставить себя прибраться: убрать все разбросанные по комнате вещи и помыть всю ту посуду,

что также оккупировала мое жилище, – виделось мне скорее пыткой, нежели обязанностью. Кроме того, мое общение с одноклассниками походило больше на метание стрелок, но, по правде говоря, мне и не особо нужно было с ними общаться, а значит и гостей у меня не бывало.

Я достал телефон и посмотрел на часы, хотя это можно было и не делать, и так было понятно, что я опоздал: за окном было светло, при этом на улице стоял январь, а это значило, что день длится, от силы часов шесть, и это объективно не те шесть часов, во время которых начинается учеба. Я оделся и побрел на улицу – мне нужно навестить отца.

Путь до кладбища был не близок, однако только здесь я чувствовал себя в безопасности и лишь здесь мог не думать о ней. Улица сменяла улицу, мое тело не спеша тащило меня в сторону трамвайной остановки, в то время как мое сознание уже давно покинуло тело. Я вновь размышлял и размышлял, но мои раздумья так ни к чему и не привели, а я уже оказался в знакомом месте.

Легкий холодок приятно щекотал кожу, заставляя иногда поежиться. Ряды серых и черных могильных плит и редко торчащие кресты нагоняли привычную атмосферу уныния и спокойствия, заставляя меня вспомнить каждый из прошлых своих приходов сюда. Снег оккупировал все вокруг и пробираться сквозь зыбучую смесь воды и льда было тяжеловато. Медленно подойдя, я протянул руку и смахнул с каменного надгробия накопившийся с моего прошлого прихода снег.

– Привет, пап...

Каждый раз, оказываясь здесь, мне становилось жутко. Никогда не мог поверить в то, что такой сильный и поистине достойный человек погибнет.

– Прости, я все еще не бросил курить... И не съехал из этой общаги... Прости меня, пожалуйста...

Я упал на колени... Снова, я снова расплакался. Отец всегда говорил, что когда он умрет, то по нему не стоит скорбеть, нужно лишь навещать его и рассказывать новости. Но он был мне слишком дорог, он буквально создал лучшего меня, я был хорошим только благодаря ему. На моем лице непроизвольно появилась улыбка.

– Уверен, что если бы ты увидел меня, то был бы очень недоволен, тебе ведь никогда не нравилось, как я себя корю и ненавижу.

Я поднял взгляд и прочитал надпись на его надгробии. Не счесть сколько раз я видел эти буквы, сколько раз читал этот текст, но в этот раз что-то было не так. Я не мог понять, что именно, но мое тело бросило в дрожь, а на лбу проступил холодный пот. Поднявшись и постаравшись успокоиться, я направился прочь отсюда, здесь больше не было безопасно ни моему сознанию, ни мне самому.

Оставшуюся часть дня я бродил по городу. Пешеходы, машины, снег – все они стали неотъемлемыми атрибутами моей жизни. После смерти отца, которая ознаменовала уже третьи похороны в тот год, я с трудом мог общаться хоть с кем-

то: было просто невыносимо смотреть в глаза или поддерживать разговор, а спектр моих эмоций стремительно приближался к минимуму. Однако именно благодаря этому я убедился в том, что, кажется, единственный в моей жизни друг – это Артем.

Короткие блондинистые волосы, серьезный взгляд и постоянное легкое недовольство в его мимике тепло отдавались в моем сердце всегда. Как всегда, он был без шапки и, казалось, в не самой теплой куртке, однако каким-то образом он умудрялся не заболеть.

Артем подошел ко мне, сидящему после полуночи в парке на скамье и протянул сигарету. Я молча взял и закурил. Некоторое время мы просто молчали. Дым медленно поднимался в ночное небо, которое сегодня было удивительно красивым. Небосвод был усеян звездами, и у меня вновь появилось ощущение своей ничтожности в масштабах вселенной. Безжизненный парк, где повсюду лежал снег, а также эта гнетущая тишина заставили моего хорошего друга все-таки нарушить это блаженное мгновение полета моего депрессивного ума.

– К отцу ходил? – спросил он несколько обеспокоено. Однако то, как я на него посмотрел, нельзя было спутать ни с чем. Мой взгляд был не то, чтобы пустой, он был мертвый. В зрачках не чувствовалось ни капли человечности и выглядел я так, будто готов убить его прямо сейчас.

– А по мне не видно, что ли? – огрызнулся я, заставив тем

самым заткнуться Артема. Хотя я и не хотел его задеть, мне было жизненно необходимо побыть одному, вся эта нерво-трепка в последнее время полностью выбила меня из колеи.

Мы докурили, и я направился в сторону общежития. Еще некоторое время мое сознание даже воспринимало тот пейзаж, что мелькал на пути, однако вскоре запасы моей энергии оказались на нуле и дальше мне ничего не оставалось, кроме как полностью уйти в себя. А когда же я наконец добрался до дома, то, не раздеваясь, лег на диван и сразу же уснул. Уходил в мир грез я с одним желанием – хотя бы сегодня не видеть этот вечный сон.

Сигарета

Еще один день, который начался, как и все предыдущие. Вечный сон, который преследует меня, все-таки не отступил, а тяжелый подъем, кофе, таблетки и сигарета все еще оставались моей рутиной. И сегодняшний день не должен был никак отличаться, но, пока я пил кофе, ко мне постучались. Медленно, без особого желаяния, я побрел к причине своего беспокойства.

Приоткрывая дверь, которая, хоть и выглядела дешевой и чуть ли не пластмассовой, была достаточно тяжелой, чтобы сбить кого-нибудь с ног, я подумал, что это, как минимум, странно, что такой, как я, вдруг кому-то понадобился, однако, завершив это стоящее огромных усилий действие открытия двери, я увидел невероятно красивую девушку.

У нее были темные волосы, которые закрывали один ее глаз и заканчивались на уровне плеч, небольшая родинка рядом с носом, на губах виднелись следы от укусов, а на шее было несколько ожогов. Она подняла на меня взгляд, и я посмотрел в ее открытый глаз. Я моментально растворился в нем. Его нельзя было отнести ни к одному известному мне оттенку, это была смесь из всего, которая при этом идеально гармонировала. Плавный переход от карего с краев к небольшой полоске зеленого и потом к морскому синему. Я готов был смотреть на нее вечно.

– Ты Давид? – задала свой вопрос незнакомка. Голос у нее был приятный и ласкал слух, но я очень умело скрыл, что рад встрече со столь красивой девушкой.

– Да, а ты кто и что тебе нужно? – ответил я достаточно сухо, вновь проявляя негатив к незнакомцам. Это было очень действенное средство против большинства людей, которые так или иначе пытались взаимодействовать со мной. Сарказм, язвительность и негатив – лучшие друзья в борьбе с ненужными беседами.

– Меня зовут Апата, пришла попросить у тебя конспекты лекций. Говорят, что ты умен.

Она взяла прядь своих волос и начала играть с ней, а на ее лице появилась улыбка. Грязный ход, но рабочий. Я закачал глаза, сделав вид, что меня это раздражает, но открыл пошире дверь.

– Заходи, тут, конечно, не убрано, но и я гостей не ждал.

Мы прошли в мою погрязшую в бардаке комнату. К своему удивлению, я смог найти конспекты достаточно быстро. Апата же в это время прошлась по всей комнате и, окинув ее взглядом, усмехнулась. За этим последовал мой недовольный кашель, и я передал ей записи.

– Чай? Или может кофе? Или ты спешишь?

– Не спешу, первая пара все равно философия, а там не отмечают, да и я не против познакомиться поближе.

На ее лице вновь появилась лучезарная улыбка. Раздражает, но я привыкну. Всегда привыкаю.

Мы общались несколько часов и за разговором не заметили, как пролетело время. Никто из нас не пошел на пары, однако у Апаты это был первый пропуск всего дня, а у меня... Даже не счесть. Я висел в списках на отчисление ещё с октября, однако выкинуть из универа меня не получилось – я закрыл сессию на отлично. Сказать, что преподаватели были в шоке – это ничего не сказать. Но для меня не было ничего удивительного. Ещё на последних годах обучения в школе я понял, что намного лучше учусь сам, однако поступить всё-таки пришлось, иначе меня бы ждала армия.

Наша беседа подходила к своему логическому концу, что меня, несмотря на занимательность своего собеседника, радовало. Потянувшись, я встал и прошелся к холодильнику. Перед тем, как все-таки открыть заветную дверцу великолепной машины с едой, мне пришлось собрать свои уже достаточно длинные волосы в пучок. Вообще я успел порядком запустить себя: волосы уже были до подбородка, сама же борода отросла значительно, чем мне хотелось, и, хотя мое лицо все еще было усыпано веснушками, будто я подросток, выглядел я лет на тридцать, по крайней мере, мне так казалось.

Моя рука все-таки дернула дверь холодильника, однако, окинув взглядом содержимое, я разочаровался – там было пусто.

– Ты оказался намного умнее, чем я думала, – внезапно выдала Апата, но хоть это и был комплимент мне, в ее голосе

слышалось больше довольство собой, нежели мной. Я решил не обращать на это внимания.

– Благодарю, мне это льстит, но тут ничего удивительного. Я учусь постоянно, практически, с перерывами на депрессивные вечера и приступы апатии.

Девушка продолжала улыбаться, словно пропустив последнюю часть моего предложения мимо ушей, а послеглянула на часы. Осознание пропуска полного учебного дня лишь позабавило ее. Апатата перевела взгляд с часов на меня и предложила встретиться сегодня вечером. Я согласился. Назначили встречу на восемь вечера у кофейни, и меня вновь настигло одиночество.

Свидание с ведьмой

На часах шесть вечера. У меня есть еще пара часов до свидания со своей новой знакомой, а это значит, что надо привести себя в порядок. Путь мой лежал в душ. Горячая вода стекала по моему телу, и я почувствовал, что все еще живой. Мои волосы намокали, голова становилась тяжелее и вскоре я уже уперся ей в стену. Горячая вода и пар успокаивали меня, даря полное расслабление.

Вскоре, переборов желание навсегда остаться в воде, я вылез из душа и, вытерев себя, стал сушить волосы. Прекратив в один момент эту пытку горячим воздухом, я достал резинку, собрал свои кудри и принялся разглядывать свое лицо. Мои карие глаза хоть и выглядели хорошо раньше, сейчас были просто ужасны. Они были такие красные, что казалось, будто бы капилляры могут лопнуть в любой момент. Радовало, правда, что прыщей на моем лице уже почти не было, виднелось лишь несколько небольших шрамов. В целом, мое лицо можно было счесть достаточно привлекательным, хотя кто я такой, чтобы говорить об этом...

Чем дольше я смотрел на себя, тем большее отвращение испытывал и тем больше убеждался, что та мимолетная идея о своей привлекательности была просто наиглупейшим заблуждением, которое мой мозг допустил только из-за приятной беседы с Апатой. Тем не менее я все-таки решил, что

побриться будет не лишним, я оставил себе небольшую аккуратную щетину, потому, как если бы я побрился под ноль, то выглядел бы совсем как школьник.

Быстро выйдя из ванной, я распустил волосы и накинул на себя чистую одежду. Точнее ту, которую еще можно было назвать чистой. Это были черные брюки и черная рубашка, все то, что я надевал на то множество похорон, где мне пришлось побывать. Подойдя к окну, я закурил и стал любоваться вечерним городом. Легкий прохладный ветерок обдувал меня, но я чувствовал, как становилось холоднее, и уже предвкушал эту прогулку по морозному городу.

Тикание часов на фоне стремительно замедлялось, в то время как я погружался в пучину своих мыслей и рефлексий по поводу и без. Мой мозг прокручивал и прокручивал этот сон, пытаясь найти хоть что-то, что могло бы дать подсказку по поводу того, почему меня преследует это воспоминание. Однако где-то через минут двадцать меня вернул в реальный мир стук упавшего предмета. Звук шел с кухни, но, придя туда, я не обнаружил ничего, что могло бы упасть, все лежало на своих местах. Это отрезвляющее возвращение в реальность принесло мне здравую мысль, на которую у меня было достаточно времени и даже оставались некоторые средства: нужно купить цветы. Три веточки гипсофил обошлись мне в неожиданные пятьсот рублей. На все мои возмущения продавец ответил, что если я найду того, кто дешевле мне продаст сейчас эти цветы, то он отдаст их бесплатно. Одна-

ко стоит признать, что этот скромный букет выглядел очень даже неплохо.

В назначенное время я был на месте, Апата же подошла, опоздав на незначительные пару минут. Я вручил девушке свой скромный букет, который она с радостью приняла, одарив меня скромной улыбкой.

Наша прогулка была больше похожа на перебежки между укрытиями. Январские морозы, которые буквально полчаса назад были вполне приемлемыми, не давали спокойно гулять, и нам приходилось то и дело заходить в разные торговые центры и просто в здания, чтобы погреться. Все это сопровождалось милой беседой и головной болью, которая мне, по правде говоря, не была свойственна. Мы обсуждали множество вещей: от предпочтений в музыке до философии Аристотеля, от любви к кофе до нелюбви к людям – и наши вкусы поразительно сходились.

Время стремительно приближалось к полуночи, и я был изрядно вымотан не только головными болями, но и этим нескончаемым днем в целом. Где-то через полчаса мы оказались около подъезда девушки. Подъем к двери по ступенькам отнял у меня последние силы, а ведь мне еще предстояла дорога домой. Судя по всему, Апата заметила мое уставшее состояние и предложила остаться у нее. Я поблагодарил ее за предложение, и хотел было отказаться, но тут приступ боли стал сильнее, и я пошатнулся, потеряв равновесие. Девушка, на удивление, успела среагировать и, подхватив меня, с

беспокойством в голосе сказала, что сегодня я остаюсь у нее и никакие возражения не изменят этого. Противиться я не стал, да и не мог – силы начали меня крайне стремительно покидать, поэтому я вложил все их остатки в то, чтобы дойти до квартиры своей спутницы.

В своем полубессознательном состоянии я не то, что бы не смог оценить интерьер квартиры, я даже не смог запомнить, как зашел. Все, что происходило в этот вечер после того, как я переступил порог квартиры, было словно в тумане. Я не только не запомнил детали, но и никак не мог вспомнить то, как буквально рухнул в коридоре, когда Апата отвернулась закрыть дверь.

Проснулся я часов в двенадцать дня. Один. На кофейном столике лежала записка, содержание которой заставило меня улыбнуться. «Давид, я сегодня решила остаться дома, чтобы понаблюдать за твоим состоянием, однако меня все-таки вызвали в деканат, поэтому тебе придется самому разбираться. Аптечка стоит на кухне, в холодильнике найдешь чем перекусить, как проснешься – набери мне» – было выведено красивым подчеркиком. Улыбку же на моем лице вызвала мысль о том, что это чем-то похоже на отношения супружеской пары: муж заболел, а жена решила остаться с ним, но злобный начальник вызвал ее на работу. Вот только я не муж, а она не жена, да и никакого начальника нет, обычный деканат. Я попробовал подняться и сразу же упал обратно на диван, который оказался поприятнее того, что был у меня в общежитии.

Картинка в моих глазах поплыла и это еще пару раз не давало мне подняться. Я чувствовал несильную боль в ногах, в особенности в коленях, но раз за разом, упираясь руками в диван, пытался подняться. И у меня все-таки поучилось это с энной попытки.

Дойдя до кухни, я был поражен ее современным дизайном. Она вся была очень светлая, что поначалу било по глазам, но, привыкнув, глаз начал радоваться от вида всех минималистичных шкафчиков, что располагались вдоль стены кухни, столешницы, которая великолепно сочеталась с остальным интерьером, да и в целом тут все было подобрано идеально. После моего общежития, где кухни, да и все в целом, был в советском стиле, это помещение было глотком свежего воздуха.

Я провел руками по деревянному столу, который так и манил к себе, собирая все внимание, и только сейчас понял, что вся квартира выполнена в футуристическом стиле.

– Да-а-а, – протянул я в пустоту, – моя задрипанная комната не идет ни в какое сравнение с этими хоромами, – и стал пожирать глазами все, что видел. Мой отвыкший от красоты мозг был поражен тем, что такое может быть спрятано в обычной хрущевке, а еще я был уверен, что это стоило целое состояние: вся эта мебель, которая была выполнена из явно не дешевых материалов, все эти картины, которые так хорошо вписывались в интерьер, тут была идеально подобрана абсолютно каждая деталь, и мне было очень сложно отвести

взгляд от этой красоты.

Однако, все-таки оторвавшись от разглядывания квартиры, я нашел в аптечке анальгин и выпил его в надежде, что головная боль отступит. После я послушно набрал номер владелицы сих апартаментов и доложил о своем состоянии. В трубке слышался взволнованный голос Апаты, что меня, однако, удивило. Не думал, что она действительно переживает за меня. Я бы не стал.

После непродолжительного разговора я направился в ванную, чтобы попытаться смыть с себя вчерашний день и, конечно же, освежиться. Горячий душ сделал свое дело и мое состояние действительно улучшилось, так еще и таблетка подействовала, поэтому теперь я чувствовал себя более чем великолепно. Смотря в зеркало, мой взгляд зацепился за интересные небольшие ранки. Они были похожи на следы от игл, однако их происхождение оставалось для меня загадкой, но наверняка это какие-то ссадины от падения вчера в коридоре.

Выйдя наконец из душа и ощущая свежесть, я принялся дальше любоваться этим произведением архитектурного искусства, в котором мне удалось по счастливой случайности вчера оказаться. Несмотря на то, что это была хрущевка, квартира выделялась на фоне остальных количеством комнат: их было пять или даже шесть. Я решил, что тут скорее всего были куплены несколько квартир, и потом убедился в этом, вспомнив, что на лестничной клетке была только еще

одна дверь помимо той, что вела в квартиру Апаты.

Я проходил мимо каждой комнаты и поражался тому, как нигде не был нарушен стиль. И спальня, и гостиная, и санузел, да даже домашняя библиотека, которая, кстати, привлекла меня больше всего, – все было минималистичным и таким приятным моей душе. Не могу выделить ничего особенного, что запомнилось мне после обхода, кроме библиотеки. Там было огромное количество книг, которые я быстро окинул взглядом, встретив великое множество писателей: от Пушкина до Стругацких, от Байрона до Данте.

Однако больше всего привлек мое внимание лежащий на столе второй том оккультных заклинаний. Он вызвал на моем лице улыбку, ведь эта книга явно не принадлежала девушке и крайне выделялась на фоне всего остального. Я взял его в руки и осмотрел. На обложке красовалась пентаграмма, которая, однако, была множество раз зачеркнута, корешок уже был не новым и казалось, что книгу много раз перечитывали. Решив, что больше в этой квартире я ничего не найду, я положил обратно талмуд и вновь пришел на кухню – мой желудок дал о себе знать, издав громкий звук. Я проверил холодильник на наличие продуктов и собрал набор, который позволил мне приготовить английский завтрак.

Яичница с беконом и чай – это была моя самая полезная еда за последние пару месяцев, до этого я буквально питался чипсами, дошираком, энергетиками и, конечно же, кофе. Поражало то, что мое сердце все еще не остановилось, учи-

тывая, что иногда я заливал энергетик в кофе, выпивал эту смесь залпом, а после закуривал. Но это было не так важно, время постепенно подходило к моменту возвращения моей знакомой, и я был этому безмерно рад, ведь сидеть в одиночестве в чужой квартире меня не забавляло. Я исходил каждый квадратный метр этого места по несколько раз и от скуки уже лежал на диване залипая то в потолок, то в телефон, который, правда, не смог прогнать напавшую на меня скуку, поэтому теперь я просто лежал.

Звон ключей в замочной скважине вывел меня из транса. Я бросил взгляд на дверь и встретился со взглядом Апа-ты. Она улыбнулась. Почему мне показалось, что эта улыбка как-то отличалась? Впрочем, это не так важно. Я поднялся и пошел к ней, чтобы помочь донести пакеты с продуктами, которые, к слову, оказались достаточно тяжелыми.

– Нашел чем перекусить?

– Да, это был мой самый здоровый перекус за последние пару месяцев, – ответил я, усмехнувшись, как бы делая вид, что это шутка, однако было предельно ясно, что это не так. Девушка никак не отреагировала и направилась на кухню. Она была более сдержана и холодна.

– Что случилось? – спросил я. Возможно, это было несколько бестактно, но не сказать, чтобы меня когда-то заботили чувства других, как, впрочем, и мои собственные. Девушка повернулась ко мне, и я увидел, как у нее навора-чивались слезы. Уверен, что мое лицо в этот момент было

произведением искусства, потому как такого удивления я не испытывал достаточно давно.

– Мне так страшно стало вчера, и сегодня я весь день на нервах, я так беспокоилась о тебе, – ответила она уже почти рыдая. Мое сердце дернулось. Впервые за долгое время я испытал это чувство. В моей голове всплыло множество воспоминаний, которые я так старательно пытался забыть, каждый день я пытался забыть себя, я не считал себя за человека и яро проклинал тот день, когда я родился. Но почему? Почему я ненавижу себя? Почему я не верю в то, что меня может кто-то полюбить? Потому что, когда меня полюбили, это обернулось трагедией? Я не знаю. У меня нет ответов на эти вопросы, но я искренне не хочу задаваться ими каждую ночь, я хочу засыпать в обнимку, хочу любить и быть любимым. Не знаю почему, но мы уже с четверть часа стояли на кухне и просто обнимались. Мы не разговаривали, не смотрели друг на друга, просто слушали то, как бьются наши сердца. Однако я чувствовал, что ее сердце бьется ровно. Слишком ровно.

Инквизиция

В тот день я вновь остался у Апаты. Мы стали видеться довольно часто, однако вместе с этим участились и мои головные боли. Я с трудом могу вспомнить детали хоть какой-то из встреч с девушкой, потому как все, что я помню, – это боль, нестерпимая головная боль, которая, словно метроном, отстукивала по моим мозгам один и тот же ритм. Изо дня в день. Не прекращаясь. Я смог привыкнуть, но проще от этого не становилось. Я также заметил, что фантомные раны на моем теле появлялись все в больших количествах, а в последнее время я стал испытывать какое-то недомогание.

В порыве одного из таких приступов я, сам не зная почему, направился в гости к Апате. Не сказать, что я действительно хотел ее видеть, скорее мне было просто спокойно у нее дома, в ее объятиях. Мы встречались уже пару недель и практически каждый день виделись, я как-то очень быстро к ней привязался, не сказать, что меня когда-то волновали люди или что кто-то был мне дорог, но Апата стала особенной, по крайней мере, мне так казалось.

– Ты в последнее время зачастил, – встретила она меня, улыбнувшись. Я ответил ей улыбкой, и мы обнялись. Мое тело было практически без сил, поэтому очень скоро я завалился спать у нее, в надежде, что проснусь утром в более хорошем состоянии. Когда я лег на кровать, вес моих век

многократно увеличился и они, несмотря на все мои старания, закрылись. Мгновение, еще одно и вот уже блаженный сон, который должен принести мне бодрость и новые силы. В этом сне, как и в любом другом, время шло совершенно по-другому, мне показалось, что прошло минут пять с того момента как я уснул, но это было не так.

Какая-то неведомая сила заставила меня проснуться. Еще до того, как я открыл глаза, я понял, что что-то не так. Я чувствовал дополнительный вес на себе, руки были плотно прижаты к матрасу, а в воздухе чувствовалась опасность, а в воздухе чувствовалась опасность. Из-за того, что я лежал на животе, у меня было преимущество, я сделал толчок вбок и послышался грохот. В то же мгновение я открыл глаза, но еще ничего не мог разглядеть в темноте. Все-таки прошло намного больше, чем пять минут. Через пару секунд, когда я сумел сориентироваться, в мою шею уже впился шприц, который держала Апата. Боль разошлась по моей шее так же, как расходятся круги на воде. Повезло только, что мое тело успело среагировать и игла вошла не очень глубоко, оставив в полном порядке гортань и голосовые связки.

– Какого хрена ты делаешь? – крикнул я и толкнул девушку ногой в живот. Удар был намного сильнее, чем мой обычный и меня даже не волновало то, что я причиняю вред человеку, который еще пару часов назад был для меня самым дорогим на этом свете. Отлетевшая Апата издала короткий вскрик, а ее тело впечаталось в стену с таким грохотом, что

соседи, если бы они были, точно вызвали бы полицию.

Я увидел девушку, освещенную лунным светом. На ее лице была улыбка, которая заставила застыть кровь в моих жилах. Неестественная пугающая гримаса, выпученные глаза и смех, который звучал настолько зловеще и был настолько не похож ни на свойственный ей, ни на просто человеческий, заставили мое сердце биться с бешеной скоростью. Казалось, что сейчас меня хватит удар и я навсегда распрощаюсь со своей никчемной жизнью. Девушка, если ее еще можно было так назвать, поднялась и достала из-за пазухи небольшой раскладной нож. Она смеялась и, медленно приближаясь, произносила слова, которые из ее уст ранили меня куда сильнее, чем эта несчастная игла.

– А на что ты надеялся? – спросила она, практически криком, продолжая давить эту чертову улыбку, – Ты серьезно думал, что кому-то нужен? Что кто-то полюбит такого, как ты? Ты жалок и ничтожен, твои амбиции и мечты ничего не стоят, а одно твое существование оскверняет все человечество, как вид. Ты не просто жалок, ты мне противен и омерзителен, я всегда презирала тебя и лишь ждала момента, чтобы отправить тебя к твоему любимому папочке.

Снова послышался смех. Мерзкий смех. Ужасный, сумасшедший. Мое тело все еще не хотело меня слушаться, но когда мой мозг все-таки обработал то, что мне было сказано, я почувствовал боль, настоящую боль, которую не ощущал уже достаточно давно. Боль сменилась пустотой, а та ненави-

стью. Я почувствовал, как адреналин вбрасывается в кровь, а тело уже жаждет убить ведьму, которая уже успела довольно сильно приблизиться.

Все, что было дальше я помню лишь отрывками. Была драка, она все пыталась воткнуть в меня нож и пару раз у нее получилось, но в один момент я наконец-то смог ее вырубить. Далее в памяти всплывает коридор и то, как я, опершись на стену, упал в какое-то помещение, это была скрытая комната, где повсюду на стенах, полу и потолке были оккультные символы, какие-то колбы с кровью и шкаф, от которого несло гнилью. В центре гептаграммы стоял деревянный книжный пюпитр. На нем было вырезано множество богохульных сюжетов, а венчал его тот самый том оккультных заклинаний. Само пребывание в этой комнате не давало мне спокойно двигаться, не то, что думать. Я не смог оценить ситуацию и сделал то, чего не должен был, но то, что заслуживала эта ведьма. Последнее, что я помню из этого дня, это то, как я вышел из подъезда и посмотрел на горящее окно квартиры девушки. Я расплылся в улыбке.

На следующее утро я обнаружил, что головные боли стихли, хоть легче от этого мне особо не было. У меня болело все тело и где-то виднелись следы вчерашней бойни. Нашел я и несколько несерьезных ножевых ранений, от которых, вероятно, останутся шрамы. Но ничего из этого не повлияло на мою утреннюю рутину. Пока я стоял и курил у окна, у меня стали наворачиваться слезы. Бычок был быстро сжат и поту-

шен в руке, а мой кулак со всей силы ударил стену. Я медленно сполз на пол и начал рыдать. Слова покойной ведьмы еще долгое время не будут давать мне спать, хотя о ней самой забудут уже через пару дней, по крайней мере, я надеюсь на это.

БЫТ

Всю следующую неделю ко мне приходили представители правопорядка. Они задавали вопросы сначала стоя в дверном проеме, потом в отделении. Я врал, безбожно врал на даче показаний. Много, так много, что сам начинал в это верить, но это скорее была воля моего тела, нежели мозга. Мой разум давно покинул реальность и отправился путешествовать в пучину моего больного сознания, желая хоть на минуту отвлечься от всей боли, преследовавшей меня. Теперь я мог корить себя за то, что убил человека, хотя нет, именно за корить себя не было смысла, ведь ничего другого эта ведьма не заслуживала. Из транса, ставшего для меня привычным состоянием, меня вывел хлопок мента по плечу. Я хотел было огрызнуться, но инстинкт самосохранения сдержал мой язык за зубами.

– Вы свободны, молодой человек, расследование решило, что вы к этому не причастны, но мы всем отделением выражаем Вам соболезнования, кажется, вы были близки, по крайней мере, так говорят, – эти слова были самым ужасным, что я мог услышать. Молча кивнув, я с трудом вышел на улицу, отправившись домой. У меня не было желания ни видеть род людской, ни думать, ни существовать.

Дорога казалась мне бесконечно длинной. Каждый шаг давался мне все с большим трудом. В один момент меня чуть

не сбила машина, однако опечалило меня именно то, что я все еще жив, но смирившись с этим, мне все-таки пришлось продолжить путь.

Придя домой, я смог дойти до кровати, но потом меня снова накрыло. Я кричал, плакал и бил мебель, хотя она этого, конечно, не заслужила. Больше всего досталось зеркалу и часам. Тиканье часов меня настолько вывело из себя, что они вылетели в окно, а зеркало было разбито за то, что показывало мое отражение. Теперь меня ждало семь лет несчастья, которые, я понадеялся, окончатся пораньше. Когда же я был обессилен и полностью разбит, я просто свернулся калачиком на полу и стал спрашивать пустоту за что мне все это. С каждым мгновением мне становилось все холоднее, тоска заполняла меня и сковывала все сильнее, однако я вдруг почувствовал тепло, мне показалось, что ко мне прикоснулись. Обернувшись, я никого не увидел, но хотя бы смог встать, закрыть окно и лечь в кровать. Я просто понадеялся, что смогу уснуть.

Утро началось с того, что меня разбудил Артем. Не помню, когда именно, но точно когда-то очень давно я выдал ему ключи от комнаты. У меня не было никакого желания открывать глаза, однако это все-таки пришлось сделать.

– Поражаюсь тому, насколько настойчивым может быть этот человек в некоторые моменты, – проворчал я, с недоумением посмотрев на него, хотя на самом деле я был рад его видеть. Мы реже стали вместе зависать, и я об этом дей-

ствительно жалею, потому что именно он поддержал меня, когда я потерял отца. Был, правда, еще один человек, который слушал мое нытье в то время, но вспоминать ее каждый раз больно, ведь я не смог помочь ей. Как бы я хотел, чтобы мы все втроем вместе выпили, снова, как в старые добрые времена. Но этого уже не произойдет.

– Ты пойдешь сег... – Артем не успел закончить фразу, я его перебил – Пойдем сегодня к Насте? – после этой фразы в комнате повисло молчание. Нам обоим было тяжело и, насколько я знаю, с момента ее похорон, никто из нас не приходил на ее могилу.

– Пойдем, но сначала на пары, – выдал он и протянул мне руку, чтобы я поднялся. Сделав кофе себе и Артему, я быстро перекусил, оделся, и мы пошли на учебу.

Философия. Помнится, когда-то я был очень ей увлечен: читал Аристотеля, Канта, Ницше. Как же я скучаю по тому себе, который был так заинтересован во всем и старался все изучить.

Время не торопилось, и каждая минута тянулась целую вечность. По окну бил дождь. Январский дождь. Это, конечно, было странно, но такое уже случалось в прошлом году, поэтому я не то, чтобы удивился. Пришлось перевести взгляд с живописного пейзажа на пустой лист тетрадки, однако писать конспект у меня не было никакого желания, а потому я просто начал рисовать на полях, как делал и в старшей школе, когда мне было скучно. В основном на полях по-

являлись рисунки глаз, огня и всякие узоры. Мое умиротворенное состояние прервал шепот, который доносился откуда-то сзади.

– Представляете? Этот больной все-таки приперся, сначала убил второкурсницу, а теперь еще посмел заявиться сюда! – услышав это, я сжал кулаки так, что у меня аж пальцы хрустнули. Злость заполнила меня, а глаза начали слезиться, однако я смог подавить эти эмоции и сделал вид, что не услышал ничего.

– Так, Эридов, встаньте, Вы почему разговариваете на моей паре? – прервал перешептывания препод.

– Прошу прощения, что отвлек вас, – послышался знакомый голос, и как я не догадался? Анастас Эридов – мой друг детства, бывший друг. Мы были не разлей вода, до класса девятого точно. Потом он начал всячески пытаться показать, что лучше меня, но особо ничего достичь не смог. Так исторически сложилось, что я полимат¹, а он технарь. Но даже в точных науках он не мог со мной конкурировать, я всегда проводил за учебой больше времени, а труд окупается всегда, точнее почти всегда.

– Опять он, – прошипел я. Я хотел было ударить парту, но Артем меня вовремя остановил. Он молча посмотрел на меня, но я все понял по его взгляду. Он всегда был молчаливым и мало что о себе рассказывал, но по тому, как он смотрел

---

¹ Полимат – человек, который одинаково хорош, как в технических, так и в гуманитарных науках

на того или иного человека, было понятно, что Артем думает о нем и что испытывает мой друг в данный момент. Так вот, он был разбит, разбит не меньше меня, но в отличие от меня, он всегда был сильнее. Никогда не ныл по пустякам, никогда не сдавался и всегда думал о других. Так почему же он выглядит так, будто скоро сломается? Почему я забыл про единственного человека, которому я реально нужен?

Всю оставшуюся пару я провел в раздумьях, а когда она наконец-то закончилась, я подошел к Артему.

– Слушай, давно мы не выпивали вместе, может соберемся как-нибудь? – спросил я и улыбнулся.

– Да, давай через недельку ко мне на дачу поедем, отдохнем хотя бы, – ответил он и у меня словно гора с плеч упала. Я хлопнул его по плечу, и мы пошли дальше учиться. По итогу, под конец дня никто из нас не явился на кладбище, мы просто не смогли, однако, несмотря на это, день шел своим чередом.

Я просто уверен, что прошло около шестнадцати часов, однако мой телефон говорит об обратном. Пять вечера. Не знаю, что на меня нашло, но я решил навести в комнате порядок. Прибираясь, я нашел множество вещей, которые напоминали о прошлом. В один момент я уже не мог делать вид, что они ничего не значат. Я упал на кровать, закрыл глаза и погрузился в пучину рефлексий. Возможно, я уснул, однако я бы так не сказал.

Передо мной предстал огромный замок, но не типичный

для реального мира, он был более гротескный и фантастический. Я шагал по мосту, ведущему к нему, переступая с камня на камень, приближался к нему. В воздухе чувствовался запах гнили, гари и пороха. Подойдя к воротам замка, я толкнул их и увидел ужасную картину, от которой меня начало воротить: вокруг меня была горящая квартиры Апаты, а сама ведьма лежала рядом со мной. Ее тело уже начало полыхать, и, когда пламя окутало половину ее туловища, она начала стремительно ползти ко мне. Мне не хватит всего могущества языка, чтобы описать тот ужас, который на меня нахлынул. Мне хотелось попятиться, но я обнаружил, что меня удерживают каменные кисти.

Потеряв равновесие, я упал. Последнее, что уловил мой слух, было мое же имя, произнесенное до боли знакомым мужским *голосом*, владельца которого я определить не смог. Потом последовал звук выстрела, и я проснулся. Телефон показывал два часа ночи. Голова трещала, а с меня стекал холодный пот. Все, на что мне хватило сил, было выпить таблетку и лечь обратно спать, в надежде, что завтра я все-таки проснусь.

Явь

Я занес револьвер над его головой. Сердце бешено билось, но руки, на удивление, не тряслись. Я видел страх в его глазах, однако он выдавил ухмылку.

– Да у тебя кишка тонка! – сардонически произнес он. Я вспомнил строчки, которые читал в одной книге, было написано, мол, а что, если Достоевский в названии своего романа «Преступление и наказание» поставил слова не в антонимическом ряду, а в синонимическом? Может я бы и согласился с этим раньше, но сейчас я был настроен полностью наоборот.

– Сегодня Я – преступление, и Я – наказание, – завершением фразы стал выстрел. Пуля вылетела из револьвера, освещаемого лучами рассветного солнца, и лишила жизни эту жалкую пародию на меня. «Он это заслужил», – услышал я в своей голове и по телу разлилось приятное спокойствие. Гремевший на улице гром начал стихать и только сейчас я осознал, что произошло. Множество картинок встало в моей голове в нужном порядке, но почему я на это пошел? Как я докатился до того, что совершил уже второе убийство?

Мне сразу вспомнился тот день, когда я увидел странный сон. Я поразительно хорошо его помнил, хотя прошла уже неделя. То утро было для меня тяжелым. Очень тяжелым. Начнем с того, что проснулся я на полу, окно было открыто,

а я ничего не понимал и не помнил. Холод заполонил все пространство комнаты и заставил меня быстро прийти в себя. Мысль о том, что мне стало настолько плохо, что у меня начались приступы сомнамбулизма меня не радовала, однако я решил, что делать поспешных выводов не стоит. Поразительно здравая мысль для моего сонного мозга. Поднявшись, я направился в ванну и, приняв душ, быстро оделся. Меня ждал очень долгий день. Даже не выпив кофе, я вышел из комнаты и направился в сторону метро. Я должен был найти его и наконец расставить все точки над «и».

Мне предстояло проделать небольшой путь. Идя по улице, мой взор то и дело цеплялся за архитектуру центра. Из-за того, что я редко выбирался куда-либо за пределы своего района, любая поездка в центр была особенной. Архитектура была для меня самой любимой разновидностью искусства. Проходя по очередной улочке, я заметил человека, которого, как мне показалось, я уже видел. Это был мужчина средних лет с седыми волосами и несколько квадратным лицом. Он был достаточно высок, и несмотря на то, что он находился достаточно далеко, я готов был поклясться, что он точно выше меня.

Так помимо того, что меня преследовал какой-то дед в пальто из прошлого века, в попытках оторваться от него я не раз сворачивал на дорогу в сторону университета. Мне даже показалось, что меня туда тянет, словно кто-то или что-то желало моего присутствия там. И я, конечно, бы мог сказать,

что это резкое желание учиться и грызть гранит науки, но нет, остатки здравого ума и сознания в моей голове говорили, что это скорее я схожу с ума, нежели какое-то чудо произошло с моим мертвым интересом.

А вишенкой на всем этом торте стало то, что у меня началась паника. Я чувствовал тревожность, плутая по лабиринту из переулков города, словно я погружаюсь все глубже в пучину своего сознания и скоро найду там то, чего точно не хотел бы находить. Выйдя наконец на большую улицу, где и находился вход в метро, я смог вдохнуть полной грудью и успокоиться. Глаза искали Анастаса. Мне надоело происходящее. Это нужно было закончить.

На самом деле раньше я не имел ничего против него, потому что именно он был моим мостом с внешним миром и обществом. Он был тем самым харизматичным парнем, с которым все хотели общаться, я же, в свою очередь, был интровертом-хиккой, для которого любое взаимодействие с людьми оканчивалось стрессом, паникой и чуть ли не истерикой. Единственным моим другом был именно Анастас. Не сказать, что мы проводили все свое время вместе, но считали друг друга самыми лучшими друзьями. Он свободное время проводил в компаниях, а я сидел за книгами, учебой и видеоиграми. Мое развитие шло быстрее, чем у моих сверстников, что явилось для них поводом докопаться до меня. «Че, умный самый?» – именно это я слышал каждый божий день, однако мой товарищ отвечал на это крайне жесткой, для наше-

го тогдашнего возраста, обсценной² лексикой. Именно это, а также мои достаточно крепкие нервы спасали меня вплоть до момента, когда я первый раз сломался и перегорел.

Помню это как вчера: я сижу в своей комнате после полуночи, на улице декабрь моего девятого класса, у меня льются слезы, а на столе лежит изрезанный ножом учебник русского. Тогда я еще не знал, что смогу привыкнуть к этому состоянию и что боль для меня станет скорее развлечением, нежели бременем, пускай и только физическая. Так вот, на следующий день после своего срыва я проснулся злой и без сил. А когда до меня вновь докопались, то в ответ последовал очень сильный удар по лицу. Я хотел было наброситься на него, чтобы продолжить свою месть, но меня вовремя остановили. Кстати, ударил я тогда именно Анастаса, это был первый и последний раз, когда он пристал ко мне настолько в открытую. Но это было только началом.

После этого инцидента мы несколько дней не общались, да и не сказать, что у меня было желание. Теперь в моей голове четко засела мысль, что люди меня ненавидят, впрочем, это было взаимно. Несмотря на все произошедшее я все еще сидел с Анастасом за одной партой и те или иные беседы в любом случае происходили. Как я позже узнал уже от Артема, с которым я тоже иногда общался, но в намного меньшей мере, мой бывший друг стал распускать обо мне разные слухи, дабы еще ниже загнать мою репутацию, которая и

---

² Обсценная лексика – мат.

так де-факто отсутствовала. Решив, что так больше не может продолжаться, я назначил Анастасу встречу, которая должна была, во-первых, облегчить мою жизнь и избавить от новых слухов, и, во-вторых, прекратить эту бессмысленную вражду.

Мы встретились поздно вечером недалеко от школы и диалог с самого начала не задался.

– Че надо, задрот? – сразу же прилетело в мою сторону. Я усмехнулся и посмотрел на Анастаса. К моему собственному удивлению, я не чувствовал ни страха, ни волнения, вообще ничего. Тусклый свет только что включившегося фонаря осветил нас и чуть поодаль я увидел еще несколько ребят моего возраста, меня это, правда, позабавило, а не напугало. Я поднял голову и посмотрел на небосвод, на котором красовались созвездия, которые я так любил изучать раньше.

– Дружков своих притащил? Совсем больной что ли? Да если кто-то узнает, что ради такого как я ты позвал людей, тебя высмеют. Нет, серьезно? То есть в этом весь ты, да? Так умело все это время притворялся моим другом и ради чего? Чтобы в момент, когда мне будет тяжелей всего, предать меня? Ты настолько никчем и низок? – я больше не мог молчать. Всего меня заполонила ненависть, и пускай я понимал, что она вызвана не Анастасом, но именно он повинен в том, что все это вышло наружу. А чего он, собственно, ждал? Я копил в себе эмоции множество лет, конечно, они в один момент выйдут. Раз уж он предал меня тогда, когда я нуж-

дался в нем больше всего, то пусть теперь отвечает за свои поступки.

– Я?! Да я.. я.. – он не мог найти слов, чтобы ответить. Удивление, страх и ненависть – все это читалось в его глазах.

– ТЫ! ТЫ МОЯ САМАЯ УЖАСНАЯ ОШИБКА! Я ТЕБЯ ПРЕЗИРАЮ! ЛУЧШЕ БЫ ТЫ НЕ РОЖДАЛСЯ! – уже не выдержал я и перешел на крик. Моя кровь кипела, глаза налились злобой, какую прежде не видел мой, теперь уже, враг.

Закончилось все, как можно было догадаться, дракой. Не скажу, что я выиграл, но и не проиграл. Думаю, можно назвать это ничьей. Правда проблемы это тогда не решило, и мне пришлось терпеть его вплоть до окончания школы. Мы поступили в один университет, даже на одно направление, в одну группу, однако он поубавил свои амбиции по уничтожению меня, как человека, и моя студенческая жизнь была далеко не так плоха, как школьная.

Выйдя наконец из воспоминаний, я нашел взглядом своего старого «друга». Он стоял и курил у спуска в метро. Мне повезло, что он меня еще не заметил, и потому я смог окинуть его взглядом и спокойно оценить обстановку.

Он был спокоен и безэмоционален, сильно же он изменился, раньше всегда светился от радости, да и стиль у него сильно поменялся после выпуска. Теперь он выглядел более мужественно что ли: короткие волосы теперь не скрывали небольшие шрамы на лбу, у линии волос, а очки и мешки под глазами придавали ему более взрослый вид, а доверше-

нием этого образа была не очень густая и длинная, но все-таки борода.

Сделав несколько вдохов-выдохов, я подошел к нему с максимально дружелюбным лицом, которое только могли изобразить мои лицевые нервы в тот момент.

– Чего тебе надо, ненормальный? – спросил он с легкой насмешкой. У меня на виске проступила вена, а на лице появилось заметное недовольство, мой взгляд стал холоден и жесток. Я хорошо знаю это чувство – чувство ненависти, это чувство теперь уже ассоциировалось с его именем. Он замолк и, посмотрев в сторону, затаился.

– Анастас, давай ты не будешь действовать ни мне на нервы, ни себе и наконец перестанешь распускать про меня слухи или хочешь, чтобы закончилось, как в прошлый раз? – ответил я, стараясь держать себя в руках.

– Как в прошлый раз?! Да ты совсем берега попутал, думаешь, что тебе одному тогда было тяжело? Ублюдох, да после твоих слов в тот день я себе места пару месяцев не находил. Я и так всю жизнь загонялся по поводу того, что такой, как ты, лучше меня буквально во всем. Абсолютно. Столько моих попыток хоть в чем-то тебя обойти пошли коту под хвост. Знаешь, как меня задолбало слышать от отца твое имя? Каждый божий день он говорил, насколько я ничтожен и ничего не стою, если такой странный и никчемный человек, как ты обходит меня в каждой дисциплине. А если вдруг я давал слабину и разрыв между нами увеличивался, то я получал

отцовского ремня. В один момент его перестало парить, что я второй в школе после тебя в каждом направлении и «для стимуляции моей учебы» он стал тушить об меня сигареты, а бил он меня теперь кулаками. Ты стал причиной моих почти одиннадцати лет страданий, я ненавижу тебя и мне плевать, что с тобой будет. Надеюсь, что ты испытаешь столько страданий, сколько тебе и в кошмарах не снилось.

Я схватил его за воротник и притянул к себе, но тут подошел милиционер и, разняв нас, сделал каждому по предупреждению и нам пришлось разойтись. Стараясь не думать о том, что сказал Анастас, я на автопилоте дошел до универа. Будучи практически полностью без сил, я отсидел лишь две пары и отправился домой.

В моих планах было лечь спать, однако все пошло к черту, когда я решил чуть подольше моргнуть. Закрыв глаза буквально на долю секунды дольше, чем обычно, я умудрился врезаться в первокурсницу, которая почему-то искала меня. Я извинился и стал слушать, ну как слушать, скорее просто делал вид, что слушаю. Она говорила, долго и много с этой типичной для тупых девок интонацией. Раздражало, но мне уже хватило конфликтов на сегодня. К сожалению, в один момент она заметила, что я пропускаю мимо ушей все, что вылетает из ее рта.

– Але, ты меня слушаешь? – спросила она и пощелкала пальцами около моего лица. Еле сдержавшись, дабы не схватить ее за руку, я, стиснув зубы, ответил, что весь во внима-

нии. По итогу, вся суть ее послания складывалась в то, что меня зовут на тусовку. Недовольно цыкнув и закатив глаза, пришлось ответить что-то невнятное, чтобы она наконец закрыла свой рот, который я уверен, использовался не только для разговоров и приема пищи.

На часах семь вечера. Сна ни в одном глазу. Как я это ненавижу. Я накинул на себя какую-то одежду и направился в сторону общежития первого курса, и даже если опустить тот факт, что там будет всякий сброд и что меня переполняет злость, это все еще глупая затея. Впрочем, когда меня это останавливало?

До этого корпуса было примерно десять минут, однако я смог растянуть удовольствие побыть в одиночестве в первых днях февраля на целых двадцать минут. Из головы все никак не выходили слова Анастаса. Несмотря на то, что мы друг друга взаимно ненавидим, какое-то время мы все-таки были друзьями, и он ни разу не обмолвился о том, что у него такие проблемы из-за меня. Избиения, отношение как к животному, это все или я обрек его на еще что-то? Заслужил ли он это? Как бы я поступил? Вопросы переполняли мою голову, однако уже близился другой корпус. Все еще находясь в раздумьях, я продавил пальцем звонок и с огромной тяжестью взглянул на дверь. Ее открыла низкая девушка, которая мне показалась знакомой, но никак не мог вспомнить откуда я ее знаю.

– Ты все-таки пришел! – воскликнула она радостно и об-

няла меня. Я впал в небольшой ступор, но через пару секунд в мою голову все-таки пришли нужные отрывки монолога той ТП, которая в меня врезалась. Она упоминала, что меня здесь очень ждала какая-то девушка, однако имени я не запомнил. Переступив через себя, я приобнял ее и максимально быстро зашел в комнату.

У первого курса тоже были неплохие комнаты, точнее квартиры. Правда, здесь система была немного другая: была двухкомнатная квартира со своей кухней, это все на четверых. Однако здесь было человек пятнадцать, не меньше, но располагались они, в основном в комнатах, поэтому через пару мгновений я смог пробраться на кухню и, открыв холодильник, достать бутылочку пива. Не скажу, что мне вкатывал алкоголь, но сейчас я просто хотел напиться, это спонтанное желание и спонтанная тоска накрыли меня с головой.

Фиолетовое освещение в достаточно просторной квартире общежития искажало восприятие пространства. Стояла приятная прохлада – несколько окон было открыто. Я прошел в комнату к первокурсникам, надеясь лишь на то, что их детские сплетни и просто разговоры хоть как-то разгонят ту неподъемную тяжесть скуки, так неожиданно свалившуюся на меня. К своему удивлению, мне не повстречался никто из знакомых, да и в целом я тут был самым старшим, поэтому мне почетно выделили место рядом с окошком, и я принялся слушать разговоры.

Достаточно долго они обсуждали какие-то нейтральные

темы, например, кто как закрыл сессию или у кого какие планы на второй семестр. Я сидел достаточно тихо, иногда выкидывая шутки, которые были очень даже неплохи, потягивая пиво и, признаюсь, наслаждаясь атмосферой.

В один момент ко мне начала липнуть какая-то первокурсница, однако я был еще достаточно трезв, чтобы оценить ситуацию и спихнуть ее на другого парня, что сидел рядом со мной. Я ему искренне сочувствовал, однако каждый сам за себя.

Душевная беседа шла достаточно долго, однако в один момент речь зашла про Апату. Удивительно, как простая смена темы может разрушить всю атмосферу. Я не знаю и знать не хочу, почему и откуда они ее знали. Так или иначе, они полезли туда, куда не следовало и я, подгадав момент, испарился из комнаты.

Вновь отправившись на кухню, я стал, уже в полном одиночестве, убивать себя спиртным. Мне показалось, что прошло не более пяти минут с моего очередного погружения в пучины своих деструктивных мыслей, но часы говорили об обратном. Прошло около получаса. Полчаса я вел осмысленный диалог с самим собой. Мне точно надо в лечебницу, может стану новым джокером. На очередной мысли о том, что моя психика уже не такая крепкая как раньше, хотя крепкой я ее никогда не считал, зашла та самая девушка, которая встретила меня.

– Чего грустишь здесь один? – спросила она, проходя ми-

мо меня. Я услышал звук открывающегося холодильника. Она села на соседний стул и передала мне еще одну бутылку.

– Да так, задумался о смысле жизни... – ответил я, принимая предложения моей новой знакомой и открывая бутылку. У нас завязалась беседа и, хотя на вид она казалась милой и недалекой девушкой, ее познания меня поражали. Она поддерживала любую тему, которую я поднимал в своих рассуждениях. Возможно, в других условиях я бы в нее влюбился и у меня была бы счастливая жизнь, так как это точно было бы взаимно, но я был намерен сегодня лишь закрыть дыру в своем сердце и не более. Тем более теперь умные девушки вызывали у меня некоторые опасения, кто знает, может и эта захочет меня убить.

На протяжении всего разговора я любовался внешностью знакомой незнакомки. Она была то ли казашкой, то ли узбечкой, в общем что-то из средней Азии. Немного смуглая кожа, волосы до плеч, несколько родинок на лице в разных местах и аккуратный носик – все это пленило мое сознание на тот момент. Я был в шаге от того, чтобы упасть в бездну любви.

Через некоторое время алкоголь ослабил хватку моего мозга и я, нарушив все личные границы, поцеловал девушку. Еще мгновение и мы уже ушли с тусовки и пошли к ней в комнату. Моргнул, и она уже стонет подо мной. Но на душе все также пусто. Пусто, как и всегда, и даже плотские утехи не могут заглушить голос моих мыслей. Голос, который не

дает мне спать.

Утро, как я ненавижу это время дня. Проснулся я, как можно было догадаться, у той девушки, чье имя я не знал или не помнил. Одевшись, я быстро вышел и пошел к себе, до того, как она проснулась. Мне не хотелось больше ее видеть, а моя душа не содрогалась под муками совести, я все также с неизменным выражением лица шел по территории универа. Оставалось пять дней, до душевных посиделок с Артемом, которых я с нетерпением ждал.

Грань человечности

Оставшиеся учебные дни и выходные не представляли из себя ничего, что могло бы быть удостоено упоминания. Чего нельзя сказать про утро вторника. Проснулся я, на удивление, легко. Однако мне показалось, будто в моей комнате был кто-то еще. Я стойко ощущал присутствие этого человека и даже чуял ее запах, как мне показалось. Эти духи были мне до боли знакомы, но я никак не мог получить доступ к воспоминаниям о них. Я бродил из стороны в сторону достаточно долго, все стараясь вспомнить чей же аромат будоражил мое сознание сейчас. Это продолжалось на протяжении всей моей утренней рутины. Тем не менее, мне нужно было выдвигаться, и я направился на улицу.

Не успел я отойти и двухсот метров от здания, как моему взору предстал уже знакомый человек в сером пальто. Тело парализовало, но тут же отпустило, когда он подошел ко мне.

– Господин Менс? – спросил он, назвав мою фамилию.

– Чем могу быть полезен?

– Пройдемте, я угощу вас кофе, а вы меня выслушаете, – сказал незнакомец и, не став дожидаться ответа, отправился в сторону кофейни. Этот человек не оставил мне никакого выбора, да и появляться в университете с самого утра у меня не было желания.

Пока мы молча преодолевали путь до кафе, у меня появи-

лась возможность получше рассмотреть незнакомца. Выглядел он лет на сорок, может сорок пять, на лице виднелась седая щетина, а также множество морщин. Мне практически сразу стало понятно, что работа у этого человека крайне нервная, да и сам он выглядел грозно: тяжелый взгляд, широкие плечи, немного квадратное лицо – все это почему-то ставило меня в позицию жертвы что ли.

«Тем не менее, среди бела дня он мне вряд ли что-либо сделает», – утешал себя я, в то время как мы уже подошли к кофейне. Она не была какой-то особо примечательной: стойка, за которой стояла молодая девушка и принимала заказы, несколько столиков внутри здания, один снаружи, все в рамках обыденности. Мы зашли внутрь и сели за столик у окна.

– Для начала я – Амикус Лекс, являюсь детективом, – после этих фраз у меня в голове пронеслась мысль о том, что это максимально клишировано, и я даже улыбнулся.

– Я расследую дело о секте «Семиконечной звезды», – услышав это, я невольно замер.

В моей голове всплыла квартира Апаты и те семиконечные звезды, что были нарисованы и на полу, и на самой оккультной книге. На лбу проступил холодный пот, а к горлу подступил ком. «Дыши», – услышал я в голове и мой пульс быстро вернулся в норму.

– Насколько мне известно, вы уже сталкивались с одним представителем этой секты, а именно с госпожой Апатой Сангиус, которая специализировалась на лишении своих

жертв крови. Меня не волнует, что сейчас она мертва, куда больше меня волнует ваше присутствие на свободе. Мне в копеечку вышло замять дело о поджоге, а потому я надеюсь, что вы понимаете, насколько важно и для вас это дело.

Амикус дал мне минутку для обработки всей этой информации, а после продолжил:

– Моя задача и задача *Организации* состоит в том, чтобы найти и устранить главаря этой секты, которая уже заимела достаточное влияние в городе. Нам необходимо сделать это как можно скорее иначе она может просочиться и в другие города, что повлечет за собой только большие убытки.

Голова начинала медленно идти кругом от всей этой информации. Я вспомнил много того, чего лучше бы не следовало. Я вспомнил свои оккультные начинания. Да, я тоже не безгрешен, но мы были детьми. Я, Артем и Настя основали трио «Семиконечной звезды», мы были теми, кто это начал, однако, никто из нас не переходил грань этого ребячества. Мы читали псевдонаучные книжки и просто повторяли безобидные ритуалы. Мне это вскоре наскучило, и я перестал приходить на собрания этого «клуба», а после смерти Насти он вообще развалился. Я так думал. Единственное, что могло кого-то насторожить, так это откопанный Настей и Артемом «Некрономикон», крайне известный в узких кругах, однако у меня и в мыслях не было, что кто-то из них захочет расширить этот «клуб». Так как ввиду известных обстоятельств Настя на мои вопросы ответить не могла, мне пред-

стоял серьезный разговор с последним дорогим мне человеком.

– Я помогу Вам, если Вы обеспечите мне безопасность и поможете с разгадкой тайны одной смерти, – начал не очень уверенно я. – Моя подруга скончалась при загадочных обстоятельствах, и, хотя вскрытие показало, что это был сердечный приступ, я ему не верю.

– Вот моя визитка. Как только Вы что-то выясните по поводу секты или ее членов – наберите, а я попробую что-то найти по Вашей подруге, как ее, кстати, зовут?

– Анастасия Вивам, – сказал я и направился на улицу. Выйдя из здания, я бросил беглый взгляд на детектива и заметил, как у него тряслись руки.

Весь день я был в раздумьях. Я что правда окружен одними сектантами? Разве это не была простая детская шутка? Нет, я не мог в это поверить. Мне казалось, что я вот-вот сойду с ума. Боже, до чего я докатился? Я начал подозревать своего лучшего друга в причастности к секте, где убивают людей! Нет, этого не может быть. Теперь я с еще большим нетерпением ждал вечера и в назначенное время был уже на даче у Артема.

Вот этот момент, всего через пару мгновений я получу ответы. Я позвонил в дверь, и мой давний друг отворил ее. Мы пожали руки и направились в гостиную.

Эта дача никогда не перестанет меня удивлять своей красотой. Гостиная здесь была соединена с кухней, из-за чего

казалась просто огромной. Одна стена была полностью из панорамных окон, за которыми был приятный пейзаж из снега и соснового леса, на другой же весело несколько дорогих картин, под которыми находился камин. Вдалеке же была видна лестница на второй этаж.

Сначала мы перекинулись парой слов, а после он, не теряя времени, достал дорогой виски, который, по его словам, хранил для таких хороших посиделок. Мы выпивали и разговаривали, а я все старался как-то подгадать момент, чтобы наконец узнать у него все ответы.

В процессе разговора мне не редко бросался в глаза сейф, что стоял в гостиной. Никогда не видел, что там лежит, однако, если верить Артему, там было их семейное оружие.

Сейфы, оружие, дорогой алкоголь – все это идеально подходило к Артему. Хоть с виду он мог и показаться не самым далеким человеком, на самом же деле мой лучший друг был чуть ли не самым рассудительным из всех, кого я знаю.

– Помнишь, как мы раньше вместе с Настей еще в оккультизм играли? – спросил я с наигранной улыбкой, наконец собрав всю решительность, и, словно подыгрывая мне, на улице ударила молния и пошел дождь. В ответ на такой выпад от погоды дачный дом ответил тишиной, что придавало нашему разговору еще больше важности и таинственности.

Ответ же от Артема я получил не сразу, из-за чего сначала напрягся, однако, уловив наконец улыбку на лице моего собеседника, расслабился.

– Да, это было забавно, ты тогда еще раньше всех ушел оттуда из-за того, что это было «антинаучно». А мы с Настей только сделали специальные кулоны с семиконечной звездой. Я свой до сих пор ношу в память о ней, – сказал он и достал из-под майки украшение радиусом в сантиметров пять, не более. Оно было выполнено из нержавеющей стали и выглядело достаточно солидно. – Хотели и тебе такой отдать, да не успели сделать, – добавил он уже более грустно и по мне вместе с очередным глотком спиртного разлилось некоторое отчаяние.

Мы продолжали беседовать без конца, и меня это невероятно радовало. Я очень долго ждал эти разговоры по душам и не разочаровался, наконец получив их, хоть меня и несколько бесило, что Артем постоянно поглядывает в телефон.

Время близилось к полуночи, и я вышел на кухню сделать нам кофе, однако, не найдя заветных зерен там, отправился в кладовку. Там, пока я пытался найти среди горы хлама кофе, мне на глаза попался календарь, на котором в красный квадрат было заключено сегодняшнее число. Седьмое февраля. Дата смерти Насти...

А теперь и Артема. Я уже успел услышать выстрел, но мое тело еще не среагировало. Мое сердце начало биться намного чаще и, когда мой мозг все-таки понял, что произошло, я сразу же побежал обратно в комнату. Сначала я увидел открытый сейф, разблокированный телефон, лужу крови, а после ощутил прохладу и тошноту, подступающую к горлу.

Окно было разбито, а перед ним на диване валялся труп моего близкого друга с револьвером в руках и отверстием в черепе. Я не сразу смог подойти к нему. Прошло примерно полчаса с момента его смерти. Я не вызвал ментов и никому не сообщил. Подойдя к бездыханному телу, я посмотрел в его пустые глаза, взял револьвер и приставил к своему виску, желая просто покончить со всем, что происходит в этом чертовом городе.

Однако тут мой взгляд зацепился за его телефон. Я взял его и стал читать открытую переписку. Его шантажировали, гнобили, угрожали и издевались, а я никак не мог понять, почему он не поделился со мной? Почему не попросил помощи? Я перевел взгляд на того, с кем была переписка. Анастас. Мне снесло крышу, я готов был убить его прямо на паре в универе. Тем более после прочтения переписки, я был уверен, что этот мудака как-то связан с сектой. Я написал ему от имени Артема и попросил приехать, пришлось немного порыться в диалоге и придумать нехитрый предлог, однако он согласился, и я стал ждать. Я бросил телефон и, сняв с трупа кулон, надел его на себя. На нем была кровь, и она придавала мне уверенности в себе.

Через еще полчаса в дверь позвонили. Я открыл ее и сразу же прострелил ему колени. Послышался крик, который для меня был скорее мелодией. Я сделал в нем еще несколько не смертельных ранений и оттащил его в гостиную, чтобы он увидел труп.

– Наконец-то этот мудак умер, он так меня раздражал, – сказал он, а на его лице появилась улыбка. Вся та малая часть здравого смысла, которая еще оставалась во мне полностью улетучилась, наконец позволяя мне покончить с проблемой, которая преследовала меня еще со школы.

– Ты отправишься вслед за ним.

– Да у тебя кишка тонка! – сардонически произнес он.

– Сегодня Я – преступление, и Я – наказание, – ответил я и спустил курок.

Голос в голове словно вытянул все силы из меня, и мое тело рухнуло рядом. Руки и ноги тряслись от страха, а сознание было затуманено. Почему я оказался втянут во все это? За что? Паника медленно одолевала меня, однако я все еще сохранял рассудок. Мне потребовалось достаточно времени, чтобы привести себя в нормальное душевное состояние и суметь хотя бы встать. Поднявшись, я убедился, что на Анастасе был такой же кулон и сделал звонок Амикусу.

– Двое из секты мертвы, – произнес я с трудом.

Кухня

Прошло около двадцати минут с моего звонка Амикусу. Я рассказал ему все, что произошло, и теперь ждал, когда он придет, чтобы помочь скрыть преступление, или хотя бы отвести подозрения от меня. Я сидел на полу, прижавшись спиной к стене. На мне были брызги крови, а на шее висело два кулона, вес которых с каждой секундой казался мне все большим. Я все еще чувствовал, как пульсирует кровь в висках, и слышал эту тишину, поразительную тишину. Не было слышно никаких звуков с улицы, на секунду мне даже показалось, что я перестал слышать свои мысли.

С трудом я поднялся, и вся комната пошла кругом, а я выронил револьвер. Звон от его падения ударил мне по мозгам и отразился звонким эхо в моем сознании. Я, шатаясь, побрел на кухню, хватаясь за все, что попадалось под руку, лишь бы не упасть. Когда же я достиг своего пункта назначения, то просто сел на стул, хотя моей изначальной целью было добраться до воды. Мои мысли вновь вернулись и лишь теперь я в полной мере осознал, что произошло. Глаза наполнились слезами, а к горлу подступил ком. У меня началась истерика. Я плакал, много, я плакал и прикусывал губы, словно боясь, что кто-то услышит. Хотя кто мог услышать? Здесь был только я и трупы.

Прошло уже сорок минут с момента звонка, и я наконец

услышал, как хлопнула дверь машины. Я вскочил со стула и максимально тихо пошел к двери. Моя паранойя не на шутку разыгралась. Однако, услышав знакомый голос, я смог немного успокоиться. Я открыл дверь Амикусу и отвел его в комнату, однако сам заходить отказался. Получив ответ о том, что он со всем разберется, я максимально скоро отправился домой.

Мне хотелось убраться как можно дальше от этого места. Я хотел проснуться. Вплоть до самого приезда в общежитие я верил, пытался поверить, что сплю. Но чуда не произошло. Я с трудом пробрался в комнату незамеченным и, будучи все еще в крови, отправился в душ.

Горячая вода струилась по моему телу, постепенно отводя волнение от мозга и устремляя сознание все дальше в пучины странного спокойствия, перемешанного с неопределенностью и потеряннойостью. Глаза закрывались сами собой, давая сосредоточиться лишь на шуме воды, что столь прекрасно избавлял от давящей тишины. Мне не хотелось вылезать из ванной, однако я понимал, что мое тело нуждается в отдыхе куда больше, чем в горячем душе.

Наконец оказавшись в кровати, я сначала включил приятную музыку на фон, не желая оставаться в полной тишине, и лишь потом, закрыв глаза, моментально провалился в сон, хотя правильнее было бы назвать его кошмаром. Предо мной вновь предстал огромный гротескный замок. Он манил к себе, но в то же время чувствовалась опасность. Я сделал шаг

по мосту и в то же мгновение оказался у огромных ворот, что с невероятным треском и грохотом отворились, открывая моему взору ту ужасную картину, от которой я так старательно пытался скрыться сегодня: я вновь увидел смерть Анастаса. Мне хотелось закрыть глаза, уши и просто исчезнуть, я больше не мог видеть это, хоть я и ненавидел Анастаса, но никогда не желал ему смерти, я буквально начал раскаиваться, однако рядом со мной двинулся какой-то силуэт. Это была девушка. Она повернулась ко мне, и я сразу понял кто это.

Я проснулся, крича имя. Настя, это она была там. Она. Так близко и так далеко. Почему я ее увидел? Почему?

– Потому что ты никак не можешь меня отпустить, – услышал я и, подняв голову, опешил, видя, как Настя сидит напротив меня и курит. Она была в том же свитере, что каждый раз надевала, в том проклятом свитере, который я видел каждый божий раз, когда засыпал.

Мой разум заполнили все возможные чувства. Казалось, что прямо в мозг залили непонятный коктейль из радости, удивления, печали и злости. Мои глаза вновь становились влажными, как вдруг я ощутили ее прикосновение и, уже будучи не в состоянии сдерживать всю ту лавину эмоций и чувств, которые во мгновение ока заполнили мое сознание, заплакал.

Пьянящий аромат первой любви, испытанной так давно, что казалось ее и вовсе не было, мелодичные звуки ангель-

ского голоса той, что ушла из жизни куда раньше, чем должна была, и, конечно, неизменная красота достойная обложек лучших гляцевых журналов этой планеты – все это призывало мой больной потерявший уже всякую надежду на еще одну встречу с ней мозг поверить, поверить, что все это правда. Вот только я читал ее свидетельство о смерти, и я знаю, что если Настя и жива, то она куда дальше, чем мне хотелось бы, а то, что я вижу не более, чем жалкая пародия на неповторимый оригинал.

– Не-е-ет!.. – выдал я навзрыд. – Тебя здесь нет! Уходи из моей головы!

Я продолжал повторять это, переходя на крик, однако в то же мгновение почувствовал поцелуй. От неожиданности у меня открылись глаза, и пред моим взором предстала та самая первокурсница, чьего имени я не знал.

У нее были заплаканные глаза. Приятное тепло окутывало клетки моего тела, словно лоза, заставляя успокоиться и вновь вернуться в реальность. Множество мыслей в тот момент проносилось в моей голове, однако отчетливей всего я помню ту, что задержалась лишь на сотую долю секунды. «Я люблю ее», – выдал мне мозг и тотчас же стер, не желая признавать сей факт и отпускать столь милую моей душе Настю.

– Заткнись и приди в себя! – прокричала она и сначала отвесила мне пощечину, а потом снова меня поцеловала.

Пощечина стала отрезвляющим глотком воздуха в этом водовороте небылиц, произошедших за последние сутки.

Мое израненное несколькими смертями сознание еще далеко не скоро оправится, однако держала меня на плаву именно та мысль, что я все еще способен чувствовать.

Повторный же поцелуй наконец прогнал все лишнее из моей головы, и на меня свалилась вселенская усталость. Мысли в голове постепенно замедлялись, и я, наконец, смог ухватить несколько наиболее важных вопросов. Во-первых, мне нужно было понять, что это за галлюцинации, а, во-вторых, нужно было допросить мою спасительницу, как бы неблагодарно это не звучало.

– Как ты сюда попала? – спросил я несколько возмущенно, хотя на самом деле пытался скрыть то, насколько рад ее видеть.

– Достать ключ от твоей комнаты не так сложно, как ты думаешь, – недовольно бросила она, слегка улыбнувшись, и тут же продолжила, – и вообще, ты думал, что для Сабрины Каритас есть что-то невозможное?

Точно, Сабрина Каритас. И как я мог ее забыть, мы действительно много общались в школе, хоть и были не очень близки, признаться в один момент я даже рассматривал ее на кандидатуру в роли своей девушки, но остался верен заветам одиночества. Однако у нее, судя по всему, было другое мнение на этот счет.

По итогу, за этот день я узнал две вещи: во-первых, я трахнул свою бывшую подругу, во-вторых, у меня шизофрения. Интересное сочетание, учитывая, что второе не было откры-

тием, но неважно...

– Так что с тобой происходит? – спросила она, нарушив тишину, которая установилась после того, как я ушел в свои мысли. Я поднялся с кровати и направился на кухню.

– Пошли, сначала я узнаю у тебя кое-что, потом расскажу тебе все, что хочешь.

– Но...

– Никаких «но», – жестко отрезал я. Сейчас было далеко не лучшее время, чтобы спорить со мной. Буквально несколько часов назад я убил человека. Сабрине это, конечно, было необязательно знать, однако, так или иначе, стабильным мое эмоциональное состояние никак нельзя было назвать.

Мы зашли на кухню. Сейчас девушка казалась какой-то более унылой, чем обычно. Я подошел к плите и зажег газ. Синий огонь осветил темное помещение, в то время как мой взгляд упал туда, где должны были висеть часы, а когда их там не оказалось, я нахмурился и повернулся к турке, которая уже стояла на плите. Приятное тепло распространялось по моему телу, грея надежду на то, что с ума я сойду не так скоро, как можно было бы подумать. Кинув взгляд на пачку сигарет, которая лежала на подоконнике, я, качнувшись, направился к ней.

– Так зачем ты пришла? Нет, я, конечно, благодарен за то, что ты вытащила меня из приступа, но ты же что-то хотела, не так ли?

Все еще не верилось, что у меня шизофрения. Но больше всего не верилось, что мой организм так просто воспринял эту информацию. Хотя после всего того, что уже произошло было бы странно ожидать сильного сопротивления моего сознания. Я ведь и раньше замечал признаки нездоровья своего мозга: все эти слуховые галлюцинации, тактильные, да даже обычные зрительные – все это донимало меня уже не первую неделю, но я упорно делал вид, что ничего не происходит. Почему? Наверное, потому что боялся, боялся признать, что я принадлежу к той категории людей, которых отвергло общество, на которых показывают пальцем и о которых стараются не упоминать, по возможности, конечно. Скорее всего именно из-за того, что я не верил, что действительно болен, я пренебрегал надписями на таблетках, а в последнее время и вовсе перестал их пить. Моя рука медленно потянулась к пачке сигарет.

– Ты меня вообще слушаешь?! – спросила с явным недовольством девушка, а я и не знал, что ответить. Вопрос я ей задал и, кажется, даже получил ответ, вот только мой мозг опять отвлекся. Может у меня еще СДВГ? Выдохнув из легких дым, я продолжил наш незамысловатый диалог:

– Прости, задумался, – ответил я, неловко улыбнувшись. Солнце начало вставать, календарь отсчитывал восьмое февраля, хотя я так потерялся во времени, что не был уверен насколько это достоверная информация. Переведя взгляд с даты на девушку, я заметил, как в лучах рассветного солнца

блестят ее глаза.

В первую нашу встречу в универе я и не обратил внимание на то, насколько она стала красивее. После школы Сабрина стала более женственной, отрастила волосы, привела в порядок тело, и теперь передо мной словно сидела модель с обложки какого-нибудь журнала времен конца прошлого или начала этого века. Я невольно смутился, вспомнив, что именно с ней провел ночь на прошлой неделе. Однако она, кажется, этого не заметила или, по крайней мере, сделала вид.

– Я говорю, что пришла к тебе, потому что люблю тебя, а вариант, где ты меня трахнул, а потом исчез, мне не подходит, – ответила она, даже не покраснев, чего явно нельзя было сказать обо мне.

Не сказать, что я был прямо поражен и удивлен этим фактом, но и спокойной мою реакцию можно было назвать с трудом. Я жестом показал ей, что мне нужна минута-другая, чтобы дать ей ответ. Моя рука потянулась к турке и сняла ее с огня. На кухне уже стало достаточно тепло, и я решил открыть окно пошире. Наливая свое черное золото в кружку, я обдумывал то, что только что услышал.

Исповедь

Мы провели на кухне уже не менее получаса, а в моей голове все еще крутилось множество мыслей, и я никак не мог определиться с ответом. Пускай у меня и пронеслась мысль, что я люблю ее, однако я все еще не считаю себя тем человеком, который подойдет Сабрине и сможет хоть как-то улучшить ее жизнь. Да о каких отношениях вообще может идти речь? Я убил двух человек, меня и близко нельзя подпускать к такой ответственности.

Кофе в моей кружке уже начинал заканчиваться, вынуждая меня все-таки начать разговор, от которого мне все хотелось улизнуть. Я поставил кружку на стол, и раздавшийся звон, который нарушил ту монотонную и невероятно тягостную тишину, помог мне выдавить из своего рта хоть какие-то звуки.

– Ты уверена? Просто, ты посмотри на меня и на себя, то есть, ну, я же ужасен.

– Уверена, я люблю тебя еще со школы и мне плевать на то, что подумают другие. Мне больно смотреть на то, как ты себя убиваешь, с этого момента ты перестаешь курить и начинаешь стабильно пить лекарства, понял меня? – она проносила это с такой уверенностью и жесткостью, что у меня не было ни малейшего желания противиться ей. Когда я кивнул, Сабрина встала и забрала у меня сигареты.

– А теперь рассказывай, что у тебя произошло, – продолжила она.

– Нет, – наотрез отказался я, но знал, что скорее всего долго не смогу держать это в себе. Взгляд забегал по комнате, стараясь не встретиться с вопрошающими глазами моей собеседницы. – Мне нужно время подумать.

«Это серьезно все, что ты смог придумать? Черт, раньше ты бы смог наплести столько, что она даже не поняла бы, что ты говоришь, что с тобой стало?» – начал корить меня внутренний голос в то же мгновение, когда я закончил фразу. Сабрина недовольно цыкнула, демонстративно встала, ударив по столу, за которым сидела, пачкой сигарет, но все-таки забрала их и направилась к выходу. Это было похоже на сцену из фильма, и я поверить не мог, что являюсь здесь главным героем. Господи, какая же это все чушь.

– Да к черту, пусть уж лучше это будет ромком, нежели драма, – сказал я сам себе и помчался за уходящей девушкой, которая уже надевала на себя куртку, готовясь уйти и никогда не возвращаться.

– Чего тебе ещ... – фразу она закончить, конечно же, не успела. Я прижал ее к двери и поцеловал.

Голова снова начала тяжелеть от всех мыслей и всех компромиссов, на которые я только что себя подписал. Сознание на несколько минут покинуло мое тело, позволяя полностью осознать, насколько этот выбор был ошибочен и ужасен. Я только подписал приговор невинной девушке. Я понял, что

эти отношения станут для нее скорее всего одними из самых ужасных, по крайней мере, я так думал.

Оторваться от губ прекрасной девы было далеко не так просто, как мне казалось изначально. Пускай я понимал, что это неправильно, однако это пьянило так сильно, что я все никак не мог перебороть животные инстинкты, так удачно пробудившиеся во мне.

Все-таки сумев хоть немного утолить свой голод, я оставил Сабрину в покое и проговорил несколько заплетающимся языком следующее:

– Я подумал, я согласен.

Хоть это были и не самые приятные слова, однако, кажется, что девушку они удовлетворили. Сабрина посмеялась и уже с улыбкой на лице вышла из моей квартиры, сказав, что будет периодически захаживать. Когда же я, наконец, остался один, то решил, что самое время покурить, но быстро вспомнил, что такой опции у меня больше нет.

Вскоре я лег на кровать и снова погрузился в пучину рефлексий: я не знал, что мне делать. С одной стороны, я понимал, что Сабрина мне симпатична и что я ей тоже нравлюсь, однако я также осознавал, что я не подхожу ей, я далеко не так хорош, как мог бы быть, и, конечно, совсем не тот, на кого можно положиться. К тому же я не знал, насколько мои чувства серьезны и как долго я смогу сохранять их.

Мое приятное одиночество продолжалось недолго, вскоре раздался звонок. Пришлось встать и направиться к телефо-

ну, который занимал почетное место пачки сигарет и лежал на подоконнике. Проходя по все еще неубранной квартире, я принял решение, что надо будет разработать какой-то план действий и все-таки поподробнее узнать у Амикуса, что ему нужно от этой секты и что нужно от меня.

Наконец дотянувшись до устройства, нарушавшего установленную прекрасную тишину, я увидел на несколько блеклом и разбитом экране инициалы «А.Л.», усмехнувшись, мне пришлось ответить, а в моей голове пронеслось: «Вспомнишь солнце – вот и лучик».

– Слушаю, – ровным тоном произнес я, в то время как сам стал вновь пленен видом просыпающегося города. Людей с каждым мгновением становилось все больше, машины все сильнее шумели. Приятно вот так иногда отвлечься от суеты и просто посмотреть в окно, но расслабиться у меня не получилось, потому как в трубке раздался грубый мужской голос моего знакомого.

– Так, я закончил, теперь здесь чисто и тебе ничего не грозит, но запомни, это последний раз, когда я помогаю тебе с такими вещами. Больше никаких трупов и убийств.

По телу прошла дрожь, а меня самого бросило в холод. Действительно, да как я мог вообще думать о какой-то любви, о просыпающемся городе, когда на даче моего лучшего друга лежат, или по крайней мере лежали два трупа. Я почувствовал, что еле стою на ногах и сел на стул.

– П-понял, – заикнувшись произнес я. – Можем мы в бли-

жайшее время встретиться?

– Да, сам хотел предложить тебе, есть что обсудить. Сегодня в восемь вечера в баре на улице Революции.

Я зачем-то кивнул и детектив положил трубку. Еще несколько минут я сидел и дрожал, держа в руках телефон, но вскоре паника начала постепенно отступать, и я, наконец, смог начать этот необычайно долгий день.

Мой взгляд метался по комнате, пытаясь зацепиться хоть за что-то, однако все было тщетно. Никаких желаний я не испытывал, кроме, конечно, острой жажды закурить. В попытке отвлечься я залез в телефон и начал просто листать различные приложения. Занятие это было глупым, однако именно благодаря ему мною был найден следующий пункт назначения: мне предстояло отправиться в самое сердце криминала родного города.

Оказавшись за забором, ограждавшим территорию университета от всего остального города и словно отделявшим даже воздух, мои легкие наполнились грязным, прокуренным, но таким близким и по-своему «свежим» воздухом. Я открыл глаза, сунул руки в карманы и направился в сторону прочь от центра города. Мой путь лежал в сторону тюрьмы, мне нужно было навестить брата.

Путь был не близок, сама тюрьма находилась в пригороде, а попасть туда не в качестве заключенного было довольно непросто. Шел я пешком, предаваясь раздумьям, разглядывая прохожих и наблюдая за жизнью города.

Всегда было приятно наблюдать за людьми, которые не подозревают, что кто-то на них смотрит. Вон мужчина средних лет сидит на автобусной остановке и поглядывает на ножки до неприличия открыто одетой школьницы. Мерзко? Конечно да, но это людская суть и с этим ничего не поделаешь. Вот музыкант играет что-то из классики и сидит с почти пустым чехлом от инструмента. Стоит ли ему пожертвовать денег? Почему же нет? В ответ он одарит меня улыбкой и станет играть уже чуть более весело. А вот прямо передо мной поскользнулась женщина с сумками с продуктами. Стоит ли ей помочь или в этом нет смысла? Пожалуй, тут я сольюсь с массой людей и просто пройду мимо, все равно это мало что изменит. Пройдя буквально пару метров и обернувшись, увижу, как какая-то молодая девушка решила проявить сострадание и помогает подняться женщине, стараясь при этом сама не упасть.

Я не спеша продвигался по городу и чем дальше отходил от центра, тем мрачнее он становился. На окраине города даже днем не очень хочется гулять, а учитывая специфику того места, куда я направлялся, то мне вообще хотелось развернуться и начать бежать в обратном направлении. Но было нельзя, этот разговор был мне нужен. Брат у меня был интересный, не скажу, что гордился тем, что он мой родственник, однако его ход мыслей меня поражал. По моему мнению, он стоял на одном уровне с Кантом и Ницше, если мы, конечно, говорим о философах, правда, сам он это отрицал и гово-

рил, что в нем нет ничего такого. Правда был один недочет: его образ мышления был несколько извращенным, что так-то понятно, раз он сидит в тюрьме. К тому же, я допускаю, что у него есть несколько психических расстройств, скорее всего, шизофрения – одно из них, мы как-никак родственники.

Наконец-то я добрался до этого злосчастного здания, от которого за километр веяло чем-то не самым приятным. Договориться с охранником о том, чтобы меня так спонтанно впустили было тяжело и пришлось дать ему пару тысяч, чтобы он все-таки сделал вид, что просто не увидел запись к одному из самых опасных людей в этом городе.

Как же, на самом деле, просто попасть куда-либо, если у тебя есть деньги. Дорогу до комнаты свиданий я уже знал хорошо, но вот лицо моего брата каждый раз, когда я приходил было все такое же: небольшая ухмылка, поднятые от удивления брови, слегка растрепанные волосы. Из далека, где не видно было всех шрамов, что украшали его лицо то тут, то там, он был похож на неплохую модель, я даже уверен, что он бы ей стал, если бы не его длинный язык и вспыльчивый характер.

Даже несмотря на то, что мой братец находился в тюрьме, он поддерживал свой внешний вид на уровне. Его короткие волосы всегда были уложены, а лицо выбрито. Меня всегда поражало, что на его лице нет ни родинок, ни веснушек, ничего, однако вместо всего этого там было сполна шрамов, ко-

торые даже шли ему.

– И ты вновь ко мне без приглашения, cher ami³,– произнес его по-своему родной и даже несколько теплый голос, который навевал воспоминания о детстве, когда жизнь была еще беззаботной.

– Как видишь, – произнес с легкой улыбкой я. – как ты поживаешь?

– Да что я-то? Я как обычно, а вот ты как? Просто так ты ко мне никогда не заходишь.

– Люкс, я знаю, что ты всегда зришь в корень, но не сейчас. Теперь моя душа ни на люмен светлее твоей, а потому давай сделаем вид, что все хорошо?

– Как пожелаешь, тем более это ты пришел ко мне, так о чем поговорим?

---

³ (фр) Дорогой друг

Правда

Я действительно восхищался и восхищаюсь своим старшим братом, не только потому что он умен, красив и все в этом духе, но еще и потому что он настоящий. Глубина его характера чувствуется в первое мгновение после того, как он начинает говорить, чем, по моему мнению, не могу похвастаться я. Тем не менее, раньше я утешал себя тем, что хотя бы не совершил никаких преступлений и уже только поэтому лучше него, теперь же я окончательно потерял надежду догнать моего слишком одаренного брата.

Не сказать, что у меня было много времени, чтобы отвлечься и поговорить с Люксом, тем не менее было несколько вопросов, которые я должен был ему задать.

– Люкс, ты же помнишь Настю? Тебя ничего не смутило в ее смерти? Просто мне кажется, что там все не так просто, – произнес я несколько неуверенно. Брат ни на секунду не задумался, а потому и ответ не заставил себя долго ждать.

– Нет, вполне обычная смерть, ничего больше, – когда слова долетели до моих ушей, я застыл в изумлении. Да быть такого не может, чтобы Люкс просто принял официальную версию, тем более что в ней много логических дыр. Скорее он просто не хочет говорить мне правду, но почему? В общем и целом, это не так важно.

Я окинул взглядом до боли знакомое помещение, которое,

однако, оставалось все таким же чужим. Серые бетонные стены, внушавшие отчаяние и горечь, решетки на окнах по ту сторону кабинки для свиданий, старые, периодически мигающие лампы и поразительно веселая и яркая улыбка брата, которая пробирала аж до дрожи.

– Никогда не понимал, как ты можешь улыбаться в таком помещении. Я и на улице-то с грустной миной хожу, а здесь бы вообще от тоски застрелился.

– Давид, ты хоть и крайне умен, но еще так юн. Не бытие определяет сознание, а сознание бытие. Если тебе спокойно и весело, то ты даже с приставленным к своему затылку дулом улыбаться будешь, а если ты несчастен и апатичен, то даже на самом дорогом пляже, с самой красивой девушкой будешь с таким же лицом, что и сейчас, – он усмехнулся. Умеет же он приводить сравнения.

– А ты все также остер на язык.

– А ты все также наблюдателен.

Прошло где-то около часа с моего визита, мы говорили без умолку, но не скажу, что у нас была какая-то определенная тема для разговора. Я чувствовал, что он пытается донести до меня что-то, но понять это было сложно.

– Знаешь, Давид, иногда люди используют жесты, дабы донести какую-то информацию между слов, – начал было он, а я сразу же стал корить себя, что раньше не обратил внимания на его руки, которые, как мне кажется, все это время были на столе. На металлической поверхности стола он ри-

совал символ семиконечной звезды, потом зачеркивал его и рисовал что-то, что я не мог разобрать. Он недовольно закатил глаза и еле слышно цыкнул.

– Корея, Америка, Россия, Азербайджан, Британия, Индия, Никарагуа – мои любимые страны, – выдал внезапно он и дал сигнал охраннику, что наша встреча окончена.

– Удачи, – шепнул Люкс с ухмылкой.

Я вернулся к себе уже ближе к пяти вечера. Всю дорогу до общежития мое сознание было занято тем набором стран, которые назвал Люкс во время нашей последней встречи. Так или иначе, это был шифр, однако пока что мне не хватало сил его разгадать, голова трещала и было слишком тяжело сосредоточиться на чем-то конкретном.

Поднявшись на этаж и проходя по уже до боли знакомому коридору с его даже несколько родным скрипучим полом, выцветшими зелеными стенами, с батареями, с которых уже слезла половина краски и с почему-то постоянно открытыми окнами, я, к своему удивлению, увидел Сабрину.

– О, а я уже собиралась уходить, у вас тут так холодно, – подметила она, потирая ладони. Было заметно, что девушку немного трясет от холода.

– А чего же не закрыла окна?

– Так у вас они все сломаны, хрен закроешь!

На моем лице появилась улыбка. Не спеша открыв дверь, я пригласил девушку к себе, а после и сам зашел. Холодный свет от монитора ноутбука освещал одну из комнат, что вы-

глядело достаточно мрачно.

Посмотрев в дверной проем, я увидел, как оттуда, из глубины, начинают одна за одной вылезать черные, словно уголь, не совсем человеческие кисти, их становилось все больше, они поглощали свет от ноутбука, и когда он полностью погас, в комнате настала тишина. Глаза постепенно привыкали к темноте, и с каждой секундой я все отчетливее видел чудовище, что находилось в моей комнате. Оно полностью состояло из обугленных кистей, на некоторых кистях были глаза, на одной рот, еще на двух уши. Они собирались в чудовищный, изуродованный облик, который старался максимально походить на человека, но определенно им не являлся. Рук становилось все больше, они уже ползли по потолку и стенам, все приближаясь и приближаясь ко мне. Оставалось еще около полуметра от них до моего лица, прежде чем...

Пощечина выбила из меня все галлюцинации.

– Спасибо, потому что кажется, что пульс у меня под двести, – сказал я дрожащим голосом и упал на пол. – Это было очень даже реалистично, и я объективно точно не хочу встречаться с этой тварью в реальной жизни. Сейчас бы покурить...

В этот момент мне почти прилетела вторая пощечина, от которой я, правда, успел увернуться.

– Шучу, шучу, какие сигареты, ты о чем вообще? Я практически спортсмен, – нервно улыбнувшись, сказал я.

Далее последовал допрос, что конкретно я видел. Пришлось рассказать Сабрине все в деталях, что далось мне не без труда, однако в противном случае девушка бы не оставила меня в покое. Так или иначе, все закончилось тем, что мы лежали на моей кровати, при свете того самого ноутбука, который буквально десять минут назад явил мне перед взором чудище, которого доселе не видела Земля.

Лежа вместе с Сабриной, я впервые за долгое время ощутил самое настоящее спокойствие. Мы обнялись, и я почувствовал ее сердцебиение, ее пульс, который учащался, когда та, находилась рядом со мной, ее зрачки расширились при виде меня, а лицо заливало краской при поцелуе. Все это опьяняло, но также пугало меня, я не хотел снова кому-то открывать свою душу, учитывая, что пару раз это уже закончилось плачевно. Как же тяжело верить людям.

Однако вскоре пришла пора идти на встречу с Амикусом. По непонятной мне причине, меня распирало волнение, мне показалось, что больше всего я боялся на подходе в бар увидеть ОМОН и УАЗик, потому что тогда бы мое расследование закончилось. Странно это, конечно. Вроде как я уже доверился Амикусу, учитывая, что позвонил тогда на даче я именно ему, однако паранойя все-таки сжирала меня изнутри, нагоняя негатив.

Идти по улице было далеко не так приятно, как хотелось бы. Вся эта слякоть, которая пришла вместе с неожиданным поднятием температуры была мне противна, однако радова-

ло лишь то, что скоро опять похолодает.

Сам же путь до бара был хоть и не самым близким, однако прошел спокойно: без встреч со знакомыми, без приступов и без вообще всякого, что могло настичь меня с моей-то удачей, а также, к моему счастью, паранойя оказалась лишь паранойей, и у бара просто стояла толпа пьяных мужиков, мимо которых я с трудом, но все-таки смог протиснуться.

Отворив дверь, меня окатило волной запахов, шума и света присущих именно таким местам. У баров, вернее было бы, правда, это назвать пабом, по вечерам была некая своя атмосфера. Так вот, запах перегара стоял в баре попеременно с запахом дешевых, быстро готовящихся закусок, играла музыка, которую почти не было слышно из-за разговоров и смеха, что стояли в этом заведении, а свет внутри периодически менял свой цвет, что несколько сбивало ориентацию в пространстве.

Я ступил на сделанный как бы под дерево пол и медленно стал пробираться через людей к месту, где сидел Амикус. Заприметил его я еще с улицы, но он был из тех людей, у которых нельзя было понять настрой по выражению лица, поэтому я все еще не знал, чего мне ожидать от предстоящего разговора.

Наконец-то добравшись до заветного сидячего места, я плюхнулся на мягкий синий диван и улыбнулся своего двукратному спасителю от закона. К своему счастью, я получил ответную улыбку.

Мы вызвали официанта, а я успел получше разглядеть своего, пожалуй, друга. Тонкие полоски морщин расходились по лбу и под глазами, свидетельствуя о напряженной и тяжелой работе детектива; под правой бровью красовался заметный глубокий шрам, наверное, полученный на одном из дел, и я надеялся, что не исчерпал лимит выделенных на меня нервных клеток своими выходками. У него также появилась щетина с последней нашей встречи, и если убрать шрам с его лица, то я вполне мог бы представить его в свитере в очках читающим какой-нибудь детектив вечером у камина. Да вот только вся эта придуманная мной иллюзия разрушилась в тот же момент, когда я увидел под его пальто кобуру с пистолетом. Теперь же в мою голову только лезли образы, где он солдат в Афганистане или, например, в Сирии. Меня аж пробрала дрожь. Хотя уверен, что и сам Амикус чувствовал себя несколько в некомфортном состоянии рядом с человеком, из-за которого ему пришлось скрывать уже несколько убийств.

– Ваш заказ, – нарушил тишину официант. На столе оказалось пара бутылок пива, бутылка грузинского коньяка под названием «Давид» и пара стопок.

– Забавно, – подметил я, и Амикус лишь довольно улыбнулся.

– Так, о чем ты хотел спросить, маньяк мелкий?

– Ну, не надо прям на людях-то. А спросить я хотел по поводу Насти, нашли что-нибудь?

– Пока ничего стоящего. Все, что было найдено указывает на то, что она действительно умерла, ты сам что-нибудь еще искал?

Думаю, что наш диалог выглядел достаточно забавно, посудите сами, мы находимся в людном месте и, не беспокоясь ни о чем, обсуждаем убийства. У толпы есть поразительная способность скрывать все, что выделяется из массы за ширмой.

– Я ходил к брату в тюрьму, думаю Вашей *Организации* известно о нем, – Амикус кивнул. – Люкс жестом показал мне зачеркнутую семиконечную звезду и потом назвал список стран: Корея, Америка, Россия, Азербайджан, Британия, Индия, Никарагуа, – я был уверен, что повторил их с точно такой же надменной интонацией, с какой их сказал Менс-старший.

– Люкс Менс всегда был достаточно эрудированным и к тому же некоторое время сотрудничал с нами, поэтому скорее всего он пытался передать слово «Карабин», по первым буквам названных тобою стран, это тебе о чем-то говорит?

– Карабин? Может банда «Красных карабинов»? Когда-то в детстве мы представляли, что создадим банду под таким названием и будем управлять всем городом, я – северной частью, он – южной, но по иронии судьбы он теперь сидит на юге в тюрьме.

– Причем за то, чего не совершал, – добавил Амикус и у меня на лице всплыло удивление. – А ты думаешь, что этот

местный Шерлок так бы просто сдался в руки полиции? Да у него там почти пятизвездочный отель, твой брат находится под присмотром правительства, как очень полезный человек, при этом он сам изъявил желание, чтобы случилась вся эта показуха с его арестом. Более того, банда «двух К» или «Красных карабинов» действительно существует, только правительству об этом знать необязательно. Ты же знаешь, что у нас в городе царит баланс сил копов и банд, так вот это все только благодаря им. Они не дают ни одной из сторон взять главенство.

– Но зачем им это?

– Мы не знаем, о «Карабинах» ничего неизвестно, помимо того, что я тебе уже сказал. По крайней мере, нам неизвестно.

Я откинулся на диване и сделал пару глотков пива, моему примеру последовал и Амикус.

– Кстати, про *Организацию*, что это такое? Чем она занимается?

– Не лезь в это. Поверь, чем меньше тебя связывает с *Организацией*, тем тебе лучше, я вышел на тебя, только потому что ты оказался единственным, кто смог выбраться из лап Апаты, да и к тому же потом еще разобрался с двумя другими представителями секты, – тут мое сердце дернулось, я, конечно, предпочел бы не вспоминать предшествующие этой встрече события, слишком уж много боли и страданий пришлось испытать мне и другим. – Семьям Артема и Анастаса

уже сообщили об их смерти, сказали, что они просто оказались не в том месте, не в то время и поэтому попали под выстрелы. Похороны скорее всего будут в ближайшее время и тебя туда наверняка пригласят, потому держись.

Я отвел взгляд, глаза стали влажными, а к горлу вновь подкатил ком. Не мог я равнодушно вспоминать о смерти своего лучшего друга, не мог...

– Поверь, я знаю каково это, – нарушил установившееся молчание Амикус. – Я потерял много друзей и убил много людей за всю свою жизнь, но самой дорогой потерей для меня стала потеря жены и сына. Меня предупреждали, что работать на *Организацию*, когда у тебя есть семья, – гиблое дело, но я не слушал, слишком уж у них заманчивые условия, а выйти из игры достаточно сложно. Только такие, как твой брат, могут спокойно иметь дела с ними, их все равно не достанут. Так или иначе, меня отправили на задание, ничего особенного, нужно было просто разобраться с несколькими участниками одной малоизвестной банды. Работа была выполнена великолепно, только вот я не учел, что неподалеку находился еще один участник той банды. Как итог, когда я вернулся домой, то обнаружил жену изнасилованной и убитой, а сына повешенным на люстре. После этого, правда, я собственноручно уничтожил все остатки этой банды, расправившись с ними максимально жестоко, но это не вернуло мне жену и сына. Поэтому поверь, я тебя понимаю, держи, – он протянул мне стопку коньяка. Бутылки из-под пива уже

были пусты. Я быстро опрокинул в себя огненную воду и мне действительно стало легче, кажется, правда, при моих лекарствах пить тоже нельзя было, но кого это волнует, правда?

«Сабрину волнует», – ответил мне *голос* в голове. «Заткнись, совесть хренова» – ловко парировал я, и это сработало.

На какое-то время воцарилась тишина, после такой истории из молодости мало кому захочется говорить про свои проблемы.

– Слушай, – начал наконец Амикус, – давай обсудим, что мы дальше-то делать будем. *Организация* про тебя не знает, по крайней мере, пока, поэтому внимания к тебе приковано не очень много. В данный момент основная цель *Организации*, а значит и моя, и твоя – это найти главу «Семиконечной звезды» и сломить эту секту. Предлагаю пока наблюдать, у нас есть предположение, что в этой секте семь главных людей, у них есть такие медальоны, которые ты уже находил. У рядовых членов обычно находят татуировки. Следовательно, ты можешь попытаться внедриться туда или же просто найти остальных пятерых адептов этого сборища фанатиков.

– А Вы не знаете почему вообще эта секта стала популярной, какие там постулаты или что-то типа такого?

– А ты не в курсе? Я-то думал уже каждый студент слышал. «Семиконечная Звезда» – это секта, построенная на жестокости. Чем с большей жестокостью и ненавистью ты расправляешься с жертвами, тем выше твой, скажем так,

ранг.

– А если дать людям доступ к жестокости, то этим воспользуется каждый...

– Именно. Так к тому же у них есть несколько потоков денежных средств, из-за чего их глава подливает еще больше масла в огонь, подначивая людей убивать в обмен на привилегии самого разного рода: от доступа в закрытые клубы и бары, вплоть до передачи под контроль заведений вместе с их доходом. Более того, у них есть доступ к оружию, наркотикам и даже некоторые связи в политике, поэтому устранить их надо незамедлительно. К счастью, из-за того, что секта образовалась именно у нас в городе, все лидеры, а, следовательно, и ее глава должны находиться здесь. На самом деле мы даже кое-что знаем об одном из адептов. Это девушка, которая зовет себя Змеей. Ее жертвы зачастую подвергаются отравлению самыми разными ядами.

– Мерзко это.

– Да, но выйти мы на нее не можем, она работает очень аккуратно и, кажется, у нее есть помощник, может советчик, в общем, информация есть, только вот толку от нее нет.

Мы оба выдохнули. Людей в пабе поубавилось, а время постепенно близилось к одиннадцати. Три часа незаметно пролетели, кажется, пора уже возвращаться.

– Поздно уже, я, наверное, пойду, – произнес я несколько неуверенно.

– Давай, я заплачу, курить будешь?

– Не-а, я бросил.

На лице детектива появилось удивление, а сам я, прикусив губу, направился в сторону своей общаги. Какой соблазн был взять сигарету. Все-таки убить человека проще, нежели бросить курить.

Приступ

Утро следующего дня было тяжелым, впрочем, как и большинство остальных. Меня разбудила Сабрина, как-никак у нее все еще оставался ключ от моей комнаты. Голова трещала, однако, открыв глаза, я словно увидел ангела. В пробивающихся сквозь занавески лучах Сабрина предстала великолепно красивой, ее взор был устремлен на меня, в то время как мое сознание все глубже погружалось в океан великолепных глаз стоящей предо мной древнегреческой богини, по крайней мере, мой уже изрядно побитый жизнью мозг видел Сабрину именно так.

– Вставай, пора на учебу, – отразились эхом ее слова в моей голове и ко мне пришло осознание, что это не происходит наяву, но это и не сон. Каково же это оказаться между реальностью и сном? Каково это осознавать, что все, что происходит иллюзия? Весьма приятно.

Осознание того, что это всего лишь иллюзия, мне ничего не дало, я все еще не знал, как мне прекратить этот приступ и наконец проснуться в реальности. Движения мои тоже были ограничены, я не мог пошевелить никакой частью тела и лишь наблюдал.

«Ее жертвы зачастую подвергаются отравлению самыми разными ядами», – прозвучал в моей голове отрывок вчерашнего разговора с Амикусом и прекрасная, богоподобная,

словно сошедшая с полотна Да Винчи, Сабрина превратилась в мерзкую, огромную змею.

Желтые глаза рептилии глядели словно насквозь, она начала ползти ко мне и обвивать мое тело. Поднимаясь от ног выше, змея становилась лишь менее реалистичной и более ужасающей. Комната, в которой я находился тоже перестала быть такой уж жизнерадостной, солнце село, а ветер распахнул окно, впуслав морозный воздух позднего февраля. Меня бросило в дрожь в тот момент, когда змея уже обвила мою шею и прицеливалась, чтобы совершить укус. Он пришелся на мою руку. Еще мгновение и боль волной разошлась по моему телу. От предплечья выше, к плечу, а оттуда в самое сердце. Яд проделал недолгий путь, который из-за отсутствия хоть чуточки реализма в моем видении стал еще короче.

Я открыл глаза и меня скрутило от резкой боли, которая пронзила все мое тело. Мне буквально хотелось разорвать себе грудь, чтобы вытащить это чертово сердце, которое заставило меня извиваться, словно я находился под постоянными ударами тока. Боль длилась несколько минут и постепенно стихла, а у меня наконец получилось открыть глаза.

Я был весь в поту, у меня болели мышцы, и я ничего не понимал. Постепенно осознание произошедшего приходило ко мне, наконец давая возможность моему телу остыть.

Как только жар немного спал, я почувствовал какой дубак стоит в комнате. Окно было нараспашку, а по центру комна-

ты насыпало снега. Что, черт побери, здесь творится?

Однако, несмотря на все происходящее, мне все-таки пришлось встать и убрать весь тот бардак, что теперь образовался недалеко от моей кровати. Пока я это делал, смог кое-как проанализировать, что произошло. Во-первых, приступы могут быть максимально похожими на реальность, а могут вполне себе отдаляться от нее, во-вторых, если умереть, ты выйдешь из приступа, по крайней мере, мне так кажется, в-третьих, мои воспоминания могут как-то влиять на происходящее в видении. Но все еще оставалась эта непонятно откуда возникшая боль, словно в меня действительно вприсунули яд, так еще и это окно.

Наконец закончив уборку, я глянул на часы. Они показывали, как ни странно, шесть часов тридцать минут, проснулся же я, скорее всего, около пяти. Сегодняшний день предстоял быть безумно долгим. Отправившись на кухню, я стал готовить себе завтрак и не забыл выпить таблетки. Моя рука машинально потянулось к тому месту на подоконнике, где обычно лежала пачка сигарет и моя старая зажигалка «Зиппо», но, не найдя там ничего из перечисленного, я лишь недовольно цыкнул и закатил глаза.

В попытках отвлечься от задания, данного мне Амикусом, я решил хоть денек полностью отсидеть в университете, к тому же там было всего три пары, и я мог, или хотя бы надеялся, услышать от кого-то, что у него тоже распахнуло окно. И мои ожидания оправдались. Придя на матан, я краем

уха услышал разговор одноклассников, которые как раз обсуждали очень сильную метель, начавшуюся ночью, говорили, что ветер местами снес крыши. Странно только, что я не проснулся, но это все можно также списать на приступ, который удерживал меня между миром грез и миром яви. Следующей парой шел английский, на котором я благополучно доспал отобранные у меня часы. К своему счастью, проснулся я, пропустив стадию между сном и явью, а это значило только то, что таблетки мне все еще помогали.

Следующей парой шла философия. Пожалуй, что это мой самый любимый предмет, однако то, как ее обычно преподают не вызывает у меня уважения, а потому я на нее и не хожу. Но сегодня она стояла последней парой, а это значило, что людей там будет немного, да и к тому же я хотел отсидеть полный день, а потому решил все-таки удостоить своим присутствием учителя, тем более кажется, что там должен быть какой-то новый препод.

Так и оказалось, он представился Серпенсом Вененумом. Имячко у него, конечно, странное, но это не так важно, почти всю пару мы с ним препирались по поводу того, чем же является философия. Не сказать, что сам спор имел большое значение, однако эти распри меня позабавили и препод показался мне интересным

После пары он меня подзвал и спросил не хочу ли я сделать исследовательскую работу по философии Раскольникова и ее актуальности. Меня порадовало его предложение, и

я согласился. «Учебный день прошел, на удивление, хорошо», – пронеслось у меня в голове. Выходя из аудитории, я попрощался с ним, и мне показалось, что у него желтые змеиные глаза, опять змеи.

Полоса хороших новостей на этом не заканчивалась, и, оказавшись дома, я обнаружил там Сабрину. Поразительно, кажется, что она меня действительно любит. «Как бы мне себя так полюбить?» – подумал я и, улыбнувшись ей, открыл дверь. Кажется, меня ждал прекрасный вечер впервые за долгое время.

Игра с сознанием

Утро, как бы я этого не хотел, все-таки наступило. Признаться, я не хотел просыпаться и вставать от слова совсем. Сабрина одарила меня тем самым спокойствием, которого я ждал и которое искал уже очень много времени. Несмотря на то, что я все еще не был уверен в себе, я решил, что нужно постараться сделать жизнь моей девушки лучше, однако мой мозг все еще не верил в то, что меня любят.

Вчерашний вечер был просто великолепным. Мы с Сабриной много беседовали и обсуждали все на свете. Во время наших душевных посиделок она частенько улыбалась, а я с восхищением за этим наблюдал, ведь ее улыбка была чарующей.

Морозное субботнее утро началось с чашки горячего кофе, который я пил, смотря несколько влюбленным взглядом на спящую Сабрину, лежащую в лучах рассветного солнца. Комната была приятно освещена, а в открытую форточку задувал легкий ветерок. Я включил себе в наушниках музыку и наконец-то почувствовал себя счастливым. Допив свой бодрящий напиток и выпив таблетки, я решил сходить в магазин, дабы после приготовить завтрак.

Выйдя за территорию университета, я не спеша направился за покупками, наблюдая за тем спокойствием, что царит на улицах города в утро выходного дня. Ветерок приятно об-

давал холодом лицо и вызывал легкую дрожь, чувствовалось, что зима уже скоро подойдет к концу и все наконец расцветет.

Я поймал себя на мысли, что сейчас я действительно готов что-то менять. Это было приятное ощущение контроля над своей жизнью, мне нравилось ощущать, что все зависит от меня и что именно я влияю на свою судьбу.

Путь к магазину лежал через переулок, где, конечно, лучше не ходить вечером или в одиночку, но сейчас было светло и довольно рано, потому я решил все-таки срезать путь там. Это было ошибкой. Последнее, что я запомнил, – тугое чувство головной боли, отразившееся эхом по всему телу и заставившее меня потерять сознание. Иронично, не правда ли? Только тебе кажется, что ты обрел контроль над судьбой и стал наслаждаться жизнью, как эта самая жизнь загоняет тебе нож в печень. Ты словно на эмоциональных качелях, только я почему-то качаюсь от возможности умереть до простой жизни и обратно.

Очнулся я, по ощущениям, спустя целую вечность. Теплая кровь стекала по моей голове и капала на стул, к которому я был привязан. Убогая, просто максимально клишированная сцена из какого-то малобюджетного американского кинца, которая почему-то происходила наяву.

Не без труда сумев поднять голову, я огляделся, предомной предстали старые бетонные стены, на которых где-то еще виднелись обои, по углам лежал всякий мусор по типу

кирпичей и прочего, а в правом верхнем углу зияла дыра, через которую веселые и яркие лучи освещали мое изрядно покоцанное тело. Я видел свою тень и смог понять, что нахожусь спиной к тому, что раньше должно было быть окном. На самом деле раньше я несколько боялся ходить по заброшенным зданиям, и, видимо, не зря, только вот страх свой мне побороть все же придется.

Послышались тяжелые шаги. В комнату вошел человек, полностью одетый в черное. На нем были штаны, которые выглядели как военные и сделанные на заказ, тяжелые ботсы, которые на вид весели по парочке килограмм каждый, военная куртка, перчатки и маска, закрывающая всю голову. Словом, я не смог определить мужчину передо мной или женщина, но погоды это не делало.

– Очнулся наконец, – зазвучал измененный голос. – Не беспокойся, убивать тебя я не буду, заказ был совсем другой, хотя все зависит от твоего поведения.

Я услышал, как человек улыбнулся, однако после стал снова серьезен:

– Я доведу тебя до грани, а потом, если ты будешь хорошим мальчиком, оставлю умирать здесь, может тебе повезет и тебя спасут, а если будешь брыкаться, то скормлю псам.

По голосу стало понятно, что в конце фразы мой похититель вновь улыбнулся.

Больше всего меня раздражало, что даже если я выживу, что сейчас казалось мне маловероятным, то не смогу никак

найти этого человека.

Похититель подошел ко мне со спины, и я почувствовал резкую боль в шее. Игла. Черт, перед глазами сразу предстала Апата и ее безумный взгляд в ту самую роковую ночь, потом всплыла та комната, изрисованная огромным количеством кровавых гептограмм, и шкаф, от которого несло гнилью. Я попытался отпрыгнуть, но было уже слишком поздно, мне ввели какое-то вещество.

– Что ты, черт побери, мне ввел?! – произнес я, крича.

– Спокойно, это всего лишь психотропное вещество, даже не яд, – прозвучал довольный голос, и похититель вышел ко мне так, чтобы я его видел, а после присел на корточки.

– Зачем я тебе?

– Все просто, ты – ошибка этого мира, которая ввергает в хаос всех, кто тебя окружает. Ты ужасен и убог, а еще у меня на тебя заказ, к тому же ты убил минимум двух человек, а значит ценность твоей жизни куда выше, чем тебе должно хотеться.

– Что ты несешь?

– Эх, а ведь мне говорили, что ты умен, видимо, они ошиблись, – он достал из-за спины нож и резко воткнул мне в плечо. Я закричал, боль пульсировала и волнами разносилась по всему телу. Голова начала трещать, а во рту пересохло. От боли у меня начали наворачиваться слезы и я рефлексивно закусил губу. Потом он вынул нож и кровь хлынула из моего тела, но наркотик, что он ввел мне, начал действовать

и боль почти сошла на нет.

– От этого ты не умрешь, но потеряешь достаточно много крови, поэтому советую не напрягаться, а то вдруг расчеты не верны, – он окунул руки в мою кровь и нанес на стену напротив меня семиконечную звезду.

– Ублюдок, так ты из этих! Ты Змея?

– Поразительно, что ты до сих пор можешь составить имеющие смысл предложения, видимо, шизофрения усиливает сопротивление к психотропным веществам. Да, я Змея, четвертая в рейтинге адептов «Звезды», и пока ты еще в сознании, давай я тебе кое-что расскажу. Система рейтинга работает так: изначально у каждого из членов секты ценность жизни равна единице, но чем больше жизней ты заберешь, тем выше становится твоя. Однако если ты просто приносишь страдания в жизни других людей, то тоже повышаешь рейтинг, однако куда меньше. За тобой много кто охотится, ведь ты забрал жизнь Апаты, которая претендовала на становление адептом, и Анастаса, который был пятым и который забрал жизнь Артема, шестого. По итогу ты, будучи никем почти забрал мой титул, но если я убью тебя медленно и мучительно, то смогу стать третьей и подберусь к загадочной двойке лидеров, про которых ничего не известно. Все равно остальные привилегии меня мало интересуют, чего не скажешь про Китобоя.

Конец речи девушки стал уже менее различимым, мозг постепенно начинал терять контроль над телом. Веки стано-

вились тяжелыми и глаза стали закрываться. Змея взяла меня за волосы и заставила смотреть на нее.

– Вижу, что ты начинаешь отключаться, кажется, что ты даже выживешь, но вероятность этого где-то пятьдесят процентов. Мне было наказано снизить эту вероятность до тридцати, а потому...

Она ударила меня со всей силы в грудь, а после в челюсть. Рот наполнился кровью и теперь на моей голове не осталось почти ни единого места, не окрашенного в красный.

– Прощай, седьмой.

Мозг окончательно потерял контроль над телом и я, вместе со стулом, упал. «Кажется, что я умру, так и не дожив до весны», – подумал я.

Кома

Я открыл глаза. На стене старого дачного домика висел ковер, в который я так любил вглядываться, и осознав, что я уснул на диване, тщательно разглядывая все ворсинки этого удивительного произведения советского швейного искусства, медленно поднялся и слез с кровати. Под ногами я почувствовал деревянный пол и, шагая по скрипучим половицам, направился к двери, ведущей прочь из комнаты. Оглядываясь вокруг, я обретал какое-то неуловимое спокойствие. Дом казался таким огромным, хотя на самом деле был самым обычным и даже маленьким. Толкнув дверь, я оказался в холодном коридоре и услышал крики с веранды. Мое сердце забилось чаще, а на глазах навернулись слезы и тут... Щелчок. Выключился свет.

Я открыл глаза. Глядя в зеркало, я одевался, а после приблизившись к зеркалу, стал рассматривать свое лицо, на котором только недавно стала проступать щетина, прыщи стали постепенно сходить на нет, а майское солнце одарило меня приятным загаром. Я принялся проверять все ли я взял: паспорт на месте, две черные гелевые ручки, механические часы – все было на месте, к счастью, спокойствие также было со мной, в конце концов ОГЭ достаточно простой экзамен, который к тому же для меня ничего не значит, ведь я собираюсь поступать в одиннадцатый класс. Вся семья меня

провожает, все желают мне удачи, но мой взгляд прикован только к матери, какое-то тревожное чувство она вызвала у меня, впрочем, не стоит сейчас забивать этим себе голову. Я открываю дверь и делаю шаг на лестничную клетку. Щелчок.

Я открыл глаза. Руки дрожат, я зажимаю рану в животе отца. Окровавленный нож лежит неподалеку, я ничего не понимаю, из моих глаз льются слезы. Я пытаюсь кричать, открываю рот, но не могу издать ни звука. «Скорая будет с минуты на минуты, держись папа, пожалуйста!» – молю я его в мыслях. Щелчок.

Я открыл глаза. Уже несколько ночей я провожу в больнице, рядом с отцом. Его состояние стабильно улучшается, но я до сих пор не могу понять, почему мать это сделала. Заявление в полицию я написал только благодаря Насте, она же не позволяла остаться мне одному и даже сейчас спала на моем плече. Это успокаивало. Щелчок.

Я открыл глаза. Все в цветных огнях – выпускная дискотека, на которую я, между прочим, не собирался идти, но меня все-таки принудили – Настя настояла. Мы отошли в дальний угол и, поддавшись той раскрепощающей атмосфере, поцеловались. Щелчок.

Я открыл глаза. Холодный весенний рассвет. Сигарета в руках. Настя в старом свитере. «Нет, это не так, это все не то, это все прошло. Как бы я не хотел остаться в этом воспоминании подольше, как бы я не желал вновь вернуть ее, как бы не желал снова стать беспечным подростком, я не могу.

Мне нужно идти дальше», – подумал я.

– Тебе действительно пора очнуться, но часть твоей души я заберу себе, мне здесь так одиноко, – прошептала она и поцеловала меня. Я почувствовал неопишемую боль, словно меня разорвало пополам. Начало болеть плечо, шея, руки, в общем все тело. Щелчок.

Я открыл глаза. Меня слепил яркий белый больничный свет. Дышать было тяжело, ощущение своего тела было полностью потерянно, говорить я тоже не мог, по крайней мере мне так показалось.

– Он очнулся, очнулся! – слышались крики, отдававшиеся ударами молота в моей голове. Как бы я хотел вернуться в тот мартовский день, на ту самую крышу, к той самой, которая могла читать меня, словно книгу, которая знала всех тараканов в моей голове. Как же тяжело жить... Но теперь я хоть вновь насладился той атмосферой, пускай и опять во сне.

Ко мне подбежал Амикус и еще какие-то люди. Я, как уже можно было догадаться, ничего не понимал и вопросительно смотрел на своего друга. Амикус нервно улыбнулся и велел всем выйти, мол, только очнулся и нечего грузить меня. Мы остались наедине.

– Я рад, что ты выжил, уверен, что у тебя куча вопросов, поэтому по порядку. Сейчас ты в безопасности, тебя нашли в заброшенном здании за чертой города, мы очень сомневались, что ты выживешь, ведь ты потерял много крови и неде-

лю был в коме, но врачи говорили, что твои шансы процентов тридцать, поэтому нам повезло... – начал он свой рассказ, я же поразился тому, что, во-первых, Змея так великолепно сделала свою работу, а, во-вторых, что я целую неделю был в коме. – Тебя принесли к нам агенты «Карабинов», и тебе предстоит поговорить с одним из них, они заинтересованы в твоей связи со «Звездой», потому как на их людей участились нападения. К тому же мы решили, что медлить больше нельзя и раз на тебя открыли охоту, то нужно действовать, поэтому мы инсценировали твою смерть, похороны пройдут в это воскресенье. Теперь же тебе нужно отдохнуть, после познакомишься с нашими людьми, и мы обсудим дальнейшие действия, вопросы есть?

Сказать, что я был в шоке, – это ничего не сказать. Моя и так не самая лучшая жизнь за доли мгновений для меня превратилась в сущий ад. Инсценировали мою смерть! А меня они спросить не хотели? У меня может планы были, а что будет с Люксом? А с Сабриной? Однако в то же время я понимал, что это действительно хорошее решение, ведь никто не будет ожидать моего появления.

– Вопросов нет, – сухо ответил я, слова давались мне с трудом и как бы разносились по всему телу болью. Амикус вышел из комнаты, и я смог наконец сосредоточиться на своем теле. Плечо у меня было перебинтовано, как и голова, а на шее красовались пластыри. Я все еще чувствовал усталость, но было и облегчение. Все-таки повезло, что я выжил и что

меня нашли.

Не сказать, что спать на больничной койке очень удобно, особенно когда чувствуешь боль в плече просто из-за того, что дышишь, но выбирать не приходится. Спал этой ночью я мало, зато размышлял много. Не думал, что моя жизнь свернет в это русло, хотя предполагал, если честно, что у меня какая-то боязнь счастья.

Где-то слышал, что некоторые люди думают, что на каждое их счастье приходит неудача, это, конечно, ошибка восприятия, но наука не может обнадежить человека, а даже наоборот, скорее вгоняет его в депрессию. Ведь даже принимая атеизм и отрекаясь от Бога, ты обрекаешь себя на вечные муки, в тяжелые моменты ты не можешь обратиться к Всевышнему за помощью, а в своих неудачах можешь винить только себя, ведь только твои решения и их последствия влияют на жизнь, но никак не твои, так называемые грехи. Ты также должен смириться с тем, что после смерти будет лишь пустота, с тем, что ты не особенный, а лишь один из восьми миллиардов людей, живущих на камушке на отшибе вселенной, тебе придется принять то, что на большинстве масштабах восприятия, ты – никто. Однако если ты примешь это, то сможешь стать счастливее, ты сможешь восхищаться миром по-новому, будешь видеть, как ничтожные случайности творят реальность, тебе будет безумно тяжело, тоскливо, больно, но при этом смешно, тебя будет забавлять тот факт, что тебе просто не повезло. Нет никакого Бога, которому ты не по-

направился, нет кармы, и ты не отвечаешь за грехи прошлой жизни, нет «бумеранга», ничто не вернется тебе, ни добро, ни зло. Только полностью отринув себя и свои убеждения, только осознав свою бессильность, обретешь счастье... Хотя в привычном понимании счастьем это уже не назовешь, ты обретешь покой. Твои нервы станут железно-бетонными.

Но нужно еще не сломаться на пути к спокойствию, а это сложно. Я могу сейчас взять нож, лежащий на тумбе у моей койки, и вонзить его туда, где должно быть сердце, но не стану – это скучно. И это единственная причина, мысль о суициде проскакивает у меня далеко не первый раз. На моем лице появилась странная садомазохистская улыбка. Все-таки боль – великолепное чувство, ведь именно оно побуждает нас действовать. Боль и страх – двигатели жизни, искусства и много чего еще.

К моему счастью, бесконечный порыв моих искалеченных мыслей прервал Амикус, который, казалось, буквально десять минут назад вышел из местного лазарета.

– Отдохнул? – я покачал головой. – В любом случае, тебе пора вставать.

Я сел на кровати. Минутное колебание, и я встал. Мы направились по коридорам, это все походило на какие-то катакомбы, и я понятия не имел, где мы можем находиться, но так или иначе мы пришли в то, что я идентифицировал как допросную. Меня провели внутрь камеры, где уже сидела какая-то девушка, она, как я понял, читала мое досье и

усмехалась.

– Да ты у нас счастливчик просто, – прозвучал приятный уху женский голос. Я, правда, ничего не ответил и сел на стул напротив нее.

Девушка была приятной наружности, лицо несколько худощавое, но при этом не имеющее никаких дефектов, глаза зеленые, нос немного тонкий, волосы имели легкий рыжий отлив. Ее задумчивый взгляд в досье сменился милой улыбкой мне, которая почему-то согрела меня. Я заметил у нее на шее несколько достаточно крупных шрамов, однако решил, что допрашивать тут собираются меня, а потому и спрашивать мне особо ничего не нужно.

– Ладно, давай знакомиться, я Марго Сцио, местный психолог, в данный момент моим главным пациентом являешься ты. Сейчас пройдешь небольшой тест, и я скажу, что с тобой не так. Кстати, можешь не волноваться, нас никто не слышит, я лично настояла на этом условии проведения осмотра.

Выявление дефектов в моем сознании заняло несколько больше времени, чем я предполагал. Разговаривали мы долго, но надо признать, что это было достаточно интересно. Марго затронула множество разных тем, предполагаю, чтобы определить мое общее отношение к жизни. Она спрашивала про желание что-то делать, про наличие друзей, про мои хобби, а также я, конечно, прошел множество разных тестов, наподобие теста Роршаха.

– У тебя были провалы в памяти? – спросила она неожиданно. Я хотел было ответить, что нет, однако передо мной тут же всплыли моменты, когда часть моих воспоминаний как будто была вырезана.

– Да, бывали.

– Так я и думала. Ты ведь и так знаешь, что у тебя шизофрения, так или иначе нам известно, что ты покупал таблетки, которые при регулярном потреблении должны снимать симптомы, а также мы знаем, что некоторое время ты посещал специалиста, он заверил тебя, что шизофрения вошла в стадию ремиссии, да?

– Д-да, – ответил я несколько удивленно.

– Удивляться тебе нет смысла, на тебя составили досье сразу после того, как узнали, что ты убил Апату. Так вот, судя по всему, после пережитых в последнее время событий болезнь напала на твой мозг с удвоенной силой, а потому тебе нужны будут новые препараты, более того у тебя диссоциативное расстройство личности. Однако твой случай особенный. Обычно вторая личность человека ведет себя как независимая и действует так, будто бы считает себя настоящей и главной, у тебя же вторая личность выступает скорее в качестве защитного механизма. Твое тело вызывает ее тогда, когда мозг отказывается принимать то, что тебе предстоит сделать, по крайней мере, такова моя теория. Но с этим тоже стоит быть осторожным, потому как неизвестно чем обернется такой симбиоз, скорее всего позднее эта личность осо-

знает себя и попробует отделиться.

Мне стало тяжело это слушать, и я жестом остановил Марго. Она протянула мне стакан с водой, и мы сделали небольшой перерыв в зачитывании моих диагнозов.

– Прости, что я так бестактно это говорю, но мы не в том положении, чтобы обсуждать то, как тебе помочь, не сейчас. Позже, скорее всего, я смогу попросить Амикуса попробовать договориться о проведении на тебе новейших процедур, которые может помогут, но в данный момент нам важнее оценить риски без прикрас и разобраться со «Звездой», продолжим? – в голосе Марго хоть и слышались нотки сочувствия, но от ее дружелюбного тона, который встретил меня на входе, уже ничего не осталось, теперь были только сухие факты.

– Да, продолжай.

– Хорошо, последнее, у тебя депрессия, но опять же, в связи с наличием у тебя шизофрении и раздвоения личности, очень сложно предсказать то, как будет развиваться болезнь. Из нашего разговора я поняла, что ты не способен на суицид, но я не могу быть уверена, что твоя вторая личность не решит в один момент кончить твое приключение. Потому я пропишу тебе препараты, они есть здесь, чтобы был эффект, надо пить регулярно. Амикусу и остальным я ничего не скажу, им спокойнее будет, скажу лишь, что тебе нужно иногда пить таблетки от шизофрении, про это-то они все равно знают.

– Понял, – ответил я, хотя и знал, что таблетки пить не буду. Это может показаться странным, но шизофрения словно позволяет мне видеть больше, чем успеваешь обработать мой мозг, а вторая личность уже спасла меня разок, так что я временно с лечением. Нелогично, но что поделаешь.

Мы направились к Амикусу, а меня начали вновь сжирать свои же мысли.

– Давид! – окликнул меня Амикус.

– А? Что? Прости, я задумался что-то.

– Все в порядке, Марго сказала, что твое состояние стабильно и это нас радует, а то у «Карабинов» были какие-то опасения на твой счет, – мой взгляд перешел на девушку, а она лишь улыбнулась мне. Я оглядел всю комнату, это было достаточно большое помещение, где по центру стоял стол, на стене висела доска как из фильмов, где были все зацепки, а на нескольких креслах и стульях сидели люди, некоторые также стояли около стола.

– Ладно, ближе к делу. Пока ты был в отключке мы смогли кое-что узнать об одном из адептов, к сожалению, не о Змее, которая тебя похитила, а о, как он сам себя зовет, Китобое. Китобой – третий в рейтинге, специализируется на скрытых убийствах с использованием всяких примочек: хитроумные ловушки, дротики с ядом, просто скрытое убийство и последующий уход с места преступления. Достаточно опасен, но при этом самоуверен и даже хочет с тобой встретиться, члены секты знают, что ты жив, по крайней мере думают

так, потому что Змея доложила им, что ты должен выжить, ну, это наше предположение.

– Это не важно, – перебил его какой-то мужчина. Он был в неприметной черной одежде и единственное чем запоминался, так это красным карабином.

– Умбра, я понимаю Ваше беспокойство, но нам нельзя спешить...

Я кинул взгляд на мужчину в черном пальто, к которому только что обратился Амикус. Он был коротко пострижен и имел достаточно густую, но короткую бороду. Взгляд имел суровый, а невозможность увидеть зрачки в карих глазах только добавляла грозности. На щеке, прямо по линии роста бороды был достаточно крупный шрам, который делал Умбру еще более угрожающим.

– Понимаешь мое беспокойство?! Амикус, черт бы тебя побрал, у меня за неделю пока я тут торчу, уже умерло семнадцать человек! И это далеко не рядовые бойцы, если этот... этот... парень может хоть что-то прояснить пусть не медлит!

Амикус закатил глаза и посмотрел на меня.

– Не думаю, что мои сведения вам как-нибудь помогут, перво-наперво я бы узнал какой у нас уже есть план.

– Хорошо... Суть такая: ты побудешь еще какое-то время здесь, не будешь никуда соваться и просто реабилитируешься, мы попробуем тебя как-нибудь натренировать, чтобы потом использовать. Тебе нужно будет встретиться с Китобоем и попытаться подбить его на сговор против Змеи,

или хотя бы узнать от него что-то. В зависимости от полученной информации мы уже будем принимать дальнейшие решения, перед нами стоит несколько задач: разузнать про Анастасию Вивам, прекратить нападения на «Красных карabiнов» и развалить секту, – продолжил Амикус.

– Появились какие-то новые сведения про Настю?

– Да, кажется, она может быть жива и скорее всего причастна как-то к «Звезде».

Мое сердце сжалось. Дыхание участилось и потемнело в глазах. «Не может быть, она не должна, она не может быть живой!» – пронеслось в моей голове и как-то всплыло воспоминание о том же самом рассвете на той же крыше и вот оно исчезло. Я оперся рукой на стену и медленно спустился на корточки.

– Эй! Ты как? – услышал я голос Марго.

– В порядке, просто тяжело пока немного, – с трудом произнес я. Сознание еле находилось в теле и казалось, что я скоро отключусь, но все обошлось и вскоре я поднялся на ноги.

Похороны

«Мне просто нужно смириться», – подумал я, и мысль эта была верная, нет смысла больше бежать от себя. «Ты ведь и так давно считал, что она жива». Считал! И что с того, черт побери? Одно дело считать, что кто-то, кто должен быть мертв, жив, а другое услышать это от кого-то еще. *«Серьезно? По-твоему, это что-то меняет?»*.

В моем сознании возникла родительская квартира. Она была небольшая, всего две комнаты, кухня и раздельный санузел, ничего интересного, ее получил еще мой дед, но я там провел всего семнадцать лет, потом переехал в общагу, да и не бывал там после смерти отца, хотя, кажется, стоило. Я сидел на диване, а напротив меня в кресле сидел Люкс, по крайней мере я определил этого человека именно так.

– Да! Это все в корне меняет!

– Что, например? Слова других людей не стоят ни гроша, ты же сам верил в то, что Настя жива, потому что до сих пор любишь ее. Ты начал все это только потому что хочешь ее еще раз увидеть, в этом все дело. Это ведь именно ты испытал облегчение, когда увидел мертвого Артема, потому что ревновал Настю к нему и потому что знаешь, что выберет она его, ты ужасный эгоист! Ты все делаешь только в своих интересах!

– НЕ СМЕЙ ТАК ГОВОРИТЬ!!! – закричал я, что в квар-

тире аж полопались стекла, за которыми находилась лишь пустота.

Меня потрясли за плечо. Потребовалась пара секунд, чтобы я понял кто я и где нахожусь. Марго вернула мое сознание в тело, мы стояли под зонтом чуть поодаль от того места, где хоронили пустой гроб, об этом, правда, мало кто знал. Я видел, как под зонтом мокнет Сабрина, как она льет слезы, но внутри почему-то была перемешанная с болью пустота. Я никак не мог понять, почему ничего не чувствую, ведь, как мне казалось, я действительно ее полюбил, но, видимо, я ошибся, хотя кто знает.

Боль, что отдавалась в моей груди символизировала полную потерю понимания. Я не знал, что будет дальше, чего я хочу, кого я люблю и чего я стою. Все это загоняло мое сознание только дальше в панику, никак не давая мне расслабиться.

Я выдохнул и постарался сосредоточиться на происходящем.

– В красивом месте меня хоронят, – произнес тихо я. Место и вправду было красивое, хоронили меня под большим дубом за чертой города, это было поэтичное место, где мог бы покоиться какой-нибудь герой, но буду покоиться я, номинально, конечно.

«*Время уходит*», – услышал я вдруг в голове. Это был *голос* Люкса, я уверен, почти уверен.

– Пошли, здесь больше нечего делать, – резко сказал я и

мы направились обратно в катакомбы, готовить меня к уничтожению секты. «Я убью каждого, кто причастен к «Семи-конечной Звезде», – пообещал я себе.

Воротившись во временное убежище, мой мозг начал анализировать все произошедшее за последнее время. После моего поистине неожиданного воскрешения, если можно его можно так назвать, прошло немного-немало три дня. Я рассказал всем присутствующим то, что мне поведала Змея, но решил все-таки умолчать о том ускользающем от меня воспоминании, когда она назвала меня седьмым. Мне казалось, что это далеко не самая хорошая идея.

Однако радовало меня то, что мое плечо наконец-то полностью функционировало. Нож вошел удивительно хорошо, он не задел ничего важного, а потому и восстановление прошло быстро. Мне уже разработали график тренировок: две недели меня будут усиленно подготавливать к самообороне и научат владеть разным огнестрелом, а также создадут мне образ, как будто я один из секты. Мне предстоит несколько вылазок в места, которые, скорее всего, принадлежат секте, мне нужно будет найти там хоть какие-то зацепки по Змее, Китобою и еще двум адептам. Кажется, мне предстоит долгий месяц, если все пройдет хорошо, то к началу апреля мы покончим с этим. Я надеюсь.

Мне также вспомнился недавний допрос от одного из «Карабинов». Я, к своему большому удивлению, был крайне спокоен и отвечал на его вопросы так, как должен был. В ос-

новном, это, конечно, была правда, но не полностью. Умбра интересный человек, но он слишком горячиться, то есть я понимаю, что у него умирают подчиненные, но, во-первых, их уже не вернуть, а, во-вторых, умирают они только в определенных местах, как раз около зданий, которые принадлежат секте. Мы решили, что будет лучше пока убрать оттуда патрули, потому как людей в карабинах не так много.

Также я успел поближе познакомиться с Марго. С ней крайне приятно общаться и можно обсудить множество вещей, правда, после некоторых моих монологов она смотрит на меня с таким сожалением, как будто я испытал все страдания этого мира.

– Не нравится мне твой настрой, конечно, – сказала как-то она мне.

– Почему же?

– Ну, знаешь, когда человек говорит тебе о том, что единственное, что он чувствует – это боль и что его это устраивает, то это настораживает.

– Да ну... Я искренне считаю, что боль – это одна из самых прекрасных вещей, которая есть в этом мире, ведь боль рождает множество прекрасных вещей, боль творит искусство, согласишься же, никому не интересно, если в каком-нибудь, допустим, рассказе все хорошо. Нужна трагедия, несчастье, так ведь?

– Пожалуй...

– Так вот, ведь именно боль заставляет людей шевелить-

ся...

Дальше, впрочем, я повторил свой монолог после пробуждения. Марго же на это лишь ухмыльнулась и обняла меня. Странная она, конечно, хотя не мне рассуждать о странности. В любом случае сейчас я был в несколько уже привычном для себя апатичном состоянии, у меня был этот и еще один день, чтобы насладиться своей свободой, ведь потом начнутся мои суровые тренировки. Я направился к Амикусу, чтобы узнать у него не хочет ли он проветриться.

– Думаю можно, тем более тебе тоже будет полезно, куда ты хочешь?

– Джазовый бар, на улице Достоевского, – ответил коротко я.

Ядовитый джаз

Вообще помимо джаза и бара меня привлекала и сама улица Достоевского, как, впрочем, и сам писатель. Достоевский очень умело показывает психологическую составляющую героев, что и цепляет, ведь куда приятнее наблюдать за тем, как персонаж переступает через свои принципы, а потом старается смириться с произошедшим. Людские страдания всегда привлекательны.

Так или иначе в нашем городе чтят писателей: у нас было несколько памятников, один, кстати, Достоевского, множество улиц были названы в их честь, да и в целом у нас любят читать. Вот и сейчас, проходя по улице, я погружался в размышления о великих литераторах прошлого. Достоевский, Гоголь, Данте, Гете, Горький – все они словно имели что-то общее со мной. По крайней мере, именно в их произведениях я находил утешение в свои одинокие дни, но не скажу при этом, что считаю себя человеком начитанным, безусловно, книги – неотъемлемая часть моего досуга и в них я нахожу множество интересных идей, но человек начитанный это что-то более высокое и далекое.

Наблюдая свой ход мыслей в последнее время, я практически пришел к мысли, что у меня очень низкая самооценка, ведь множество людей мне говорили, что я умен, нашлось даже несколько смельчаков, которые называли меня гением.

Но что, в сущности, значит гений? Это ведь не более, чем эфемерное понятие, придуманное человеком, просто чтобы оправдать свою лень. Нет никакого таланта и никакой гениальности, есть лишь бесконечный труд и упорство, и именно они превращают человека в, так называемого, гения. Но где же эта черта, переступая которую можно поставить себя в один ряд с Эйнштейном, Пушкиным, Перельманом? Написал ли я произведение, которое будет помнить хотя бы часть человечества вот уже несколько веков, или создал ли я теорию, на которой будет основываться огромная часть физики, или может я хотя бы решил одну из задач тысячелетия? Нет, и вряд ли когда-нибудь смогу. Хотя люди, наверное, думают иначе. Даже еще будучи в школе, я слышал, что, мол, стану известным ученым, писателем или спортсменом, но посмотрите на меня сейчас. Кем я стал?! Да, в сущности, никем.

Всю дорогу до бара мы шли молча, и лишь у самого входа я нарушил эту депрессивную тишину.

– Амикус, у тебя сигареты есть?

– Есть, – он начал доставать из кармана куртки пачку. – Но ты же вроде бросил?

– Ага, а еще я недавно умер, давай сюда.

Я выхватил у него протянутую пачку и достал одну сигарету. Зажигалка, щелчок, огонь и приятное наслаждение разлилось по всему моему телу. *«Господи, до чего же умиротворительно, а ведь ты серьезно думал, что сможешь бросить»*, – пронеслось у меня в мыслях, но я не смог ответить ничего

стоящего и лишь закусил губу.

Дым начал медленно подниматься вверх, и я наконец принял тот факт, что в последнее время стал намного более задумчивым и депрессивным, кажется, что для меня нахождение на грани смерти – не лучшая практика. Так или иначе, докурив, мы все-таки зашли в бар. Приятный теплый свет сразу же ослепил меня.

– Сильно контрастирует с той серостью на улице, – произнес я себе под нос.

Слева от входа располагалась небольшая сцена, которая сейчас, правда пустовала, но это неудивительно, мы пришли почти к открытию, а группа начинает играть только спустя полчаса. Справа же стояли столы и диванчики, как в американских фильмах восьмидесятых, в ясную погоду за ними было очень приятно сидеть – пьешь, слушаешь музыку, наблюдаешь в панорамное окно за прохожими, чем не сказка? Но наш путь лежал прямо, к барной стойке, где нас с уставшим видом и несколько надеющимися глазами ждал бармен. Мы подошли и заказали выпить: я – виски, Амикус – пиво. На улице начался ливень и теперь, кажется, мы здесь на часа четыре минимум.

В баре постепенно становилось болеелюдно, кто-то заходил сюда целенаправленно, а кто-то просто пытался скрыться от дождя. Мы с Амикусом сидели молча, каждый в своих мыслях, не скажу, что мне это не нравилось, просто я знаю, чем грозит чрезмерное погружение в мысли. Зачастую

от раздумий приходит только тоска или грусть. Вот и сейчас меня одолевали все новые мысли.

Я посмотрел по сторонам и уже находился в пустом баре. Повернул голову и увидел Сабрину, стоящую за барной стойкой. Ее лицо было изуродовано гримасой боли и скорби. Когда мы сошлись взглядами, свет начал мигать, а Сабрина громко закричала. Так громко, что у меня полилась кровь из ушей, и вдруг... Тишина. Кажется, я оглох. Из глаз девушки начали течь кровавые слезы, горло начало расходиться надвое, из него стала выползать змея. Я сидел, сжав бокал виски, и не мог пошевелиться. Гнетущая тишина сильно давила на мое и так расшатанное сознание, я почувствовал, как начали наворачиваться слезы. Я произнес:

– Прости...

Хоть я и не слышал, но знал, что сказал это. Пускай и шепотом, но сказал. Вдруг я где-то отдаленно начал слышать блюз. Приятное звучание становилось все ближе, я закрыл глаза.

Открыв же их, предо мной предстал бокал с виски, по которому расходились круги от упавшей слезы. Я влил в себя спирт и посмотрел на Амикуса, который, к счастью, не заметил моего странного поведения. Приступ закончился, но все-таки пришлось попросить у бармена еще выпивки.

Группа уже вышла на сцену и помещение заполнилось приятными уху звуками. Сердце постепенно начинало стучать в привычном ритме. Я развернулся к сцене и стал на-

блюдать. Группа состояла из четырех человек: бас-гитарист, пианист, саксофонист и вокалистка. Инструменталисты играли где-то на среднем уровне, что для бара было более чем достаточно, а вот вокалистка, ее голос был божественен. Она была также и хороша собой. Черное платье подчеркивало ее великолепные пропорции, а лицо, казалось, было взято у какой-то модели. Она полностью завладела вниманием всех присутствующих, всех кроме Амикуса. Старый детектив лишь ухмыльнулся, посмотрев на мои горящие глаза.

Незнакомка улыбалась, и мне показалось, что она несколько раз подмигнула мне. Я не воспринял это всерьез и вскоре, вырвавшись из оцепенения, повернулся к Амикусу. Слово за слово мы разговорились и время пролетело незаметно. Дождь уже стих и людей стало намного меньше, но девушка продолжала петь.

– Как я рад, что хотя бы один мой день пройдет без приключений, – произнес я, улыбнувшись, но тут меня дернул бармен и передал записку.

«Зайди за кулисы, как я закончу петь. Ты мне понравился, хочу узнать тебя поближе.»

И подпись: *«Твоя вокалистка :)»*

Я удивился, но, говоря честно, обрадовался. Амикус же, который тоже прочитал записку, закатил глаза и, дружески похлопав меня по плечу, пожаловался, что теперь ждать меня еще. Мы посмеялись.

Через еще приблизительно полчаса выступление все-таки

закончилось и я, последовав указаниям, пошел за кулисы. Девушка осталась одна, она поправляла макияж и, увидев меня, улыбнулась.

– Рада, что ты все-таки зашел.

– Просто не смог отказать, – произнес я, также улыбнувшись. – Позволишь узнать твое имя?

– Позже, – произнесла она и, поднявшись, поцеловала меня.

Я прижал ее к стене, и страсть овладела нами. Кажется, что ей, как и мне, хотелось сегодня забыться. Мы целовались, словно забыв про дыхание. Мои руки скользнули по ее бедрам, она обхватила мою шею и стала ее покусывать, это вскружило мне голову.

Меня не глодала совесть и не заботили последствия. Сегодня в моей груди отсутствует сердце, хотя потом я, конечно, буду сожалеть.

Спустя пару мгновений мы уже оказались полуголыми у стола. Она смотрела на меня жаждущим взглядом. На секунду мне показалось, что у нее змеиные глаза, но мне было не до очередных галлюцинаций. Руки скользнули ниже ее живота, и я принялся ласкать девушку, целуя ее. Дальше мое сознание полностью покинуло меня, и я отдался животным инстинктам. Я не считаю, что это было правильно с моральной точки зрения, но кого волнует мораль в такие моменты?

Через энное количество времени мы кончили с этим делом. Оба были истощены, но довольны. Сознание постепен-

но возвращалось, пока я одевался.

– Так как тебя все-таки зовут?

– Рененут, для друзей Рина, но тебе я знакома по своему прозвищу, я Змея, приятно познакомиться, Давид, – она улыбнулась, и я увидел, как у нее в сумке что-то блеснуло. Пред глазами сразу предстала картина, где она втыкает мне в плечо нож. По телу пронеслась дрожь и боль.

– Так это ты та сука! – крикнул я и в то же время почувствовал, как адреналин разливается вместе с кровью по всему телу, а на лбу проступает пот. Поразительно как быстро могут менять чувства человека: за этот вечер я испытал горечь, скорбь, радость, страсть и гнев.

– Ну почему же сразу сука, дорогой Давид, что же ты так категоричен со мной? Сладкий, разве я, по-твоему, хотела все это делать? Ты разве не видишь, как я была нежна с тобой? А то, что произошло тогда, так это был просто приказ от Кукловода. А отказать я не могла, а то пришлось бы мне даже хуже, чем тебе, но не волнуйся, я никому не скажу, что ты остался жив, все и так почти уверены в этом. А теперь давай тихо разойдемся и все, хорошо?

Мое сознание снова помутилось. Я видел перед собой уже не прекрасную девушку, а мерзкую семиглавую гидру. Мне предстояло, как и Гераклу отрубить ей голову. Я чувствовал, как контроль над телом переходит к другому мне, последнее, что успело сделать мое сознание был звонок Амикусу, который я сразу сбросил. Дальше все в тумане.

Наказание

Пришел в себя я спустя мгновение, по крайней мере, мне так показалось. Очнулся я на базе, все в том же медпункте. Чувствовалось легкое дежавю. Рядом с моей койкой на раскладном стуле сидела Марго. Она не сразу заметила, что я пришел в себя, – все ее внимание было занято каким-то глянцевым журналом.

– Я чувствую себя Иисусом, – произнес я хриплым и уставшим голосом, усмехнувшись. Несмотря на то, что длительное время я как бы отдыхал, ощущение было, будто меня переехал «КамАЗ», может даже не один раз.

– Все-таки живой? Победа, Умбра проспорил сотку.

– Вы ставки делали на меня? Не самое этичное занятие.

– Без обид, но это реально интересно, ты очень живучий. Только, пожалуйста, больше так не делай. Почти сутки в отключке был. Что с тобой происходит?

– Да если бы я знал, – слова отдались какой-то новой болью где-то в глубине тела, мне даже показалось, что это заболели остатки души. «Душонка заболела?» – с насмешкой спросил *голос* в голове, и я провалился в сознание.

Теперь мы находились в одной из десятков аудиторий моего университета. Она не была чем-то примечательна, самая обычная аудитория: множество парт, которые поднимаются все выше по мере удаления от большой меловой доски и учи-

тельский стол, который, словно алтарь, стоял по центру пространства между доской и первыми партами.

Мой же собеседник теперь предстал передо мной в другом теле, однако его лицо было все также размыто и теперь я уже не знал на кого он похож.

– Нет у меня души, – прошипел я, скрипя зубами, а он на это лишь рассмеялся.

– Конечно, конечно. Именно поэтому мне приходится уже в который раз спасти твою задницу от смерти, да? Нет, это потому, что ты слабак, который ничего не может сам, кроме как девчонок трахать.

Я не мог видеть его лица, но готов был поклясться, что этот мудака улыбается. Гнев переполнял меня, и я почувствовал, как пульсируют вены на лбу.

– Кто ты, мать твою, такой?

– О, наконец-то правильные вопросы, да вот только рановато для этого. Давай лучше поговорим про то, насколько ты ничтожен, – он засмеялся, а аудитория, казавшаяся пустой, подхватила его. Я больше не мог терпеть это. Как кто-то в моем же сознании может унижать меня. Я сделал шаг, и он исчез. *«Ты слишком вспыльчивый, а, кстати, тебя уже заждались»*, – послышалось вдруг ото всюду и из неоткуда сразу. Холодные руки коснулись моей головы и... Щелчок, боль пронеслась волной по моему телу. Я пришел в себя.

– О, очнулся, наконец-то! – услышал я от Марго. Мои руки машинально потянулись к шее и, убедившись, что все в

порядке, вернулись в привычное положение.

– А? Что ты имеешь в виду?

– Да ты подвис на минуты три, просто в одну точку втыкал.

– Задумался просто, – соврал я и несколько неловко улыбнулся. Мое сознание начинает все сильнее и сильнее уходить из-под моего контроля, что, конечно же, не хорошо. Но это сейчас не так важно.

– Так, а что случилось-то пока я был в отключке?

– Ну, смотри. Амикус нашел тебя и Рененут в примерке, вы оба были без сознания, ему это показалось странным, и он сначала даже не понял, что произошло, но решил забрать и тебя, и ее. Позже, по приезде сюда тебя отправили в медпункт, а ее в допросную – она очнулась еще по дороге. Особого сопротивления не оказывала, но сказала, что хоть что-то расскажет только тебе лично, не понимаю ее мотивов, однако работаем с тем, что имеем, поэтому идем сначала к Амикусу, отчитаемся, что ты жив, а после уже в допросную, если готов, конечно.

Мне потребовалось где-то с полминуты, чтобы переварить информацию. Мне каким-то образом удалось вырубить Змею, так еще и быстрее, чем пришел Амикус, кажется, что это и есть тот защитный механизм, и именно с ним я говорил только что.

«Десять очков Гриффиндору! А ты не настолько глуп, как я думал, хотя все равно ты не так умен, как твой брат.

Ничтожество», – внезапно раздалось у меня в голове. Я не знал, что ответить, и лишь, прикусив губу, поднялся с койки, после мы с Марго направились к главному детективу.

После буквально пятиминутной нотации и дружеского подзатыльника Амикус все-таки отпустил меня в допросную. Змея была там, она выглядела так, словно с нетерпением ждала нашу встречу.

– Ты наконец-то пришел, Давидик, – произнесла она с милой, но пробирающей до дрожи интонацией, а от уменьшительно-ласкательной формы моего имени, вылетевшей из ее уст, меня вообще передернуло.

– Чего ты хочешь, Змея? – начал было я, подходя и садясь на стул.

– Ну почему так грубо? Мы же с тобой уже очень хорошие друзья, разве нет? – снова эта игривая интонация, до чего же она самодовольная.

– Отвечай на вопрос, – на моем лице все-таки предательски чуть выступил румянец.

– Тц, какой ты скучный... Что тебе рассказать-то, хоть?

– Кто такой Кукловод и что ты о нем знаешь?

– Мужчин всегда интересует только работа, бесите. Ты ведь мне действительно понравился, не скажу, что мне было неприятно тебя пытаться, все-таки от любви мой садизм нигде не делся, однако мне было обидно, когда ты назвал меня сукой...

– Прости, – стиснув зубы, ответил я.

– Проехали. Про Кукловода я мало что могу сказать, он очень тщательно скрывает свою личность, как и Гаррота, кстати.

– Гаррота?

– Да, это его правая рука, собственно, осталось лишь трое членов секты, с которыми ты еще не встречался: Китобой, Гаррота и Кукловод. Все остальные ведь мертвы.

– Тц, не напоминай мне об этом. Ты знаешь что-то о планах секты на ближайшее время?

– До меня доходили слухи, что скоро должно будет пройти какое-то мероприятие для членов секты, однако теперь я об этом точно не узнаю, как-никак сюда мне приглашение никто не передаст.

– На мероприятиях присутствуют все адепты?

– Почти всегда да, но зависит от важности, конечно.

– Понятно, – я взял паузу обдумать, что спросить дальше, но не успел.

– Что вы теперь со мной сделаете? – как-то неожиданно серьезно и даже грустно спросила девушка.

– Ты убила множество людей...

– У меня не было выбора! Кукловод пичкает какими-то наркотиками моего отца, из-за чего тот постепенно становится более жестоким и медленно сходит с ума. К тому же, он контролирует большую часть города и у него точно есть подчиненные по всей стране, так помимо всего этого он непомерно жесток. Я решила выйти из игры, однако сомневаюсь,

что долго протяну, потому что они убивают каждого, кто решает покинуть «Звезду», вы сможете помочь?

– Вот он мудака... Если ты будешь сотрудничать с нами, то мы предоставим тебе защиту, – меня передернуло от одной мысли, что я утешаю такое чудовище. Она убила несколько дюжин людей и искусно пытала меня, с чего вдруг мне вообще помогать ей? Может потому, что я знаю, каково это потерять отца? Но готов ли я пойти на этот шаг?

«Только попроси, и я убью ее на месте», – раздался голос в моей голове. Я почувствовал, как на моем лбу проступает холодный пот. Это что страх? Я боюсь самого себя? Почему? Я резко почувствовал, как будто меня душат, мое сознание начало отпускать тело.

Я все еще видел все, но не имел никакого контроля над телом.

– Я приду к тебе сегодня ночью, поищем тот Кадуцей⁴, который освободит тебя от оков Кукловода, – прозвучало из моих уст, но это был не я. Первый раз в своей жизни я ощутил такое бессилие. Я не мог сделать буквально ничего, отчаяние одолело меня, чувство собственного ничтожества заполонило мой разум.

– Хорошо, – ответила Змея, и мое тело встало и направилось в сторону моей комнаты. Внезапно я почувствовал невыносимую усталость, в глазах начало темнеть, и картин-

---

⁴ В греческой мифологии кадуцей – посох, который Аполлон подарил Гермесу. Здесь и далее имеется в виду эфемерный ключ.

ка пропала. Пришел в себя я на следующий день, но смутно помнил все, даже сам переход сознания в состояние наблюдателя ставил под вопрос, но меня поразила новость, с которой ко мне влетел Амикус:

– Быстрее в допросную! Змея убита!

Кадуцей

*«Но лишь отыскав Кадуцей,
Я смог понять тех чертей,
Что терзали меня, днём и ночью желая
Низвергнуть в пучину отчаяния
Этих мерзких существ,
Что посмели назваться людьми.
Кадуцей пропитал мой слог болью,
Отчаянием – взгляд и мысли – скорбью.
Этот ключ к вечной жизни
Пропитан ложью Аполлона,
Пропитан завистью Гермеса,
Они все ввали о его предназначении,
Грезив созданием символа грехопадения.
Символа раздора и разврата,
Боли и потерь.
Так в нездоровой пляске гордости и тупости богов
Родился Кадуцей»*

Этот стих прожигал мое сознание. Я чувствовал, как хожу по грани разума и безумия. Моя вторая личность переворачивает с ног на голову смысл Кадуцея. Он так развлекается? В чем его цель? Я задавал себе много вопросов и пытался отделаться от этого поганого стишка, но сознание никак не

замолкало, казалось, что у меня в голове целая сотня голо-сов, и все они в унисон твердят этот чертов стих. Раздраже-ние сменялось ненавистью, ненависть – страхом. Я начал бо-яться сам себя, и теперь уже точно.

Эти чертовы коридоры до допросной теперь казались мне бесконечными, я уже начал надеяться, что не дойду до еще одного трупа, но тут Амикус остановился. Дверь открылась, и я увидел ужасную картину. Девушка сидела на полу, при-слонившись спиной к стене, у нее был вспорот живот, изо рта стекала кровь, глаза были выколоты, а челюсть сломана. Руки были переломаны в локтях и прибиты к стене. К метал-лической стене. Что за нечеловеческая сила была в убийце? Какой силой владеет он?

Вся картина чем-то походила на распятие, однако одна де-таль привлекла мое внимание больше, чем изуродованный труп девушки. На стене красовалась кровавая надпись: *«Она нашла свой Кадуцей. Кто же найдет ключ раздора следую-щим?»*

Меня бросило в холод, и я чуть не потерял сознание. Вдруг я услышал голос Змеи, сломанная челюсть трупа на-чала двигаться и произносить слова:

– Родился Кадуцей... Родился Кадуцей... Родился Каду-цей... – с каждым разом она произносила это все громче и громче, и каждый раз я чувствовал все большую боль в гру-ди, казалось, что мои органы один за другим пропадают из тела, казалось, что сотни ножей каждое мгновение вонзают-

ся в мое тело. Стоящий рядом Амикус стал поворачиваться, и я увидел, как его глаза начинают вытекать из глазниц. Из ушей, ноздрей и рта полезли разные насекомые: жуки, тараканы, сороконожки, сколопендры – все это в огромных количествах вылезало из тела мужчины. Тысячи насекомых стали, словно вода, заполнять комнату. По началу, несмотря на боль, я пытался от них отбиваться, но вскоре их стало так много, что они повалили меня на пол, и я почувствовал, как они начинают выедать мои глаза, залазят мне в рот, нос, уши. Я чувствовал, как они поедают мои внутренности, как они разъедают мой мозг. Паника охватила мое сознание. Я был уверен, что умер.

Очнулся я в той же комнате с трупом, я сидел на полу, облокотившись спиной на стену, с меня рекой лил пот, а рядом со мной на корточках сидели Амикус и Марго. Я бросил быстрый взгляд на Амикуса, потом на Марго, а после на труп. Рвота начала подступать к горлу, но мне, не без усилий, удалось сдержать ее.

– Живой? Что случилось? Приступ? – начала спрашивать Марго.

– Д-да, это пока что был самый ужасный, – ответил я дрожащим голосом.

Мне помогли подняться и отвели в комнату. Когда я наконец-то остался один, то просто лег на кровать и закрыл лицо руками. Мне было одновременно страшно от того, что происходит с моим сознанием, и противно от собственной

слабости. Появилось доселе незнакомое мне чувство – стало казаться, что мое тело уже не полностью принадлежит мне. Это буквально самое ужасное чувство, которое только можно испытать – когда ты не ощущаешь спокойствия даже в собственном теле, то тут уже недалеко и до петли.

Мысли сжирали меня. Я не мог понять, когда все пошло не так и как все исправить, у меня не было ни малейшего понятия, имею ли я все еще право называться человеком или теперь я просто животное. Сердце начало биться чаще, а дышать стало намного тяжелее.

«Какие мы нежные. Господи, как ты мне противен, ничтож...»

– ЗАКРОЙ СВОЙ ПОГАННЫЙ РОТ! – закричал я неожиданно даже для самого себя и сразу же зажал рот руками. К моему счастью, звукоизоляция здесь достаточная и никто мой возглас не услышал, вероятно, по этой же причине никто не услышал, как кричала Змея.

«Что же будет с тобой, когда ты зайдешь в галерею», – произнес с некой насмешкой *голос*. Я дрожащими руками потянулся к лежащему в кармане телефону и зашел в галерею. Там была видеозапись длинной в чуть больше, чем двадцать минут.

Я начал смотреть. Мне казалось, что мое сердце не начало биться быстрее, а просто остановилось, дыхание перехватывало каждое мгновение, я весь дрожал, страх полностью окутал мое сознание. Из глаз начали литься слезы, во рту пе-

ресохло. Я знал, что должен был, но просто не мог оторвать взгляд.

На видео я – Давид Менс – собственноручно убиваю Рененут, выдавливаю ей глаза, вспарываю живот, ломаю кости, вбиваю в ее руки гвозди, пишу ее кровью послание, но самое ужасное – я все это время улыбаюсь, иногда даже смеюсь. Когда запись закончилась, то у меня уже не осталось никаких сил и я просто отложил телефон и заплакал. Первой моей мыслью было что же обо мне подумает Сабрина, когда узнает обо всем, а второй, что я убью себя.

«Не убьешь, я тебе не позволю, это как-никак и мое тело тоже, так что впитай и смирись, ничтожество»

Я встал и взял пару таблеток, которые мне прописала Марго. Я проглотил их так, без воды, все равно никакой разницы. Голос разразился смехом. *«Действительно думаешь, что тебе это поможет? Какой наивный».*

– Закройся, пожалуйста.

«Я оставлю тебя, когда найду свой Кадуцей».

Отчаяние и подготовка

Мне стало невыносимо жить. Я ненавидел себя и все, что со мной связано, винил себя во всех бедах людей, с которыми был знаком, я старался принизить себя так, чтобы суметь оправдать ту жестокость, с которой я убил Змею. Я не могу сказать, что меня не обрадовала ее смерть, однако она точно не заслужила такого. Та ненависть, что сидит внутри этого *голоса*, откуда она? Ведь он знает не более моего, так почему мой опыт так на него повлиял? Почему он настолько жестокий?

Несмотря на то, что я задавался вопросами, и даже надеялся получить на них ответ, *он* молчал, и это только сильнее раздражало. Судя по всему, ему потребовалось много сил, чтобы исполнить эту выходку, а это значит, что хоть какое-то время я смогу пожить спокойно. Боже, как бы я хотел вернуться в объятия Сабрины.

Весь оставшийся день и всю ночь я провел в одиночестве, ко мне никто не заходил, я даже подумал, что они все узнали и просто ждут подходящего момента, чтобы арестовать меня, однако, к счастью, я ошибся. Двадцать восьмой час моего бодрствования был ознаменован приходом Амикуса.

– Ты хоть спал? Выглядишь уж... – начал было он. Я закрыл глаза и тут же перебил его:

– Нет. Не спалось, зачем зашел?

– Жаль, потому как силы тебе понадобятся, ближайшие пять дней у тебя будет экспресс-обучение обращению с огнестрельным оружием, небольшой курс самообороны и подготовка к встрече с Китобоем. Через неделю ты отправишься к нему и попробуешь что-нибудь узнать о готовящемся собрании. Мы также изготовим тебе маску, чтобы избежать нежелательных встреч, есть какие-то предпочтения?

– Понял, да, – я дал Амикусу распечатанную фотографию, где была белая маска, на которой вокруг отверстий для глаз были черные круги, от них симметрично в противоположные стороны шли сужающиеся и закручивающиеся линии.

– Интересно, у нее есть какое-то значение?

– Это означает «отчаяние».

– Ладно, в общем, чтобы через час был готов, я пойду.

Я лишь кивнул. Еще где-то с минут десять я просидел неподвижно, просто залипая в одну точку. Было очень тяжело переступить через себя и наконец встать. Когда же у меня уже наконец получилось подняться, я направился сначала в туалет, а после пошел в столовую, потому как голод все-таки одолел меня. Не сказать, что еда, которую там подавали была деликатесом, однако хоть что-то. Я заметил, что за последние несколько дней здесь порядком прибавилось людей: теперь в столовой находилось порядка полутора человека.

Постепенно мне становился понятен масштаб той ситуации, в которой оказался мой родной город: его буквально отрезали от остальной страны, теперь при совершении поступ-

ков руководствовались не моралью и буквой закона, а только личными интересами и жадной продвинуться по рейтингу организации. По моему телу пробежала дрожь, и пускай я не мог принять самого себя, но решил, что все-таки жизнь горожан стоит выше моих эмоций. Это, пожалуй, самое мое альтруистичное решение за жизнь.

Где-то полчаса я провел, тыкая вилкой в бедные макароны, лежащие у меня на тарелке. Сознание полностью покинуло меня и полетело познавать тщетность бытия и скоротечность времени, однако хлопок по спине вернул меня в чувства.

– Смотрю, аппетита у тебя вообще нет, – послышался мне знакомый и даже уже несколько родной голос Марго. Я повернул голову в ее сторону, и меня одали лучезарной улыбкой, которая хотя бы на мгновение смогла облегчить ту ношу, которую я себе сам придумал. Я постарался улыбнуться в ответ, но, кажется, что получилось у меня не так хорошо, как я планировал. Девушка села рядом со мной и обняла меня.

– Слушай, я знаю, что тебе тяжело, и знаю, что ты, скорее всего, винишь себя во всех тех смертях, которые сопровождают тебя, но, пожалуйста, не сдавайся, я верю, что ты справишься. Ты нам очень нужен.

Возможно, она предполагала, что эти слова должны мне помочь продолжить бороться, что благодаря ее поддержки мне станет легче, однако она ошиблась. Ее словами отдались

ножевым ранением на моем сердце, а мое лицо исказила гримаса отвращения. Вся столовая начала казаться мне полна гнилых людей, я начал видеть, как из них всех льется ненависть, я почувствовал, как Марго втыкает мне нож под ребро. Я готов был поклясться, что видел, как у этого милого, на первый взгляд, создания вырастают дьявольские рога и хвост. Она подняла на меня взгляд, и я увидел, как ее глаза залились кровью, а зрачки стали прямоугольными.

– Убери свои лапы, ведьма, – мне показалось, что мой голос звучит несколько иначе, вернее это был уже не просто мой голос. До моих ушей доходили вибрации не одного, а десятков голосов, произносящих мои слова в унисон, я ощущал, как чувство презрения к этой девушке переполняет меня, мне стало невыносимо тошно находиться рядом с ней, а в сознании зависла одна мысль: «УБЕЙ ЕЕ, УБЕЙ ЕЕ, УБЕЙ ЕЕ». Я слышал, как доселе ненавистный мною *голос* ласкал мой мозг предложением, от которого я просто не мог отказаться, однако благодаря усилию воли, порыв к свершению публичной казни был подавлен.

Мне Марго все еще виделась в образе дьявола, однако на самом деле, на ее глазах начали наворачиваться слезы, но меня это никак не трогало. В последнее время я уже утратил понимание своих эмоций и, в целом, потерял связь с организмом. Меня уже мало волновали другие люди, и, хотя я понимал, что мне не стоит от них отдаляться, сейчас я не мог ничего с собой поделать. Мне топила привычка вывозить все

в одного.

Поднявшись из-за стола, я направился в комнату, где должна была начаться моя физическая подготовка. Пока я шел по коридорам, которые словно линии метро петляли из стороны в сторону, мне стало предельно ясно, что никому я не нужен здесь, все лишь хотят моими руками устранить всех adeptов «Звезды», сделать на них облаву и превратить меня в козла отпущения. Ярость заполнила мою грудь, она мешала дышать, мешала сердцу перекачивать кровь, напряжение в мышцах росло, и я чувствовал, что первый же встреченный мною человек отправится к праотцам.

Еще один поворот, и вот он – долгожданный мальчик для битья. Довольно высокий парень оборачивается, бросает недокуренную сигарету на пол, наступает на нее и поднимает на меня взгляд. Мои ноги затряслись, к горлу подступил ком, а сердце начало в бешеном темпе гонять кровь, чтобы мозг все-таки смог отличить реальность от больного воображения. Мои глаза начали слезиться, я отчаянно пытался поверить в то, что это лишь ошибка моего сознания, но где-то в глубине все-таки теплилась надежда, что это происходит наяву. Я упал на колени.

– Скажи же, это все взаправду? – спросил я сквозь слезы, стараясь поднять взгляд.

– Конечно, нет. Давид, как бы я не хотел быть рядом, но сейчас я всего лишь иллюзия твоего сознания, прости, – произнес Артем и поднес руку к моей голове. Я закрыл глаза,

стараясь сделать эту иллюзию максимально реалистичной, и у меня получилось. Я почувствовал, как он потрепал мои волосы, но когда открыл глаза, то уже находился в коридоре один.

Поднялся я, наверное, еще спустя только минут пять. Мои руки дрожали, а в горле было сухо, до меня все-таки дошла усталость, что накопилась за бессонную ночь, а желудок начал громко давать о себе знать, ведь я так и не притронулся к еде, более того мне стало ужасно стыдно за то, что я сказал Марго. Судя по всему, мое сознание начало приходить в норму, и моя светлая сторона решила использовать образ лучшего друга, чтобы как-то вернуть мне человеческие чувства. Добрел к Амикусу я с трудом, но, к моему счастью, мне не пришлось ничего говорить.

– Вижу, что тебе тяжело. Здесь есть еда, перекуси и ложись здесь же спать. Умбра настоял, чтобы мы просто обучили тебя обращению с огнестрелом, все равно тебе нужно лишь разузнать о встрече членов секты, а дальше мы все сделаем сами, поэтому тебе осталось лишь встретиться Кито-боем и разговорить его, – сказал он и улыбнулся, на моих глазах опять начали наворачиваться слезы. Только сейчас я смог осознать, насколько дорог стал мне этот человек, мне начало казаться, что он стал мне отцом, которого так не хватало.

– Спасибо, – ответил я, утерев слезы, и быстро перекусив, лег спать. Заснул я в то же мгновение, когда моя голова кос-

нулась подушки. К счастью, мне не снилось абсолютно ничего, я просто отдыхал, впервые за долгое время, как мне показалось. Проснулся я ближе к полудню, проспав, в итоге, чуть меньше двадцати часов. Подъем был тяжелым, но это напомнило мне мои университетские будни, стало немного тоскливо, но где-то внутри теплилась надежда, что, когда все кончится, я все-таки смогу вернуться в университет и продолжить обучение.

Рядом с кроватью, на столе, лежала записка.

«Как только проснешься, иди в столовую и поешь, потом иди в тир».

Так я и поступил. Поднявшись, направился по этим уже несколько ненавистным коридорам в столовую. Стены пустые, и глазу не за что зацепиться, однако я упорно стараюсь сохранить разум в теле и не дать ему улететь куда-то далеко за пределы Земли. Мысли в голове сменяются одна за одной, но ничего не застывает более чем на миг, что, конечно же, меня радует. Этот поток размышлений дарит какое-то неопишваемое спокойствие, которого я уже давно не испытывал. Кажется, это называется безмятежность. Так приятно.

Придя в столовую, я беру еду и направляюсь в сторону стола, где сидел вчера, а в голове сразу всплывают картины вчерашнего дня.

– Надо будет зайти к Марго извиниться, – говорю я себе под нос и меняю направление к другому столу. На удивление, несмотря на воспоминания о вчерашнем дне, я достаточно

ровно дышу и ничего меня не тревожит. Где-то далеко боль отдается эхом, но оно такое тихое, что можно закрыть на него глаза.

Еда показалась мне несколько постной, но вполне съедобной. Наконец расправившись с блюдом, я отправился в тир. Чем ближе он становился, тем отчетливее слышались выстрелы, видимо, даже несмотря на великолепную звукоизоляцию, кое-что все-таки слышно даже сквозь закрытую дверь. Когда я вошел в тир, то увидел там Амикуса, сидящего где-то в углу в наушниках, занимающегося своими делами, и Марго, стреляющую из «Глока-семнадцать».

Помещение было не особо большим. С правой стороны от входа было несколько стендов с самыми разными видами оружия, а слева было пять или шесть деревянных ящиков с неизвестным содержимым. Где-то в двух метрах от входа была длинная стойка, рядом с которой и стояла Марго. Сами же мишени находились у дальней стены, где-то в метрах семи-восьми от стойки.

Рядом со входом также висели наушники, они-то и помогли мне спасти голову от неизбежной боли из-за громкости выстрелов. Надев их, я облокотился на стену, рядом со входом и стал наблюдать за Марго. Девушка стреляла много, но только из пистолета, ее лицо искажала гримаса ненависти, однако на уголках глаз собирались слезы. С каждым выстрелом она как будто становилась только злее. Выстрелы становились все громче и громче, мне даже показалось, что

они начали отдаваться эхом где-то на подкорке моего мозга. Вскоре патроны кончились, и Марго отложила пистолет, выдохнув.

– Как меня это все за... – прервалась она, когда увидела меня. В воздухе повисло неловкое молчание, а Амикус упорно делал вид, что его тут вообще нет.

– Я хотел извиниться...

– Ага, да-да, мне очень не наплевать, – произнесла она и вышла из тира, кинув наушники на стул в углу комнаты. Я дернулся, чтобы пойти за ней, однако тут же передумал.

– Дай ей время успокоиться, – произнес Амикус и поднялся со стула. Подойдя ко мне, он вручил мне револьвер Артема, и по моему телу пробежала дрожь.

– Думаю, лучше, чтобы он хранился у тебя.

– Д-да, наверное.

– Ну что, приступим к твоей подготовке? – подытожил он, а я лишь кивнул, все мое внимание было приковано к револьверу, мне показалось, что я вернулся в тот самый день, в седьмое февраля.

Охота

Следующие пять дней проходили полностью одинаково. Полдня я проводил в тире, полдня мы обсуждали план, а я все считал дни, когда наконец вернусь к привычной жизни, когда наконец смогу вновь поцеловать Сабрину. Благодаря связям Умбры мы смогли договориться с Китобоем о встрече в его доме в области города. Амикус решил, что существует не такое большое количество вариантов развития событий: либо мы сможем с ним договориться, либо я там же с ним и расправлюсь. К моему удивлению, мораторий на совершение мной убийств был снят до конца операции, меня это, правда, никак не обрадовало, однако я почувствовал, что *голос* посмеялся, получив эту новость.

Собственно, сами встречи с *голосом* стали происходить куда реже, не могу понять это из-за того, что я начал пить таблетки, или из-за того, что он просто устал, но в любом случае это не может не радовать, хоть на какое-то время у меня появилось что-то наподобие спокойствия. Хотя оставалось одно дело, которое глодало мою совесть: я все еще не извинился перед Марго.

– Кажется, сейчас – самое время это сделать, завтра-то я еду на переговоры, – рассуждал я сам с собой в комнате.

Медленно поднявшись, я отправился просить прощения во второй раз. Не сказать, что я питал большие надежды, так

как на протяжении всей подготовки Марго смотрела на меня так, словно я пустое место, хотя временами я замечал между тоннами ненависти грусть во взгляде. Тем не менее сейчас это не имело значения, я должен попробовать извиниться во второй раз и коли меня отвергнут, то так тому и быть.

Я постучался в комнату девушки.

– Открыто, – послышался нежный голос. По мне пробежали мурашки. Эта нежность пробралась куда-то слишком глубоко и задела слишком большое количество триггеров. В моем сознании появилась Сабрина, и мне стало не по себе. Я снова задумался, какого ей сейчас, что между нами и что я на самом деле чувствую. Я понял, что действительно хочу быть с ней и что люблю ее, да вот только мне было страшно брать на себя ответственность за это и за все те поступки, что я уже успел натворить, мне хотелось исчезнуть, хотелось избавиться от бремени быть любимым. То, чего я так долго жаждал, стало моим проклятием. Какая ирония.

Я сделал несколько глубоких вдохов и выдохов в надежде, что смогу успокоить свое разбушевавшийся разум. Вместе с кислородом в кровь поступала небольшая доза покоя, а с углекислым газом выходил страх и неуверенность. Я решил, что должен переступить через себя и при первой возможности, наконец, поговорить с Сабриной.

Войдя к Марго, я застал ее переодевающейся. На моем лице появился легкий румянец, чего, правда, нельзя было сказать про девушку, ее лицо выражало только безразличие.

Она стояла спиной к двери напротив зеркала в одном только нижнем белье, если точнее, она застегивала свой бюстгалтер, что у нее явно не очень получалось, а вокруг таза было обвито полотенце, так что моему взгляду было не за что зацепиться, правда, на пару секунд я все-таки впал в ступор и просто смотрел на девушку.

– Долго пялиться собираешься? Помоги лучше, – произнесла она, а лишь и смог, что кивнуть и без лишних слов помочь девушке, застегнув ее лифчик.

– Спасибо, а теперь, зачем ты пришел?

– Извиниться, в прошлый раз-то не получилось, поэтому решил попробовать еще разок.

Девушка усмехнулась, а потом впервые за несколько дней искренне улыбнулась. По крайней мере, мне так показалось.

– Ты прощен.

– Так просто?

– Я смирилась с тем, что мне разбили сердце, ну и к тому же я не могу обижаться на тебя, ты слишком хорошенький, – она скользнула рукой по моей щеке к затылку и, притянув меня к себе, поцеловала. Сопротивление я не оказывал, хотя должен был. Когда ее губы коснулись моих, тепло разлилось по телу, я почувствовал, как ноги становятся ватными, а сознание мутнеет, как будто на ее губах был афродизиак⁵. Я старался держать себя в руках, но это было очень сложно.

---

⁵ Афродизиак – вещества, стимулирующие или усиливающие половое влечение

– Афродизиак? – спросил я, наконец оторвавшись от поцелуя.

– Тц, ты быстро догадался, – она усмехнулась. – Ну, что? Подействовал?

– Нет, – произнес я, подавляя все видимые признаки бесконечного желания изучить все плоскости и углы вместе с ней. В глазах девушки проступила небольшая грусть, но я не обратил внимания на это. Я направился в свою комнату, завтра мне предстоял долгий день и нужно было отоспаться.

К моему счастью, на меня применили не самый сильный препарат и мое либидо успокоилось где-то в течение полчаса после поцелуя. Однако, даже учитывая это, сладкий сон ждал меня только в мечтах. Разум никак не мог успокоиться и был в предвкушении завтрашнего дня. Чтобы не быть съеденным своими же мыслями, мною было принято решение устроить себе перекур и насладиться прохладой весенней ночи. Взяв пачку «Харвеста» и накинув на себя куртку, я отправился на улицу.

Внешний мир одарил меня приятной прохладой, по которой я успел так сильно соскучиться, пока все это время готовился к визиту к еще одному адепту. Тяжелый вздох, пар, поднимающийся в небо, сигарета, щелчок зажигалки, тяга и дым. С каждой секундой, проведенной на улице, усталость все больше одолевала меня, но холод держал меня в сознании.

Луна освещала безжизненное поле, посреди которого я

находился. Дрожь прошла по телу. Еще затыжка. Вокруг так пустынно, что аж непривычно, после города, который был мне родным, так тяжело находиться в тишине. В сознании снова появился образ Сабрины. Еще затыжка. Слеза потекла по щеке. Я постепенно начинал себя корить за все, что успел совершить за это столь непродолжительное время. Может, она и не любит меня уже? Я бы не любил. Да собственно и не люблю.

Где-то пролетели птицы. Руки так замерзли, что я их уже не чувствую, видимо, пора уходить. Но здесь так хорошо. Еще тяга. Ладно, со всем разберусь... Надеюсь. Сейчас самое важное – разобраться с Китобоем. Докурил. Бросил бычок. Пошел спать, к черту это все.

Проснулся. Какая жалость. Я встал и направился на выход из комнаты. Открываю дверь и... у меня гарпун в сердце. Харкаю кровью и падаю на колени. Неприятное ощущение жжения в груди. Поднимаю взгляд, передо мной человек без лица. Вернее, лицо у него закрыто белой маской с черными полосами. Сознание покидает мое истощенное тело. Кажется, я...

Проснулся. Повезло, все-таки просто сон. Встаю, переодеваюсь и направляюсь к выходу. От греха подальше решаю отойти от двери и открыть ее после. Ничего. Прохожу через дверной проем. Выстрел и я чувствую, как пуля врезается мне в мозг и проходит насквозь черепную коробку. Тело упало замертво.

Проснулся. Черт, что это было? Ладно, кажется, теперь все по-настоящему. Встаю, переодеваюсь, заправляю кровать, но решаю не выходить из комнаты. Течение времени не ощущается от слова совсем, стоит гробовая тишина. Я прислушиваюсь.

– *Выйди из комнаты, соверши ошибку*, – слышится мне монотонный голос за дверью, у меня перехватывает дыхание и единственное, что получается сказать:

– На улице, чай, не Франция.

Удушье отступает, и я слышу удаляющиеся шаги. Сердце бешено колотится. Еще минут десять, а может и пару часов, я просто прихожу в себя. Вроде бы ничего такого, но на меня накатила животный страх. Дышать тяжело, не могу сосредоточиться. Резкая боль в груди. Сердечный приступ.

Проснулся.

В мою комнату заходит Амикус и, улыбаясь, говорит:

– Когда ты уже из комнаты выйдешь? – доносится до моих ушей. А после я слышу уже голос своего убийцы из сна:

– *Когда ты уже совершишь ошибку?*

Я вижу, что Амикус говорит совсем другое, но не могу сфокусироваться, бросает в дрожь.

– ..... В общем, тебе тут письмо, кажется, от Китобоя, – он протягивает мне конверт, и я дрожащими руками беру его. Конверт выглядел старым и дорогим, а посередине красовался красный сургуч с изображением кита, проткнутого гарпуном.

Проходит пару мгновений, и я осознаю, что один из адептов секты каким-то образом смог передать письмо на секретную базу без каких-либо проблем. В горле пересыхает.

– Мне стоит интересоваться, как он смог отправить письмо сюда?

– Не-а, это бессмысленно, мы и сами не знаем, как он на нас нашел.

Я вздохнул, вскрыл конверт и принялся читать:

«Дорогой Давид,

Прошу прощения, за, возможно, не самое подходящее время для этого письма, однако в преддверии нашей скорой встречи обязан сообщить тебе некоторую информацию, но сначала отвечу на вопрос, который, должно быть, возник у тебя.

Найти вас не составило мне труда, ведь за тобой я слежу еще с момента смерти Анастаса, которого я, правда, не очень любил, однако он все еще был одним из адептов «Семиконечной Звезды», потому для предостережения себя от твоего визита вынужден был приставить к тебе человека, за что в настоящий момент прошу прощения, ведь не гоже честному гражданину нарушать право человека на личную жизнь, надеюсь на твое понимание.

Так или иначе пишу я для того, чтобы попросить тебя на сегодняшней встрече быть спокойным. Я осведомлен, что у тебя присутствуют некоторые проблемы с душевным здо-

ровьем, потому заранее уведомляю, что наша встреча будет проходить в дружеской обстановке, ведь я уже некоторое время подумывал пойти на переговоры с тобой, однако подходящего момента не представлялось. В общем, надеюсь, что мы придем сегодня к решению, которое устроит каждого из нас. Жду тебя у себя!

Смиранный Китобой».

Сказать, что я был поражен – это ничего не сказать. Мало того, что этот человек вот уже пару месяцев следит за мной, так он еще и, кажется, согласен на переговоры, в чем, правда, еще предстоит убедиться.

– Аккуратный почерк, да и Китобой, кажется, вполне образованный человек. Надеюсь, переговоры пройдут успешно, – резюмировал я.

– Не забывай, что каждый из адептов должен получить по заслугам, потому, если получится, узнай кто этот человек, нам нужно будет взять его.

– Хорошо, кстати, я же могу потом вернуться в общагу? Мне очень надо кое-кого увидеть.

– Да, как узнаешь, когда будет встреча – ты свободен.

Где-то до полудня я был предоставлен сам себе, однако ничего конкретного я не делал, лишь слонялся по базе, да обдумывал, что сделаю, когда закончу с этой миссией, но мысли мыслями, а время выполнять задание подходит. Мы поднимаемся с Амикусом на поверхность, я достаю сигарету, и мы, перекурив, садимся в машину и едем еще дальше от го-

рода, в лес.

Меня несколько удивило, что человек, взявший себе прозвище «Китобой», живет в лесу, однако, как вполне справедливо заметил Амикус, в этой части страны нигде нет ни моря, ни китов, разве что в океанариуме. Особняк был большой, трехэтажный, построенный из бревен. Выглядел он внушительно и очень дорого, входная дверь была украшена резьбой и на вид была невероятно тяжелой. Я позвонил в старинный звонок, что висел рядом, и практически в то же мгновение раздался приятный уху мужской голос, как будто из какой-то рекламы.

– Приветствую, Давид. Господин Амикус, Вас прошу остаться на крыльце и подождать возвращения моего друга. Не сочтите за грубость, просто это приватная беседа.

Амикус кивнул, и послышался щелчок где-то в районе замочной скважины. Я потянул дверь, и она, на удивление, с легкостью поддалась. Войдя, я лицезрел достаточно гротескную картину. Изнутри особняк казался куда больше, чем снаружи. Я стоял в длинном коридоре, на стенах которого то тут, то там висели головы китов, нарвалов, кашалотов и прочих морских существ. На самих стенах красовалась та же резьба, что была и на двери, только теперь она словно складывалась в картинку с сюжетом. Мне виделись моряки, которые сквозь шторм пробираются на своем корабле. Свет начал мигать, а мое сознание словно начало пульсировать.

– Только не сейчас... – прошипел я, но, кажется, это не

помогло.

«Сейчас», – раздалось у меня в голове.

Неожиданно их всех окон, щелей меж досок, из-под дверей полилась вода, которая стала быстро заполнять особняк. Не прошло и минуты, как уровень воды достиг моей груди, свет погас, а я увидел, как что-то и кто-то промелькнул в этой пучине. Уровень воды уже достиг моей шеи, а ее температура начинала падать. Было тяжело держаться на плаву, и вскоре, когда вода достигла потолка, я совершил последний вдох.

При каждом движении конечности я чувствовал, что еще чуть-чуть и судороги пронзят каждую мышцу моего тела. Где-то рядом промелькнул нарвал. Воздух постепенно начал заканчиваться. Пузырек воздуха поднимался из моего рта. Еще один. И еще. И еще. В глазах темнеет, тело опускается на пол. Чувствую, как вода заливается в мои легкие. С трудом получается сфокусироваться на том, что вижу. На расстоянии вытянутой руки вода уже превратилась в лед. Еще мгновение – и вода в моих легких также обратилась в свое твердое состояние, а мою грудную клетку разорвало.

Боль в груди пронзила меня. Я открыл глаза. Живой. Я лежал на полу, примерно в том же месте, где и в приступе. Подняться сразу не получилось. Ноги и руки меня не слушались, а боль в груди при каждом движении не облегчала мне задачу.

– Ненавижу эти приступы, всегда такие реалистичные, –

пробубнил я сам себе и, опершись о стену, побрел дальше по коридору. Примерно к концу пути я все-таки смог выпрямиться. Заглянув за угол, я увидел Китобоя, сидящего на кресле в слабо освещенной комнате.

– Рад встретиться лично, Давид

– Взаимно, не возражаешь, если мы пропустим формальную часть и перейдем сразу к делу? – спросил я, а после, сев на кресло напротив хозяина сих апартаментов, окинул его взглядом. Это был мужчина, примерно моего роста, на нем была маска рыбы-удильщика, которая выглядела достаточно жутко, и с виду дорогой черный костюм, словом, парень кроме маски и своей манеры общения ничем не запоминается.

– Давид, у меня к тебе есть предложение, от которого, я надеюсь, ты не откажешься. Я собираюсь уйти из «Семико-нечной Звезды», потому как настоящий вектор развития сей организации не совпадает с моими принципами, потому я считаю своим гражданским долгом уничтожить ее до основания, хотя вынужден признать, что у меня есть и личные счеты с господином Кукловодом. Тем не менее я понимаю, что сам очень помог развитию этой, простите, секты, потому вынужден признать, что мне тоже нужно понести наказание, однако был бы признателен, если бы Вы или, может, г-н Амикус предприняли какие-то действия, дабы сократить срок моего заключения до минимального, это представляется возможным?

– Вполне.

– С Вами приятно иметь дело, Давид, а теперь, что Вы хотите узнать?

– Мне нужна вся информация про Гарроту, Кукловода и ближайшее мероприятие, где будут все члены секты, – я не видел, но почувствовал, как он улыбается, атмосфера вокруг моментально изменилась и стала несколько давящей и пугающей. Выдержав небольшую паузу, он продолжил:

– Хорошо, начнем с Гарроты. Она – правая рука Кукловода, но это ты, наверное, знаешь. Зовут ее так именно из-за того, что в основном она душит своих жертв. Может подкрасться со спины так, что ты даже не заподозришь что-то неладное. Гаррота держит всю информацию о себе в секрете, обычно носит маску, на которой изображена роза. Про нее известно очень мало, как и про Кукловода. Он никогда не убивает сам, ходит всегда в белом костюме, а на маске у него изображены масти карт. А теперь самое интересное. То мероприятие – бал-маскарад, пройдет в конце этой недели.

– Отлично, значит к концу недели мы уже разберемся со всем.

– Подожди, чтобы попасть на бал-маскарад нужно приглашение, которое, к твоему счастью, у меня есть. Мы похожи телосложением, поэтому в маске тебя не узнают, однако за просто так ты его не получишь.

– Мы же договорились...

– Мы договорились, что я тебе расскажу про верхушку секты и маскарад, не более. Получишь приглашение и еще

парочку полезных вещей, если выполнишь следующие условия: пообещаешь мне, что пойдешь на бал-маскарад, скажешь Амикусу другую дату и усыпишь всех, кто придет туда.

– Как я всех усыплю?!

– Я выдам тебе устройства, которые выпускают усыпляющий газ. Их нужно будет установить в как можно большем количестве комнат, но при этом так, чтобы их не было видно. Надо будет поставить таймер и потом просто набрать Амикусу, чтобы он приехал и арестовал всех, кто там будет. С Кукловодом и Гарротой делай, что хочешь.

– Договорились.

Мы пожали руки, и Китобой сказал, что доставит все необходимое куда мне будет нужно, я же решил, что будет лучше принять посылку в общежитии и в этот же момент вспомнил, что наконец смогу вернуться в город. Это было несказанным облегчением для меня. Китобой передал мне приглашение. Бал запланирован на восемь вечера в это воскресенье. Я вышел из особняка.

– Ну, что? – спросил Амикус. Я рассказал ему, что Китобой согласен сотрудничать и что нам нужно лишь сократить ему срок. Рассказал то, что узнал про Гарроту и Кукловода.

– ... А бал-маскарад пройдет в восемь вечера в этот понедельник.

– Принял, ну все, теперь ты свободен, давай я подброшу тебя в общежитие, если что всем говори, что ты помогал в поимке своего похитителя и был в больнице, это объяснит

инсценировку смерти.

– Хорошо.

Сердце начало колотиться быстрее. Я был весь в предвкушении, скоро я вновь увижусь с Сабриной.

Вдох

До общежития мы добрались только ближе к вечеру. Заходя в здание, я немного волновался, но, на мое удивление, расспросов со стороны вахтерши не последовало, а благодаря Амикусу и другим моим друзьям комната все еще была записана на мое имя. Я проходил по до боли знакомым коридорам, освещенным вечерним солнцем, и меня начали пробирать воспоминания, пускай учеба была не очень интересная, но свою спокойную жизнь теперь я начал ценить куда больше прежнего.

Прибывая в порыве воспоминаний, я открыл дверь в комнату, и передо мной оказался все тот же бардак, который я оставил, когда пошел утром в магазин.

– Да-а-а, долго же я за продуктами ходил, – произнес я с улыбкой и закрыл за собой дверь.

Но чем дальше я заходил в комнату, тем большее мне становилось. Сначала я увидел не застеленную кровать, в которой тогда спала Сабрина, потом увидел свою открытую зажигалку, взяв ее, я понял, что там не осталось ни капли топлива. Рядом с пустой зажигалкой лежала полупустая пачка сигарет. Чуть дальше я увидел десятки исписанных страниц, где, правда, сложно было выцепить хоть какие-то крупинки информации. Единственное, что я понял – Сабрина очень сильно страдала. Мне начало казаться, словно вся моя квар-

тира пропитана чувствами боли и скорби. У меня начали наворачиваться слезы. Я старался хватать ртом воздух, чтобы сдержать подступающие эмоции.

Наконец, подавив лавину чувств, я вытер слезы и направился искать Сабрину. Вот тут и начались те самые встречи и расспросы. «Давид? Стоп, ты же умер? Откуда ты здесь? Что произошло? Правда?» – все это я услышал за вечер не меньше пары сотен раз, по крайней мере мне так показалось. Первые раза три я даже честно на все отвечал, но с каждым новым вопросом мои ответы становились все короче и шаблоннее, а в один момент я просто начал отмахиваться, желая поскорее увидеться с самым дорогим для меня человеком.

По приходе в корпус Сабрины, я ее там, однако, не застал, зато встретил ее соседку, которая много чего мне поведала после того, как я объяснил, что со мной стало.

– Сабрина сказала, что поехала на твою могилу, она стала ездить туда каждый день, так и большую часть времени теперь проводит у тебя в комнате. Сначала вахтерша отказывалась выдавать ей ключ, однако вскоре сдалась. Сабрина каждый день тебя вспоминает и уже практически забила на учебу. Иногда она не ходит на пары, а просто уходит в твой корпус общаги и запирается у тебя, так что, если ты сможешь ее образумить, я буду крайне признательна.

Я был так поражен, что даже не нашел, что ответить и лишь сорвался в сторону своей могилы.

Не очень хотелось вновь так скоро выезжать за черту го-

рода, однако я не мог больше ждать. Сердце начинало колотиться все быстрее от одной мысли о скорой встрече с Сабриной. Мы прошли через многое, и вскоре все, что мешает нам, должно закончиться: в воскресенье я разберусь с Куководом, Гарротой и вообще со всей сектой, и тогда мы будем наслаждаться каждым мгновением жизни, несмотря на бренность этого мира. Мы будем радоваться и грустить вместе. Наконец у меня появился человек, которому я готов довериться. Когда все закончится, то она узнает обо всем, я расскажу ей все, и, если даже после этого она решит остаться, значит я буду предан ей до конца своей жизни. Наивно? Соглашусь, но разве это плохо? Иногда именно наивность дает нам то спокойствие, о котором мы все время грезим. Я верю в лучшее и надеюсь, что достигну именно счастливого будущего.

Мои размышления вновь съели большую часть пути, поэтому путешествие до пустого гроба стало куда короче. Солнце уже опускалось за горизонт. Как же красиво выглядит могила в лучах закатного солнца. Однако Сабрины здесь нет, наверное, мы разминулись. Мой взор приковал ствол дуба. Когда я осознал, что там нарисовано, то мне бросило в дрожь. Посох, обвитый двумя змеями. *Кадуцей.*

Обратно я бежал, однако держал я путь домой через кладбище, где лежал мой отец. Мне нужно было кое в чем разобраться. Я ясно помнил тот день, когда перестал навещать отца, тогда меня что-то очень сильно напугало, но я не по-

нял, что именно. Наконец, добравшись к могиле отца, я прозрел. На его надгробии по углам были высечены маленькие символы посохов, обвитых змеями. Когда же это все началось?

«Давно, слишком давно, чтобы думать об этом. Сейчас тебе следует волноваться о себе», – заговорил неожиданно голос. Я почувствовал слабость в ногах и опустился на колени. Где-то недалеко послышался шорох. Я повернул голову и увидел чей-то силуэт, у меня не получилось разобрать кто это конкретно был, но он заговорил со мной. Его голос был изменен.

– Ты так предсказуем, что мне аж противно. Я мог бы убить тебя прямо сейчас, но это будет слишком скучно. Боже, как же ты жалок, надеюсь, что хоть на балу ты меня развлечешь.

У меня перехватило дыхание, когда я понял, что передо мной стоит Кукловод. Во рту пересохло и язык меня не слушался, говорить было тяжело, и я только и смог, что потянуться к нему рукой. Он ударил по ней своей тростью.

– Тронешь меня – и твой пустой гроб мигом перестанет таковым быть.

Еще удар. Теперь по затылку. Теряю равновесие и падаю лбом на каменную плиту могилы отца. Иронично, однако. Сознание в который раз покидает мое брренное тело. Тьма. Тишина.

Торжественное возвращение моего сознания в тело про-

изошло где-то в районе полуночи. Поражаюсь своей удаче. С такими отключениями я должен был уже пару раз умереть просто от ударов о всякие предметы вокруг, однако я все еще живой. С трудом поднимаюсь и на шатающихся ногах иду в сторону общежития. Какое счастье, что еще на первом курсе, я открыл черный ход, чтобы можно было возвращаться в любое время. Дергаю за ручку. Ничего. Еще раз и еще. Не поддается.

– Черт, только этого не хватало, – произношу я и ударяю дверь кулаком.

Облокотившись на стену, я сползаю вниз, достаю сигарету, зажигалку и курю. Небо, что удивительно, чистое, так что мне прекрасно видна вся звездная карта. Помню, что когда-то мне очень была интересна астрономия, а потому сейчас я мог хоть как-то коротать время, соединяя точки на небосводе. Точки складывались в отрезки, отрезки в фигуры, фигуры в персонажей, а уже персонажи в истории. Все-таки большую работу проделали древние греки, изучая космос. Сейчас почти каждый знаком с хоть какой-то частью греческой мифологии, удивительно, не правда ли?

Пачка сигарет постепенно пустеет, время течет, а я все также сижу у черного входа, надеясь, что он вот-вот откроется. Однако надежды тщетны. Радует лишь то, что я пока не восстановился в универе, а значит мне не нужно ни на какие пары и, когда меня впустят, я просто упаду в кровать. Подумал, что можно написать Сабрине. Черт, как же тяжело

будет объяснить ей всю эту историю с похоронами!

Кажется, начинает светать. Радует, еще немного и я посплю. Глаза уже начинают сами закрываться. Моргнул. Так тяжело открывать веки. Закрыв глаза. Показалось, что упал, дернуло, открыл глаза. С трудом поднялся и направился к главному входу. Вахтерша уже встала и, завидев меня, проявила чувство сострадания, впустив бедного студента. Я не очень внятно поблагодарил ее и побрел на свой этаж. Отсчитываю двери. Первая, вторая... Дернуло. Третья. Моя. Справляюсь с замком, вваливаюсь внутрь и заваливаюсь спать прямо в верхней одежде. Сон поглощает меня моментально.

Мне видится гигантский лабиринт. Я бегу, бегу изо всех сил, поворот сменяется поворотом, но выход не становится ближе. Из высоких бетонных стен начинают лезть руки, они пытаются меня схватить, задержать. Спотыкаюсь, падаю. Руки прижимают меня к полу, постепенно закрывают собой каждый сантиметр моего тела. Они начинают меня душить. Делаю над собой усилие и освобождаюсь. Возвращение кислорода пьянит рассудок. Картинка плывет, в глазах темнеет. Делаю шаг, еще шаг. Вижу гигантскую змею. Она обвиняет сначала мою ногу, потом мое тело, кусает меня в шею. Странное спокойствие настигает меня. Чувствую, как яд парализует мое сердце. Несколько минут жизнь проносится перед глазами и... Смерть. Вновь.

Проснулся в холодном поту. Вены пульсируют. Глаза бе-

гают из стороны в сторону, дыхание сбито. Начинаю приводить мысли в порядок. За окном светит солнце, поют птицы. Спокойствие весеннего дня добирается до моего сознания не сразу, но, сразив наконец тревогу, позволяет мне подняться. Утро начинается также. Делаю себе кофе, пью таблетки, курю. Любуюсь суетой города. Приятно вновь вернуться к спокойной жизни, хоть я и понимаю, что это ненадолго.

– Сегодня я увижусь с Сабриной, наконец-то, – начинаю я говорить с самим собой, желая как-то заглушить эту неимоверно громкую тишину. Мои слова сотрясают воздух, но вновь воцаряется тишина. Слишком давящая обстановка, решаю включить какую-нибудь музыку, однако мой телефон не подает никаких признаков жизни. Вздыхаю. Ставлю его на зарядку и, допив кофе, решаю прогуляться.

Время близится к трем часам дня. Я слонялся по улицам города порядка полутора часа, однако здесь не произошло абсолютно ничего, хотя это, наверное, даже хорошо. Кажется, что за последние пару недель я уже так привык к стрессу и каким-то событиям, что просто не представляю, как можно наслаждаться спокойствием, но прохожие прекрасно с этим справляются. Вон идет какая-то женщина с покупками, разговаривая со своей дочерью, обе смеются. А вон там сидит на скамье хмурый парень, к нему подходит девушка, целует его, и он прям расцветает, лучезарная улыбка у него. А у меня? Когда я последний раз улыбался? Когда я чувствовал себя счастливым? Ненавижу эти мысли. Ненавижу этот город.

Ненавижу людей. Ненавижу себя.

Возвращаюсь домой где-то к пяти. Телефон зарядился, и я, взяв его, отправлюсь в корпус общежития для первокурсников. Снова расспрашиваю про Сабрину, а мне говорят, что сегодня ее не было на занятиях, а дозвониться до нее никто не смог, многие вообще думали, что она со мной.

«Оу, кажется, что ты снова опоздал, ничтожество», – с насмешкой произносит *голос*.

«Ненавижу тебя», – отвечаю я и достаю телефон. Господи, надеюсь, она возьмет трубку. Идут гудки и... «Абонент временно недоступен...»

В груди начинает колоть. Выхожу из корпуса, понутив голову. Мысли запутанны, не могу разобраться, что мне делать. На глазах наворачиваются слезы, а в голове начинают появляться разные образы, от которых только тяжелее. Моему взору предстает какой-то маньяк, который пытается Сабрину также, как меня пытала Змея, потом видится какой-то ненормальный, как из моего сна в ночь перед встречей с Китобоем. Паника накатывает, а разумные мысли уходят все дальше и дальше.

Вдох. Выдох. Пытаюсь сдержать эмоции и начать думать логически. Придется побеспокоить Амикуса раньше, чем я планировал, но думаю, он поможет, как-никак я достаточно на них поработал. Достаю телефон и звоню ему, после коротко излагаю ситуацию, стараясь сдержать дрожь в голосе, что, правда получается не очень хорошо. Однако он соглашается

помочь, говорит, что завтра попробует что-то найти, но ничего не обещает, ведь им еще готовить операцию по захвату секты. Тут я вспоминаю, что сегодня уже пятница.

Возвращаюсь в общежитие, а на входе вахтерша говорит, что мне привезли какую-то тяжелую посылку, сказала, мол, чтобы занесли ко мне в квартиру. Благодарю ее, и бегом поднимаюсь к себе. Открываю дверь и перед ней стоит большой деревянный ящик, а в углу на его крышке нарисован небольшой кит.

Маски

Я дрожащими руками вскрываю ящик. Там лежит множество небольших устройств и письмо. Вздыхаю и решаю отложить все это на попозже, пока что у меня нет ни настроения, ни желания в чем-либо разбираться. Иду в ванную.

Медленно дохожу до заветной двери и открываю ее. Меня слегка слепит свет, отраженный от некогда белой плитки, и я окидываю взглядом помещение, где планирую провести по меньшей мере ближайший час. Ничего особенного там нет и никогда не было. Это небольшая комната с раковиной, ванной, зеркалом и стиралкой. Я начинаю раздеваться и стараюсь как можно реже заглядывать в зеркало.

Ванна начинает медленно наполняться, постепенно скрывая мое порядком потрепанное тело под толщей воды. В попытке прогнать все мысли из своей головы, я включаю музыку и закурываю сигарету. На фоне играет что-то спокойное, а дым от сигарет постепенно поднимается к потолку, задерживаясь там ненадолго, а после улетает в вытяжку. Я начинаю чувствовать, как моя голова тяжелеет и, приняв какую-то непонятную позу, я полностью погружаюсь под воду.

Сознание полностью пустое. В голове не единой мысли, однако я почему-то ощущаю неопишемую грусть, которая постепенно перерастает в душевную боль, что пробирает аж до слез.

Через час с трудом выталкиваю свое тело из ванной. Измотанный и опустошенный я медленно одеваюсь и решаю все-таки взглянуть на себя в зеркало. С удивлением для себя обнаруживаю, что теперь, после уже пережитых и в преддверии новых событий, мне стало несколько все равно на себя, однако я вовсе не уверен, что сие безразличие останется со мной после завершения моей миссии.

Наконец выйдя из ванной, я держу путь в сторону кровати, в надежде поскорей уснуть и отдохнуть. По пути беру письмо на случай, если сон откажется приходить и с чистой совестью падаю в объятия одеяла. Лежу с закрытыми глазами где-то минут двадцать, но, как и ожидалось, покоя мне не видать. Приходится вновь напрягать свои мышцы, сначала открывая письмо, а потом фокусируясь на том, что написано:

«Дорогой Давид,

Пишу тебе с целью объяснения работы устройств и для того, чтобы предложить план, как все это пронести на бал.

Сперва расскажу, как они работают. Суть проста: отдираешь сзади пленку, приклеиваешь куда-нибудь, набираешь время на таймере, если не указывать время, то работает оно сразу, как ты нажмешь кнопку на пульте.

Что же касается проноса сих устройств, то тебе нужно не более чем принести их в субботу к дому в конце улицы Шагала, там тебя в десять вечера будет ждать мой человек, он и пронесет эти устройства, а после спрячет где-то в особняке, в котором будет бал.

Также хочу напомнить, что был бы очень признателен, если бы ты обошелся без жертв среди простых членов секты, они должны понести свое наказание по закону, однако до Кукловода и Гарроты мне дела нет. Желаю удачи!

Смиранный Китобой».

Я выдохнул. Пришлось встать и дойти до ящика. На всех этих непонятных устройствах действительно лежал пульт. Я взял и положил его в карман, его-то я и так пронесу, тем не менее у меня есть еще практически два свободных дня, в которые мне нужно постараться, как минимум, не впасть в депрессию, а лучше найти хоть какие-то зацепки по поводу местонахождения Сабрины, хотя, несмотря на всю мою любовь к ней, первостепенно было сохранить себя, чтобы уничтожить секту. Я взглянул на кухонный стол, на котором лежала сделанная на заказ маска. Амикус передал мне ее перед отъездом к Китобою, однако она мне так и не пригодилась, но ничего, послужит в воскресенье.

Последующие минут десять я пытался составить хоть какой-то план на ближайшие пару дней, чтобы, во-первых, не умереть от скуки, а, во-вторых, отвлечься от волнения, которое с каждым часом все нарастало. Первым моим делом стало торжественное повторное открытие черного хода в общежитие, потому как я не планировал становиться примерным студентом, который возвращается в общагу вовремя, но и не планировал каждую ночь проводить на улице. Сначала я, спустившись вниз, подождал пока вахтерша куда-нибудь

отойдет, а потом незаметно забрал у нее ключ от заветной двери и уже с чистой совестью отправился на улицу. Мой путь лежал в сторону моего прежнего дома. Пришло время освежить воспоминания.

За время обучения в универе я успел уже забыть, насколько долго добираться до туда, да и образ самой квартиры уже начал выветриваться из моих воспоминаний, и я бы, наверное, так бы и забыл про нее, однако вот он двор моей милой двенадцатиэтажной панельки.

Ничего не обычного, все как у простых смертных. Длинный дом, который ближе к концу немного закручивается. Местами краска уже начала облезать, видно всю тяжесть накопленных лет. Внутри двора стоит детская площадка, которая их себя представляет всего-навсего скрипучие качели, несколько скамеек и железную горку, которая летом разогревается до каких-то астрономических температур.

Прикладываю ключ и захожу в подъезд. Местами выцветшая краска нагоняет легкий оттенок уныния, однако все держат в чистоте. Прохожу к лифтам и вижу почтовые ящики, которые совсем недавно покрасили и из которых местами просто ломится макулатура.

Вызываю лифт, продавливая прожженную кнопку, и поднимаюсь на девятый этаж. Выхожу из лифта и прохожу по небольшому коридору, делая один поворот налево. А вот и та самая дверь. Вставляю ключ в один замок, делаю два обо-

рота, дергаю ручку. Дверь не поддается, и я открываю второй замок. Наконец попав внутрь, мне встречает пыль, которую отчетливо видно в последних лучах закатного солнца.

Делаю несколько шагов внутрь. Я оказался в том самом коридоре, в котором просто бесчисленное количество раз собирался то в школу, то на улицу, то на экзамены. В коридоре все еще весят мои и Люкса старые куртки, на полочках в прихожей почему-то находятся самые разнообразные предметы, а на полу лежит ковролин. Меня окутывают воспоминания. В основном на ум приходит хорошее: отец, Люкс, все приятные моменты, которые здесь произошли, также не обошли стороной меня.

Прохожу в комнату и разглядываю фотографии, стоящие на комод. На одной из них я в детстве, искренне улыбаюсь, даже смеюсь, на соседней Люкс со своим бесконечным количеством наград за всякие олимпиады, соревнования и прочее, прочее, прочее...

Окидываю взглядом комнату и вижу старый пыльный диван, двухэтажную кровать, где мы с Люксом спали, несколько книжных шкафов, шкаф для вещей, где, как мне помнится, лежит еще один альбом. Пара пустых рабочих столов, напоминают об учебе в школе и о многих событиях.

Прохожу до шкафа и достаю тот самый альбом и смотрю уже на фотографии отца: здесь мы втроем, дальше он в молодости, а дальше... Дальше он и мать. Это вроде как единственная фотография матери, которая осталась у нас дома.

После того, как она напала на отца, мы избавились от всех упоминаний о ней, оставив лишь фотографию со свадьбы.

Фотография затронула заржавевшие струны моей памяти, и передо мной в красках предстало то ужасное событие. Отец лежит в крови, я стараюсь помочь ему, молю его, чтобы он держался, и параллельно надеюсь, что скорая успеет. Тогда, к счастью, все обошлось. С матерью несмотря на то, что ее взяла полиция, я больше не виделся, как, впрочем, и Люкс, на сколько я знаю.

Воспоминания порядком утомили и так истощенный организм, и меня начало клонить в сон. Устроившись кое-как на пыльном диване, я пару раз чихнул, но все-таки смог уснуть. Мое сознание вновь провалилось в пучину грез.

Сон был странным. Мне чудилось будто бы я иду по улицам своего города ночью, фонари то включаются, то выключаются, а в домах нет ни одного признака жизни. Вдруг из неоткуда стал доноситься голос Кукловода. Его ни с чем не сравнимый тембр залезал в самые глубины моего восприятия и вызывал самые неприятные ощущения. По телу пробежала дрожь, сердцебиение участилось, а двигаться стало тяжело. Неожиданная паника накрыла меня. Я не мог разобрать ни слова из того, что слышал, а от этого становилось только страшнее.

Передо мной стали появляться силуэты других адептов секты. По центру стояла Гаррота, такая, какой я ее себе представлял: с хорошей фигурой, в черном облегающем костю-

ме, с маской в виде розы. Левее находилась Змея, вернее то, что от нее осталось. Некогда неописуемо красивая девушка была распята, лишена глаз, языка. Я повернул голову в другую сторону. Справа от Гарроты находился Китобой. Он был жив, однако его руки и ноги были связаны, а на шею была накинута петля. Правее Китобоя находился Анастас. Он стоял на коленях, словно молился, однако по центру его головы зияла дыра от пули, глаза моего некогда хорошего друга закатились так, что теперь казались полностью белыми. Слева же от Змеи стоял Артем, с запрокинутой назад головой, из-за чего также хорошо виднелась дыра у него в челюсти.

Мое оцепенение достигло апогея, и даже дыхание теперь давалось мне с трудом. Где-то послышался детский смех, который в одночасье превратился в агонический стон, чье звучание раздирало на части само понятие души. Фигуры предо мной начали свое движение. Они стали медленно приближаться ко мне, а я лишь и смог, что упасть на колени, все еще сопровождаемый непонятными высказываниями Кукловода, леденящими душу, и премерзким детским плачем.

С каждым мгновением казалось будто бы гравитация становится сильнее, однако адепты двигались все с той же легкостью. Когда сила притяжения стала чересчур сильна для того, чтобы находиться в каком-либо положении, кроме как лежа, фигуры уже настигли меня. Гаррота коснулась своей рукой моего затылка, и из моего тела начали вырастать розы. Боль от этого была точечная, но складывалось ощущение

ние, будто в мое тело вкалываются практически одновременно сотни толстых раскаленных добела игл. В один момент игла воткнулась мне в позвоночник, и я полностью утратил контроль над всем, что находилось ниже поясницы. Спустя пару мгновений игла прилетела мне в шею, и время моей жизни сократилось до, примерно, десяти минут, а после еще одна игла, уже куда больших размеров, пробила мне затылок и прошла сквозь всю черепную коробку, поставив наконец точку в моей жизни.

Проснулся я на полу, лежа на животе, в холодном поту. Спина болела, как, впрочем, и голова. Солнце уже поднялось и активно слепило меня. Приложив немало усилий и наконец поднявшись, я направился в ванну, желая смыть с себя воспоминания об этом сне. Кошмары уже стали для меня нормой, поэтому я перестал удивляться или пугаться, мое обычное пробуждение стало сопровождаться вздохом, а также радостью, что это был сон.

Дойдя до ванной, я повернул вентили, открыв путь для воды, и кран со звуком, выражающим явное недовольство необходимостью работать, одарил меня водой, которая, правда, в первые пару секунд была ржавой. Когда оттенок воды все-таки соизволил приблизиться к привычному, я умылся. Лицо окатила приятная прохлада, и на душе стало как-то проще.

– Приятно все-таки вернуться домой, – произнес я в пустоту и с облегчением прошелся на кухню, а после в другую

комнату. Еще пару мгновений я придавался воспоминаниям, однако вскоре пришла пора уходить, и я отправился обратно в общежитие.

Несмотря на кошмар, проспал я до двенадцати и даже выспался, что, конечно, не могло не радовать меня. Всю дорогу до общаги я забивал свою голову прослушиванием музыки, периодически вспоминая про все приближающуюся миссию. Волнение то наступало, то оставляло меня. Мне начало казаться, что буквально весь смысл моей жизни в том, чтобы разобраться с сектой и помочь родному городу оправиться от этой заразы. Однако меня пугала мысль, что даже если я справлюсь, то я не испытаю ничего кроме опустошения, которое всегда наступает по достижении цели. Эта мысль была невыносима, она буквально разъедала меня изнутри все подталкивая сдать.

Моя станция метро. Я поднялся на поверхность, где меня уже ждал весенний дождик. Теплая вода одарила меня еще одним воспоминанием, в которое я очень хотел бы вернуться. Помню тогда тоже шел весенний дождь, я, Артем и Настя собрались у последней на квартире отдохнуть и чутка выпить. Весь день мы развлекались и веселились, а за окном почти постоянно шел дождь. Вечером Артему нужно было возвращаться домой, и мы пошли его провожать. Мы гуляли, наслаждались запахом мокрого асфальта, дурачились и веселились. Дождь уже кончилось и небо осветили мириады звезд, красота была неописуемая. Проводив Артема, мы на-

правились обратно к Насте, я собирался остаться у нее на ночевку. В каждом из нас уже было порядка шести бутылок пива, поэтому очевидно было, что спать мы не собираемся. По возвращении к ней мы легли смотреть какой-то фильм, и буквально через полчаса уже полностью забили на происходящее на экране, полностью отдавшись страсти. Мы переспали. Это был мой первый и, кажется, самый лучший раз. Интересно, насколько я ужасный человек, если вспоминаю такое о возможно мертвом человеке.

– Хотя она скорее всего жива, – вырвались мои мысли наружу, когда я уже подходил к общежитию.

Я решил, что отмашки от Амикуса раньше часов восьми вечера ждать не стоит, а потому я могу привести в порядок свой ум и квартиру. Уборка затянулась на пару часов, однако теперь казалось, будто это и вовсе не мои апартаменты, правда, сомневаюсь, что я смогу поддерживать эту частоту хоть какой-то период времени, тем не менее глазу стало куда приятнее.

Мой взгляд часто падал на часы, я все отслеживал сколько осталось до запланированной встречи с послем Китобоя. Часы же невзирая на мою мольбу показывали четыре часа дня. Тяжелый вздох вырвался из моей грудной клетки. Меня раздражало это чувство предвкушения предстоящего события. Из-за этого ожидания я не мог ни на чем толком сконцентрироваться, мысли бегали по черепной коробке, как атлеты по манежу, одна сменялась другой, но никакая не удер-

живала внимания дольше чем на мгновение.

Я решил сесть за книгу. В этот раз мой выбор пал на «Сон номер 9» Дэвида Митчелла, давно собирался ее прочитать, однако все никак руки не доходили.

С трудом, но через пару страниц я все-таки смог погрузить полностью свое сознание в прочтение книги. Это позволило мне расслабиться, однако ненадолго.

«*Интересная, однако, книжка*», – раздался в моей голове *голос*. По телу пробежала дрожь, а на лбу проступил пот, перед глазами сразу предстала картина изуродованного трупа Змеи. Рвота подступила к горлу, однако я смог предотвратить ужасное обесценивание трудов моей уборки.

Я закрыл глаза и оказался в пространстве сознания. В этот раз оно предстало в виде небольшого парящего острова. Здесь росли деревья и цветы, была речка, которая, доходя до края, начинала течь вверх.

Сегодня впервые за все время я увидел *голос*. И это был не Люкс, как мне казалось сначала, а я сам. С трудом я смог сдержать удивление и все-таки начал диалог.

– Чего тебе?

– Как недоброжелательно, я же тоже, между прочим, житель этого мозга, поэтому попрошу поуважительнее.

– Ты лишь побочная личность, не более.

– А ты так в этом уверен? Как ты это докажешь? У меня все те же воспоминания, что и у тебя, а принадлежность прошлых выборов к кому-либо из нас определить невозможно.

Так я еще и выгляжу в точности, как ты!

Я недовольно цыкнул.

– А теперь ближе к делу. Я пришел, чтобы наконец решить все разногласия и определить, как будет проходить наше сотрудничество. Во-первых, я предлагаю присягнуть тебе на верность, а ты взамен будешь учитывать мои интересы и в ситуациях, опасных для жизни, отдавать контроль мне, во-вторых, если мы когда-нибудь увидим Настю, я хочу с ней поговорить, взамен больше никаких выходов.

– Звучит выгодно, в чем подвох?

– Да ни в чем, я в проигрышной ситуации. После прошлого представления я чуть не стер сам себя. Захват контроля над телом требует большого количества энергии, а удержание и совершение каких-либо действий еще большего, тем не менее в состоянии стресса выделяющийся адреналин дает мне возможность спасти твою шкуру, когда стресс кончается, я возвращаюсь на второй план, из-за этого я чисто физически никогда не смогу стать первой личностью. Ну, только если сотру тебя, тогда да, однако это практически невозможно.

– Резонно, однако. Что же, мне понадобится любая помощь, тем более это решит одну из моих насущных проблем.

– Только учти, это не значит, что приступы у тебя перестанут случаться, они точно будут, это не от меня зависит.

– Понял.

Мы пожали друг другу руки и пространство озарилось

светом, а я пришел в себя, когда рядом со мной зазвонил телефон. Это Амикус.

– Да-да, – ответил я сонным голосом.

– Доброе утро, – с усмешкой начал он. – Что-то ты заспался, конечно.

– М? А какой час? – спросил я, поднимаясь на локоть на кровати.

– Семь вечера, так вот, ближе к делу. Я попробовал найти что-то про Сабрину и куда она пропала, но здесь такой же почерк сокрытия улик, как и в деле Насти: есть какие-то зацепки, но не более, все стоящие улики скрыты так, будто их и не было никогда, поэтому думаю, что, только найдя Настю, ты найдешь Сабрину.

– Понял, в любом случае, спасибо.

– Ага, давай.

Я протер глаза. Когда я успел заснуть? Видимо, перемещение в сознание равносильно сну, однако мне показалось, что я был там совсем недолго, а на деле прошло около полутора часа. Амикус еще позвонил раньше, чем я думал, но теперь такая усталость накатила.

По итогу, я лег спать дальше, предварительно поставив будильник на полдесятого. К счастью, в этот раз никакой сон мне не снился, потому по пробуждении мое тело и сознание были отдохнувшими. Я поднялся, накинул на себя легкую куртку, взял свою пачку «Харвеста», зажигалку и рюкзак полный тех приспособлений, что прислал мне Китобой.

Улица сменялась улицей, но мне не попадалось ни единой души, только пару раз где-то проехали одинокие машины. Я шел, куря и думая о завтрашнем дне. Мне нужно было придумать, чем я займу себя, чтобы успокоиться в течение дня, однако в голову не лезло абсолютно ничего, меня это раздражало. Я докурил сигарету и, достав следующую, вышел наконец на улицу Шагала. У меня оставалось еще десять минут.

Улица выглядела, на удивление, очень мрачно, казалось, что единственным источником света здесь являлась вывеска круглосуточного продуктового, хотя, по правде говоря, было еще несколько окон, из которых бил фиолетовый свет. Я усмехнулся. А вот и особняк, про который говорил Китобой. У забора я увидел какого-то человека и подошел к нему.

– Ты Давид? – спросил он суровым, прокуренным голосом.

– Да, здесь все, что нужно пронести, – я передал ему рюкзак.

– Хорошо, не забудь, завтра в восемь вечера.

Я кивнул и направился обратно в сторону продуктового. Зайдя внутрь, я прошелся по всему этому небольшому магазину и, выбрав наконец, себе энергетик, купил его. Щелчок, приятное шипение, глоток, кислотный вкус.

Возвращение прохладной ночью с энергетиком в руках, наедине со своими мыслями, что может быть лучше? Ну, наверное, только отсутствие какой-то секты, члены которой определенно собираются меня убить, а также присутствие

рядом моей пропавшей девушки. К сожалению, пока я могу только лишь молиться, что именно это случится со мной в понедельник, однако где-то внутри сидит уверенность, что все пройдет далеко не так гладко, как я себе представляю. Вообще, эта моя черта ужасна. Я ненавижу это волнение, которое накатывает, когда мой мозг начинает перебирать все возможные варианты будущего определенной ситуации, зачастую сгущая краски.

Я выдохнул и пар направился вверх. Вроде уже апрель, однако весна и не горит желанием выполнять свои обязанности, хотя я ее понимаю, наверное, когда сотни миллионов лет выполняешь одни и те же действия это надоедает.

Энергетик кончился, вижу мусорку и встаю в стойку, как для броска в баскетболе. Кидаю банку и... Идеальное попадание.

– Трехочковый! – кричу я с улыбкой.

Наконец, возвращаюсь домой, и, зайдя через черный вход, поднимаюсь к себе. Вхожу в комнату и падаю на кровать, усталость неожиданно накатывает, и я мгновенно засыпаю.

В этот раз мой организм решил пошутить и буквально заставил меня проспять пятнадцать часов. Ощущения по пробуждении были как будто я был в недельном запое. Голова раскалывалась, тяжело было что-то понять, да и встать получилось далеко не с первого раза. Когда же я смог все-таки пересилить себя, то сразу же пошел делать себе кофе. Запах божественного напитка немного привел меня в чувства,

а вкус полностью вернулся в реальность, дальше последовала таблетка от головы и беглый взгляд на часы. Шесть часов вечера. Как раз найти, что надеть, и доехать, идеально.

Я перебрал весь свой гардероб и выбрал что-то наиболее приличное: белую классическую рубашку и черные брюки. Сверху я накинул какой-то пиджак, который теперь прикрывал спрятанный за пазуху револьвер. В карман брюк я положил пульт для активации устройств и, не забыв приглашение и, конечно же, маску, отправился по адресу.

По приезду предо мной предстал большой особняк, выглядящий как поместье какого-то дворянина. Он находился за чертой города, и вокруг не было ни единого домишки, способного сравниться с ним по величественности и красоте, тем не менее я сюда не любоваться архитектурой приехал.

Я подошел ко входу, и, предъявив приглашение, зашел внутрь. Помещение было очень светлое и было заполнено людьми в разных костюмах, платьях и, конечно же, масках. Часы пробили восемь и со второго этажа к нам обратился Кукловод.

– Приветствую вас, дамы и господа, объявляю наш бал-маскарад открытым.

Бал-маскарад

Голос Кукловода был леденящим душу, однако, кажется, что только для меня, потому как все остальные присутствующие просто подняли бокалы с шампанским. Конечно, пить было не очень удобно, но никто не запрещал снимать маски или приподнимать их, однако мне такое драгоценное действие нельзя было совершить, ибо тогда бы я, скорее всего, валялся бы уже мертвым.

Рядом с Кукловодом, одетым в полностью белый костюм, в маску, на которой была изображена улыбка шута и масти карт, и в белый цилиндр, стояла, как я понял, Гаррота. Девушка была, напротив, в черном облегающем платье, на ней также были сетчатые чулки и маска в виде огромной розы. В целом, то, что я видел во сне было вовсе не так далеко от реальности, как я думал.

В любом случае, сейчас мне было не до них, сначала нужно было расставить устройства Китобоя, а потом уже разобраться с адептами. Я начал не спеша, стараясь не вызывать подозрений исследовать доступные для посещения комнаты. Простым гостям можно было передвигаться только по первому этажу, потому мне нужно было проверить не так много помещений. Пока я ходил в поисках своего рюкзака, смог подслушать, что ближе к девяти часам Кукловод выступит с речью, а это значит, что мне бы лучше управиться до начала

его выступления, как-никак я бы хотел покончить с этим с наименьшим количеством проблем.

Зайдя в очередную комнату, я был остановлен каким-то гостем.

– Выйдите из комнаты, идите в уборную, откройте дверцу, за которой проходят трубы, – сказал он мне и сразу же пошел дальше. Чтобы вызвать поменьше подозрений, я немного постоял в этой комнате и потом последовал указаниям. В туалете за щитком действительно лежал мой рюкзак, я взял сколько мог унести устройств, спрятал обратно рюкзак и отправился ходить по комнатам.

Сердце билось довольно часто, волнение только нарастало, и я в попытке его убавить решил все-таки выпить шампанского. Мне также пришлось побеседовать с некоторыми рядовыми членами секты, они все были в восторге от «Семиконечной Звезды», кто-то вообще сказал, что благодаря им нашел смысл жить.

«Ну, точно, – сектанты», – поддакнул голос.

В основном, я расставлял устройства под столы, потому как это было проще всего и куда незаметнее, вряд ли кто-то решит туда заглянуть, однако была одна проблема, эти устройства издавали неприятный звук, когда ты их активируешь, и спасало меня только то, что вокруг было достаточно шумно.

Мне пришлось сделать четыре захода за устройствами, однако я расставил их в каждой комнате первого этажа, так что

с этим проблем не должно было быть. Управился я как раз вовремя. На сцену, находящуюся у стены, на которой висел экран, вышел Кукловод. Казалось, что все это помещение изначально планировалось для этого.

– Дамы и господа, минуточку внимания, – попросил Кукловод и ударил ложечкой по бокалу. – Сегодня мы собрались здесь, не только чтобы укрепить единство нашей организации, но и почтить наших павших соратников. Совсем недавно незавидная участь постигла четвертую в рейтинге нашей организации – Змею...

На экране позади Кукловода появилась фотография Рененут и у меня перед глазами всплыл вечер в джазовом баре.

– Она служила нам верой и правдой и была частью нашей большой семьи. Еще раньше скончались пятый – Сказитель – и шестой – Отступник...

Фотография Змеи сменилась фотографиями Анастаса и Артема. По телу пробежала дрожь, мне повезло, что на моем лице была маска, потому как иначе бы всем предстала моя гримаса ужаса. Я посмотрел на свои руки и увидел на них кровь, мне казалось, что все присутствующие стали смотреть на меня, показывать пальцем и говорить в один голос:

– Убийца, убийца, убийца!

Я понимал, что это приступ, и старался не двигаться, чтобы не вызвать ни у кого подозрений, однако страх с каждой секундой одолевал меня все сильнее и уже перерастал в панику, как вдруг мой разум зацепился за голос Кукловода:

– Также мы предполагаем, что этот убийца мог явиться и на наш бал, чтобы разобраться со мной и Гарротой, поэтому... – иронично, что единственное, что сейчас связывало меня с реальностью, что не позволяло моей миссии кануть в лету, – это голос этого маньяка. Впрочем, думаю, что мне действительно нужно его поблагодарить, ведь именно благодаря этому я смог справиться с приступом и полностью вернуть свое сознание в тело.

– На этом мое выступление подходит к концу, вынужден объявить, что из-за вероятности нахождения здесь преступника, я и Гаррота вынуждены будем находиться у себя и удалиться раньше окончания бала, надеемся на ваше понимание.

Все начали хлопать и вскоре шум от аплодисментов вновь сменился шумом разговоров. У всех лестниц на второй этаж стояла охрана, поэтому скорее всего мне придется подниматься туда через крышу. В любом случае, я хотел курить, поэтому вышел на крыльцо дома. Я курил, а дым поднимался в небо. Завораживающая картина, почти также приятна глазу, как и наблюдение за огнем.

Я обошел особняк и, наконец, нашел пожарную лестницу. Залезть наверх было далеко не так просто, как я предполагал, однако моя неплохая физическая подготовка позволила мне выполнить прыжок на достаточную высоту, чтобы допрыгнуть до сложенной лестницы. Дальше было проще. Я забрался на крышу, которая, на удивление, была плоской,

точнее она становилась плоской где-то на середине ширины здания, фасад был оформлен, как положено, однако дальше предпочтение было отдано пожарной безопасности. Из двери, ведущей на импровизированный чердак, вышел Кукловод, Гаррота и какая-то девушка, у которой на голове был мешок.

– Давай оставим эту клоунаду, Давид. Сними маску и давай поговорим.

– Черт с тобой.

Я снял маску и отбросил ее от себя. Мои ладони потели, а на лице читалась ненависть и ярость.

– Смотри, каков расклад, меня ты не получишь как не проси, однако перед тем, как попрощаться с тобой, я хочу повеселиться. Кстати, советую убрать руку с пистолета, иначе в тебя выстрелю я, – он направил на меня пистолет, и заставил поднять руки. Кукловод снял мешок с головы девушки, и мое сердце ушло в пятки. Это была Сабрина, она плакала, а во рту у нее был кляп. Я было дернулся, чтобы приблизиться, однако Кукловод сделал предупредительный выстрел чуть выше моей головы.

– Гаррота, сними маску, – девушка начала медленно выполнять приказ и сначала оголилась ее шея. Я стал молиться, чтобы я оказался неправ, однако, когда маска уже поднялась выше рта и я увидел те самые две родинки на правой щеке, у меня перехватило дыхание. Я до конца старался отрицать происходящее, но судьба была непреклонна и вскоре маска

полностью обнажила лицо девушки. Настя, это была именно она.

Сознание постепенно начало затуманиваться, и я вновь увидел тот самый сон, что уже бесчисленное количество раз приходил ко мне по ночам. Весенний рассвет, крыша и Настя. Я вновь вижу, как она улыбается, вновь чувствую те чувства, которые я так долго пытался забыть, вновь ощущаю ужасное чувство животного страха. На моих глазах начинают наворачиваться слезы, а сердце прожигает грудную клетку, пытаюсь вырваться наружу.

Как только я пришел в себя, в голове пронеслись слова Амикуса, что я найду Сабрину только тогда, когда найду Настю, он даже не представляет, насколько был прав. Мне хочется задать вопрос, однако язык меня не слушается, и я лишь смотрю взглядом, полным боли на ту, которую любил.

– А теперь, самое интересное, – начал Кукловод, и я по голосу понял, что он улыбается. – Ты можешь выбрать только одну, другую я убью.

Прогремел гром и начался дождь, который быстро перерос в ливень. Волосы быстро намокли и стало очень тяжело стоять, но я не понял, было ли это от волнения или от страха.

– У тебя десять секунд, просто назови, кого мне убить. Если промолчишь, умрут обе.

Я метался между двух зол, я понимал, что это неправильно, однако я не мог решить, чего конкретно я хочу. Раньше я и представить не мог, что в столь короткий срок мне придет-

ся делать настолько значимый выбор, который затронет не только мою жизнь. Руки начали дрожать, а взгляд метался от девушки к девушке. Сабрина была вся в слезах и в ее глазах читалась мольба о помощи, в то время как взгляд Насти был абсолютно пустой, а лицо не выражало никаких эмоций, казалось даже, что она хочет умереть. Настя понурила голову.

Это было последнее мгновение в моей жизни, когда я сомневался насчет Сабрины. Именно сейчас в момент наибольшей уязвимости я решил, что готов любить. «Настя умрет», – пронеслось в мое голове.

– Сабрина, – вылетело из моих уст, и мое лицо исказилось в гримасе ужаса. Не успел я понять, что произошло, как прозвучал звук выстрела и бездыханное тело девушки упало на мокрую крышу. Тупая боль пронеслась по всему моему телу и мне захотелось вырвать себе сердце, разорвать грудь или застрелиться. Слезы моментально проступили на глазах, а я до крови прикусил губу.

«Прости, конечно, но у нас был уговор: если увидим Настю, я с ней поговорю», – произнес голос.

Мое сознание начало заполняться ненавистью, однако я полностью потерял контроль над телом. *Голос* вновь стал главным. Кукловод толкнул удивленную Настю к нему, и он начал ее целовать. Я все еще чувствовал все, что чувствует мое тело и мне было противно, было ужасно противно от того, как его руки скользят по телу этой стервы, от того, как губы сцепляются и расцепляются, от того, как Настя начина-

ет обнимать мое тело. Я впервые за все время почувствовал, что изменяю, однако я не готов оставить все как есть.

Не осознавая, что я делаю, и полностью погрузившись в пучину гнева, я смог вернуть контроль над правой рукой и, резко достав из-за пазухи револьвер, сделал пару отверстий в голове Насти. Я ощутил приятный жар, который начал идти от брызг крови, что попали мне на лицо и почувствовал небывалое облегчение, когда тело девушки начало падать мне на руки. Я также внезапно понял, что *голос* просто исчез, оставив меня самому себе.

Медленно опустив тело Насти на крышу, я направил револьвер на застывшего Кукловода, однако только и смог, что сорвать с него маску, и тут меня ждало еще одно ужасное потрясение. Это был Люкс. За всем этим, за всеми моими страданиями стоял никто иной, как мой родной брат. Я хотел было вновь выстрелить, однако Люкс опередил меня, он прострелил мне руку, чтобы я не смог его убить.

– Давид, я поражен... – сказал он с дьявольской улыбкой.

– Завали свое поганое рыло, ты...

– Нет, правда, я и подумать не мог, что тычинишь такое, у тебя диссоциативное расстройство личности?

Я ничего не ответил, лишь плюнул в его сторону.

– Понимаю, ты меня ненавидишь, понимаю, что ты чувствуешь боль, но так и должно быть. Ты – порождение Дьявола! Я **НЕНАВИЖУ ТЕБЯ!** Скажи, зачем ты тогда убил мать, скажи, зачем пырнул отца в живот, зачем?! Ты понимаешь,

как мне было тяжело жить с тобой?! ТЫ ЧУДОВИЩЕ! Я все это терпел только из-за просьбы отца, я все ждал, когда у меня появится возможность отомстить тебе, и я, наконец, дождался!

– Что ты несешь?! – прокричал я, а в сознании начали всплывать какие-то непонятные воспоминания, которые точно не принадлежали мне, по крайней мере, я упорно отрицал, что я их владелец.

Я видел, как нахожусь в своей старой квартире, чувствовал ту злость и ненависть, которые переполняли меня. Я зашел на кухню, где находилась моя мать и что-то готовила, стоя спиной ко мне. Медленно повернув голову, я увидел нож, который блеснул на солнце и моментально вскружил мне голову. Я в одно движение схватил его и воткнул под ребро собственной матери. Раздался истошный крик и на кухню прибежал отец, он попытался меня схватить и остановить, однако у него не получилось, каким-то непонятным мне самому образом я увернулся от всех его захватов и воткнул уже ему в живот нож. Я помню приятное наслаждение, которое я испытывал, когда видел, как темно-бордовая кровь разливается по кухне, помню, как жаждал смерти своих же родных, помню свой безумный смех, вызванный этим поистине страшным зрелищем.

Мне бросило в невыносимый холод. Руки задрожали, а из глаз полились слезы. Я начал терять связь с реальностью: было чувство, что еще немного и я точно отключусь.

– ТЕПЕРЬ ТЫ ОСОЗНАЛ КЕМ ТЫ ЯВЛЯЕШЬСЯ?! Я БЫ МОГ ТЕБЯ УБИТЬ, НО ЭТО БУДЕТ СЛИШКОМ МИЛОСЕРДНО. ТЫ БУДЕШЬ СТРАДАТЬ ОСОЗНАВАЯ, ЧТО ОСТАЛСЯ В ПОЛНОМ ОДИНОЧЕСТВЕ! – прокричал на меня Люкс, правда, я его уже почти не слушал. Все мои мысли сосредоточились лишь на том, что тем злом, от которого я все это время пытался спасти всех в этом городе, был я сам.

Эпилог

Все, что происходило дальше, было словно в тумане. Я не помнил больше абсолютно ничего из того вечера, однако, как мне позже рассказал Амикус, он получил мой звонок в воскресенье около девяти тридцати вечера, где я только невнятно назвал адрес и попросил побыстрее приехать, а после сбросил. По приезде они обнаружили полный особняк лежащих без сознания членов секты, однако меня нашли не сразу. Я успел весь промокнуть, и где-то еще неделю после этого пролежал в отключке.

Все это время я видел одни сплошные кошмары, где я вновь и вновь разрушаю свою семью и свою собственную жизнь. Я постоянно видел, как лишаюсь Сабрины, как ее тело падает на крышу этого проклятого особняка, я видел, как ее кровь растекается, и от этого моя боль лишь нарастала.

Когда я очнулся, примерно еще дня четыре я вообще ничего не делал, я просто смотрел в одну точку и молча плакал. Слезы сами катились по щекам бесконечным потоком. Чувство боли пронизывало каждую молекулу, каждый атом моего тела, а осознание полного одиночества душило меня. Я был в шаге от того, чтобы задушить себя трубкой от пельницы.

Шло время и мне становилось только хуже, вскоре к чувству скорби по Сабрине, жалости за смерть Насти и беско-

вечного самобичевания за убийство своих родителей прибавилось чувство ответственности за все те злодеяния, которые произошли из-за секты, ведь Люкс все это делал, чтобы отомстить мне.

Все это лежит на моих плечах и во всем этом виноват никто иной, как я сам.

Вся эта ненависть к себе росла и только росла, однако это мой крест, который мне предстоит нести, чтобы искупить хоть миллионную часть из того, что я натворил. Одно я осознал точно, себя я никогда не смогу простить.

Как бы это не было неожиданно, но со временем во мне начала нарастать ненависть к Люксу. Пелена душевной боли все еще не спала, да и вряд ли когда-нибудь спадет, однако к ней прибавилась пелена ненависти и жажды мести за Сабрину. Теперь именно это было топливом моей жизни.

Спустя какое-то время Амикус рассказал мне, что Китобой, как и обещал, сдался властям и получил наименьший возможный срок, который Амикус смог для него выбить, что-то около пятнадцати лет. Все же остальные члены секты судились нещадно. Все это привело к тому, что «Семиконечная Звезда» была полностью уничтожена.

Моя неумемная ярость привела меня к вступлению в *Организацию*, а также к заключению с ней контракта. Отныне и до конца своей жизни я должен был выполнять все поручения *Организации* беспрекословно, а за это я получу возможность рано или поздно поквитаться с Люксом.

Перед вступлением в *Организацию* меня заставили еще раз пройти обследование у Марго, однако на этот раз оно показало, что моя шизофрения вошла в стадию ремиссии, а диссоциативное расстройство личности вообще исчезло. Это было странно и, скорее всего, это единственный такой случай во всем мире, однако для меня это значило теперь лишь то, что мне будет несколько проще добраться до брата.

Мои дни теперь проходили максимально однообразно. Большую часть времени меня подготавливали к будущим миссиям, прокачивая мои навыки боевой подготовки и тактического мышления, а после ухода из универа времени на это стало достаточно. Ближе же к ночи меня постоянно начинала мучить совесть, а в голове всплывали самые разнообразные ужасные воспоминания, все никак не давая утихнуть урагану скорби и ненависти в душе. Отныне меня мучал уже другой сон, точнее кошмар. Один и тот же, из разу в раз он мешал мне спать и заставлял бояться самого себя...

Первый раз за очень долгое время я ощутил спокойствие, когда отправился на первое задание. Теперь я чувствовал себя живым, только надевая маску, которую мне когда-то давно принес Амикус. Мой Кадуцей был заключен в Люксе и был намерен забрать его, не заботясь о том, скольких усилий или жертв это потребует...

Благодарности

Сабрина Холматова и Артем Лагунов, я выражаю вам огромную благодарность просто за то, что вы есть. Для меня вы самые близкие люди (по крайней мере, на данный момент, но я надеюсь, что так будет и далее). Я извиняюсь за то, что произошло с героями, названными в вашу честь, но этого требовал сюжет. Так или иначе, большое вам спасибо, что вы рядом и что поддерживаете меня, когда это необходимо.

Арина Артищева, несмотря на то, что мы перестали общаться, из-за некоторых обстоятельств, которые, полагаю, можно опустить, я считаю своим долгом поблагодарить тебя за то, как тепло ты встретила мои первые черновики этой работы, потому что именно из-за этого я решил довести это все до ума и наконец попробовать себя в чем-то новом.

Евгения Шинина, я искренне благодарен тебе за ту критику и за ту поддержку, что ты оказывала мне по мере написания книги. Ты была моим редактором во время активной фазы написания книги, за что выражаю свою благодарность низким поклоном.

Мария Семина, благодарю тебя за самую конструктивную критику, которую я слышал во время написания книги и за помощь с устранением косяков и приведением ее в порядок. Ты была моим редактором на завершающем этапе, за что я также безмерно благодарен.

Ну, и, конечно, я благодарен себе. Кажется, впервые за всю свою жизнь я почувствовал искреннее наслаждение, когда создавал нечто, что так или иначе войдет в мою биографию. Я горд тобой, Максимов Давид-Анастас, и спасибо тебе за то, что не забросил это, хотя хотел.

Последними словами хочется поблагодарить всех тех, кто просто читал мои черновики, потому что таких людей было достаточно, а роль они сыграли не последнюю, спасибо вам за то, что терпели меня :)

*Спасибо тебе, читатель, за то, что уделил мне время!
Надеюсь, еще встретимся.*